

Н. Никонов

МАЛЬЧИШКИ

— Да-а, я думал, она на меня...— насупленный, Женька вылез из сеней.

— Ты её не бойся. Она не бодается,— тараторила Нютка.— У нас бык злой. Видел, впереди стада шёл, чёрный такой. Он даже Алёшку раз здорово зашиб, через прясло перекинул. Алёшка его из овса выгонять стал, а он не хотел выходить и ка-ак затопочет ножищами! Алёшка его палкой. А бык ка-ак подденет его рогами, Алёшку-то. Хорошо, что за рубаху зацепил, а то бы...

— Это какого Алёшку?

— Брата сродного. Он дедушке Степану пасти помогает.

— Это который в синей рубахе шёл? С хлыстиком?

— Ага,— утвердительно кивнула Нютка и позвала:— Пойдём в мячик играть?

— С кем?

— С девчонками, с нами.

— Вот ещё. Чего я там не видел? Не пойду с девчонками.

— Ну и сиди!— Нютка прищурила глаза, оттопырила нижнюю губу. Лицо её стало ещё более круглым и насмешливым.— Герой! Коровы боялся!— Она бросила хворостину и убежала.

Вообще Женьке очень хотелось поиграть в мяч. Но как тут быть? Ещё скажут «девичий пастух»— так дразнили дома тех, кто вступал в игры с девчонками. Женька редко играл с ними. Какая это игра? Чуть стукни их — они реветь, матери жалуются. Лучше посидеть за воротами. Завтра ведь домой! Он вышел на улицу и от нечего делать сел на завалинку под берёзой. Солнце опускалось за лесную гриву, тени тянулись по земле, вечерним огнём горели стёкла в избах. Где-

то далеко играла гармошка, девчонки визжали на соседней улице.

Мать позвала ужинать, но Женьке не хотелось трогаться с места. Он сидел съёжившись, неподвижно, смотрел, как рдеют на западе узкие облака, как остывает, тускнеет далёкая полоска заката.

Крепко запомнился ему этот первый вечер в деревне, с лёгкими сумерками, окутавшими избы, с зелёным лучиком высокой звезды в холодно-синем небе, с рассыпчатыми трелями сверчков, с запахом чернозёма, огурцов и укропа.

Всё затихало. Одни майские жуки ещё гудели в вершине засыпающей берёзы, да ночные бабочки кружились и порхали над высокой крапивой у плетня.

Странная судьба у человека. Ещё вчера играл Женька во дворе большого каменного дома. Задыхаясь, гонял продранный футбол. Вот и ссадина на колене. Это когда споткнулся о камень. Там было весело. Свои ребята, знакомый подъезд, исчёркинные мелом двери, лестница... И улица была своя, родная, и школа за углом. А здесь всё не так. Чужое какое-то. Непривычное. Нет. Он не останется в деревне. Всё равно домой поедет. Дома хорошо.

Женька так задумался, что вздрогнул, когда мать взяла его за руку и повела ужинать.

Чай пили на кухне из самовара. Женька впервые видел эту блестящую машину, которая пыхтела и фыркала, как паровоз. Дома чай пили из электрического чайника. Зато в блестящие бока самовара можно было смотреться, как в зеркало, и строить смешные рожи. Ужинать кончали, когда в кухне появилась Нютка, а вместе с ней её отец Андрей Иваныч — здоровенный мужчина,

прямо под потолок, в военной гимнастёрке, таких же брюках и сапогах. Он приветливо поздоровался с Анной Александровной и, словно большому, подал Женьке жёсткую загрубелую руку. Марья Степановна достала из печки ужин. Андрей Иваныч ел, басом рассказывал что-то про картошку, про то, как во второй бригаде сломался трактор, расспрашивал мать про городскую жизнь, шутил, смеялся. Как-то у него всё это сразу и хорошо получалось. Нютка пила чай. А Женька сидел и слушал, пока Анна Александровна не отправила его спать.

Он нехотя разделся, лёг, но сон не шёл. Женька ворочался, вздыхал, перекладывал подушку холодной стороной. Чтобы заснуть скорее, начал считать. Сосчитал до ста — не спится никак. Непривычно на новом месте. Закроешь глаза и видишь поля, деревню... Воспоминания всплывали в памяти. Женька вспомнил отца, когда он приезжал к ним пять лет назад, его военную фуражку, красную звёздочку, погоны, запах табака и шершавую шинель. Был и ещё один, совсем неясный, давний отрывок: вокзал, высокие вагоны, страшный паровоз с огромными колёсами, заплаканное лицо матери.

«Хоть бы папа, что ли, скорей приехал!»

В доме тихо-тихо. Но, если насторожиться, слышно, как тикают ходики на кухне, в деревне лениво лают собаки, да залетевший в комнату большой комар-долгонос надоедливо трещит и стукается о стекло.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Женька проснулся поздно. Сел на кровати и, глядя на стену с золотыми ромашками по обоям, долго не мог понять, где находится.

Погожее июньское утро стояло на дворе. Сквозь раскрытые окошки ровно голубело небо, ласточки чиликали под крышей, в деревне перекликались петухи. Ветерок подувал в окно, шевелил занавески. Свежий запах берёзовых листьев наполнял комнату.

Женька посмотрел на солнечные пятна, разбежавшиеся по вымытому полу, и вдруг почувствовал себя таким крепким, здоровым, счастливым, каким не просыпался уж очень давно. Он перекувыркнулся, ткнул кулаком подушку и снова притих, боясь спугнуть свою радость.

В кухне шипело масло — мать готовила завтрак. С улицы доносился чей-то приглушённый разговор.

Женька спрыгнул с кровати и зашлёпал босыми ногами к окну. Под окошком он увидел две головы. Одна, с толстыми косами, принадлежала, без сомнения, Нютке; другая, вихрастая и белёсая, была, пожалуй, того парнишки, что вечером гнал коров.

— Врёшь ты всё,— говорила Нютка,— никогда кукуруза у нас не росла.— Понимаешь, не рос-ла!

— Да сама врёшь!— азартно спорил мальчишка.— Я своими ушами слыхал, председатель говорил, что растёт, и шишки эти образуются, зачатки, что ли...

— Не зачатки, а початки. Грамотей! Погляди, что не вырастут.

— Вырастут!

— А вот и нет.

— Вырастут!

— Нет!

— Тебя, сороку, кто же переспорит? Верно,

как сорока, ты трещишь, трещишь! — возмущался белоголовый.

«О чём они спорят? — подумал Женька. — Кукуруза, початки какие-то!»

Он начал одеваться.

В комнату зашла мама и велела идти завтракать, хотя по дороге в кухню Женька горячо доказывал, что чай пить не будет и есть пока не хочется.

Но разве она поймёт? Пришлось садиться за стол. Когда же с едой было кончено и Женька вылетел за ворота, Нютки на завалинке не было. Под окошком сидел светловолосый мальчишка, колотил по земле прутиком, насвистывая сквозь зубы. Вся одежда его состояла из синей рубахи и застиранных штанов. Штаны раньше тоже были синие, а теперь основательно полиняли.

Мальчишка поднял голову. Не зная, о чём говорить, оба молча разглядывали друг друга.

«Загар-то какой!» — подумал Женька, рассматривая его загорелое лицо, на котором живыми огоньками светились спокойные серые глаза.

— Ты зачем к нам приехал? — спросил, наконец, вихрастый.

— Отдыхать.

— Летом все работают.

— Да видишь, я после больницы. Мама у меня учительница, она в отпуске.

— То-то ты такой хлипкий, — протянул мальчишка. — Мне Нютка сказывала, будто ты два месяца лежнем вылежал!

— Не два вовсе, а месяц да три недели, — поправил Женька. — Я не хлипкий, тебя-то не испугался.

— Ты не злись. Это я так, к слову, — быстро сказал мальчуган. — Тебя как зовут хоть?

— Меня Женькой. Мама-то Женей зовёт, а ребята Женькой.

— А меня Алёшкой.

Мальчишки разговорились, присели на завалинку. Из расспросов Женька узнал, что Алёшка живёт с дедушкой, дедушка у него пастух, пасёт колхозный скот, а он, Алёшка, ему помогает. Женька сообщил, что отец у него в армии, служит лётчиком на Дальнем Востоке и к осени, наверное, приедет к ним.

— Тебе лет сколько? — спрашивал Женька.

— Годов-то, брат, много уж.

— Сколько «много»?

Известно, что мальчишки не любят говорить, сколько им лет. Вдруг мало? Маленьким считать будут. Поэтому Алёшка нехотя ответил:

— А тебе зачем?

— Так. Мне, например, одиннадцать — двенадцатый.

— А мне двенадцать скоро будет, осенью,— похвалился Алёшка и неожиданно предложил: — Пойдём деревню глядеть!

— Чего её глядеть-то?— удивился Женька.— Мне и так здесь надоело. Скучно. Народу нет. Тишина...

— Ну, в лес айда, в поле...

Женька замялся.

— В лес-то бы я пошёл. Только...— он доверчиво посмотрел на Алёшку,— боюсь, вдруг заблудимся? Когда мы в поезде ехали, какой-то дяденька рассказывал, как двенадцать суток в лесу плутал, про волков говорил, будто они по ночам в деревню заходят. Мама не пустит.

Алёшка смотрел на товарища, моргал глазами, а потом понял и расхохотался так, что едва не свалился с завалинки.

— Заблудимся! Ха-ха-ха. Волки! Ха-ха-ха. Экой ты! Ой, батюшки! Мама не пустит!

Хохот Алёшки смутил Женьку, и он подумал, что, пожалуй, и впрямь зря опасается. Он хмуро оправдывался:

— Я не сам боюсь, у меня мама такая. Она вечно: «Ой, не ходи, ой, не бегай, ой, простудишься!» Не отпустит.

— Ну, сходи, спроси, может, пустит,— Алёшка перестал смеяться. Женька скрылся в воротах, а спустя короткое время вылетел обратно с сачком в руках и, приплясывая, завопил:

— Отпустила! Отпустила!

— Я что говорил,— солидно отозвался Алёшка.— Айда!

И новые друзья зашагали по улице.

Сначала шли молча. Алёшка махал прутиком,

сшибал верхушки лебеды у заборов, изредка посматривал на своего спутника. Женька восторженно глазел по сторонам. Чистые, как утренний воздух, мысли бежали в его голове, он радовался, что лето всё впереди, что будут ещё и ясные дни, и жара, и грозы, и ягоды, и грибы, и купание. Всё вокруг было ново, интересно, непонятно. К чему, скажем, это прясло, если через него так удобно перелезать, что за бетонные башни у кирпичных сараев, почему улица в деревне никак не называется, крыши изб больше просто деревянные и не обшиты железом, как в городе, зато есть ветряная мельница, хотя и без крыльев, какие рисуют на картинах. Сделано у неё колесо с лопастями, поднято на стойках высоко вверх и слабо крутится: ветру мало.

— Там что мелют?— Женька указал на железную вышку ветряка.

— Ничего. Ветряк воду на молочную ферму подаёт из колодца,— ответил Алёшка.— Когда ветер сильный бывает, и электричество даже получается. Машину приделывают. Динамо.

За бревенчатой изгородью околицы начинались поля, разделённые глинистой выемкой оврага. Дорога с просохшими колеями убегала к лесной опушке, вилась между одинокими берёзами.

— А воздух здесь чистый-чистый,— улыбнулся Женька.

— Он завсегда такой,— отозвался Алёшка.

Женька покачал головой. Откуда Алёшке, жителю деревни, знать про городскую пыль, про серые листья акаций и тополей.

— Смотри, какая ровная трава, будто подстриженная!— указал Женька на весёлую озимь.

— Это же не трава. Хлеб. Рожь посеяна!

— Не обманывай. Мельница у тебя не мель-

ница, трава — почему-то хлеб. Если бы рожь была, у неё и колосья были б!

— Колосья будут. К осени. А может, ты думаешь, что тут калачи сразу вырастают? — Алёшка захохотал.

— Откуда я знаю? Первый раз вижу, как рожь растёт. Мне и не разобрать, которая рожь, которая пшеница, которая так, трава.

Они подошли к обочине поля, и Женька увидел, что из рыхлой земли поднимается бесчисленное множество острых травинок. Каждый стебелёк наверху скручивался, из него торчал крохотный зачаток колоска.

— Видишь? Колоситься рожь начинает, — показал Алёшка. — Колосок у неё отрастёт — цвести будет. Думаешь, рожь не цветёт? Она тоже цветёт. Ну цветки у неё не совсем настоящие, непохожие. Так, у колосинки маленько сбоку жёлтые загнутые штучки — и всё. В июне у нас по полям с верёвкой ходят. Натянут и пойдут. Верёвка по колоскам тащится, пыльцу сбивает, и её ветром на другие колосья переносит. От этого и урожаю большая прибавка.

— Почему?

— Просто больше зёрнышек в колосьях зародится.

Алёшка с малых лет видел поля и хлеба, привык к ним и знал, должно быть, очень много. Он пустился рассказывать о сорняках, о головне, превращающей колосья в гнилую пыль, о вредном клопе-черепашке, который высасывает зёрна.

Рассказывая, он махал руками, показывал высоту ржи, величину колосьев. Лицо у него светилось радостью, нос морщился.

— Тебе бы ботаником быть, — сказал Женька.

— И буду,— уверенно ответил Алёшка.— Выучусь и буду,— он рассеянно усмехнулся, поглядел вокруг и тихонько толкнул Женьку:— Смотри, бабочек-то!

Бабочки, рыжеватые, жёлтые, белые, кружились над цветами у дороги. Они то присаживались на венчики цветов, то взлетали, будто испуганные, и уносились вдаль.

Сжимая сачок, Женька начал подкрадываться к цветам. Прицелился. Раз! Первая бабочка шуршит и трепещется в складках марли.

— Алёшка! Траурница!

— Я не траурница,— смеётся тот.

— Да не ты, бабочка,— бормочет Женька. Он подхватывает на лету другую. Заглядывает в сачок, видит блестящие, как новый шёлк, крылья и, не будучи в силах сдержать восторга, снова кричит: «Алёш! Голубянка»!

Любил Женька собирать жуков и бабочек. Но дома попадались одни крапивницы, которые както умудрялись изредка залетать в их двор, похожий на огромный каменный колодец. Мать покупала переводные картинки,— они да ещё рисунки в книгах заменяли ему настоящих бабочек. Но сейчас мальчуган видел десятки этих разноцветных пугливых насекомых и забыл обо всём на свете. Взмокший, раскрасневшийся, счастливый, он гонялся за ними вдоль дороги, бежал к оврагу, преследуя вёрткую добычу, подхватывал и, задыхаясь, кричал: «Ой, смотри скорее, какую я зебру поймал! Вся в полосках!»

...Солнце поднялось выше. Растаяли мелкие рябые облачка. Нагретый воздух дрожал над полями. Жаворонки звенели высоко-высоко.

Спасаясь от зноя, мальчики свернули с дороги и направились к оврагу. По краям его рос мелкий

березняк, осинки, черёмухи. Резные листья полевой клубники устилали пологий скат оврага, спускались к самой воде. Женька нарвал белых недоспелых ягод и, морщась от кислоты, ел их одну за другой. Как не съесть? Всё-таки клубника!

Они отыскали тенистый берёзовый куст, устало опустились на траву.

— Ух, и жарко же!— Алёшка повалился на спину, раскинул руки, сладко потянулся.— Сенокос скоро,— проговорил он.— Вишь, парит как, травы поднялись, цвести будут — самая пора их косить. Перед цветением трава всё соки набирает, и сено из неё хорошее, сладкое, говорят.

— И ты тоже будешь косить?

— Ясно. Мы свою бригаду соберём. Школьную. Нютка у нас бригадир.

— Нютка — твоя сестра?

— Сродная. Тётка Марья с моей мамкой сёстры,— пояснил Алёшка и внезапно, вспомнив что-то, потускнел, нахмурился, зажал глаза рукой.

— Ты что?— удивился Женька.

— Голова вроде бы заболела. Напекло, видать,— Алёшка сел, сорвал травинку и начал крутить её в пальцах, рассеянно глядя куда-то мимо.

Женька посмотрел на странное поведение товарища и тоже умолк, бесцельно разгребая траву, стараясь понять, что заставило замолчать словоохотливого дружка. Алёшка нравился ему. Нравился его спокойный голос, безобидный смех, взрослая простая рассудительность, чего не видел Женька у своих приятелей — городских мальчишек.

Взять хоть Альку Грозных, которого постоянно можно было видеть на площадке у дома, где он гонял футбол или лупил девчонок. Умел он далеко плевать сквозь зубы, хвастал перочинным но-

жиком с двенадцатью предметами, а весной частенько удирал с уроков, «казачил» по кино.

Не походил на Алёшку и сосед по квартире Коля Яковлев, чистенький, аккуратный мальчик, которого в школу провожала бабушка. Он учился музыке, носил очки, кушал, как сам говорил, «в определённое время», и мать всегда ставила его Женьке в пример.

Даже и смех Алёшки не обижал. Он смеялся беззлобно и добродушно. Так смеются взрослые над проделками малышей.

— Я бы тоже пошёл косить,— робко начал Женька.— Возьмёте? Ты не гляди, что я худой, я сильный, как папа.

— Косить тяжело,— задумчиво сказал Алёшка.— Не сдюжишь литовкой махать. Вон руки твои, что соломинки. Истощила тебя больница.

— Бригада большая у вас?— не отставал мальчишка.

— Бригада обыкновенная, пионерская. Ещё с прошлого года её собрали. Нютка, я, Мишка Глотов, Ванюшка Галкин, ещё ребята да девчонки: Нина, Маруська, Аниска тоже. Всех-то десять человек наших, из Ручьёвой. В Сосновском, там больше, там школа, сельсовет. У них бригада — человек сорок, с пионервожатой работают, с учителем. А мы одни. Прикрепляли одну девчонку из девятого класса, да её не слушают. Мишка — парень бедовый, драться любит, зубоскалить, его ещё в третьем классе чуть из школы не выключили. Так и ушла она, вожатая-то. После мы Нютку выбрали... Нютка лучше. Она и Мишке спуску не даст.

Бригада наша не всегда работает, а когда надо. Мы сено грести можем, садить что, поливать. Председатель Нюткиному отцу скажет, он

ей — и собираемся. Летось вот семьсот трудодней заработали и благодарность от правления была,— закончил Алёшка и поднялся с земли.

— Пойдём домой,— сказал он.— Мне ещё ледке обед снести надо. А тебя мы возьмём, ежели отпустят. Работу полегче выберем. Уж я с Нюткой сам говорить буду. Пойдём!

Он повёл товарища обходным путём по краю оврага. Тут было ближе. Женька шагал вслед Алёшке, очень довольный, что его берут в бригаду, довольный богатым уловом и даже сухим зноем полдневного солнца. В полях легче переносить жару. В городе накалённый асфальт, камни мостовой и железные крыши не дают ей разойтись, вбирают и держат духоту. А здесь ветерок гудит в ушах, освежает разгорячённое лицо, отдувает рубаху, треплет листья кустов. Береговые ласточки носятся над сверкающей речкой, в широкой дали поля виднеются фигурки работающих женщин. Два маленьких колёсных трактора с прицепленными к ним рыхлителями нетерпеливо ползут к лесу, влажные полоски взбугрённой земли тянутся за ними, умные птицы — грачи шагают по бороздам, подбирают червяков.

Женька так загляделся на работу машин, что едва не налетел на лысого старика с пучкастыми бровями и окладистой бородой, который попался навстречу. Был он в ситцевой рубашке, опояске с кистями, а брюки заправлены в высокие валенки. Алёшка поздоровался с ним. Старик ответил, улыбнулся в седую бороду, внимательно глянул на Женьку из-под лохматых бровей.

— В гости забегайте,— пригласил он ребят и неторопливо отправился дальше.

— Кто это?— спросил Женька, оглядываясь на согнутую спину старика.

— Дедушка.

— Чей? Твой, что ли?

— Не. Это с пасеки. У нас его все так зовут. А по-настоящему его звать Матвеич.

— Зачем же он по жаре в валенках ходит?

— Ноги застудил. Болят ноги у него. Ну и ходит в пимах,— пояснил Алёшка.— Мы к нему на пасеку сбегаем. Он хороший, добрый.

Межа льняного поля подходила к самому краю оврага. Тонкий нежный лён рос густо, так что не было видно земли. За льном, на подходе к деревне, чернела незасеянная пашня. Жёлтоклювые скворцы суетливо бегали между комьями. Они не пугались ребят, занятые важными птичьими делами.

Алёшка сказал, что пустая земля называется «пар». По парам осенью озимую рожь сеют.

— Под снег?— не верил Женька.

— Она до снегу взойдёт. Снег для неё не вредный. В нём тепло. Рожь перезимует, а на другое лето вырастет. Под пшеницу, под яровые хлеба, которые весной сеют, землю с осени пашут, она называется зябь. Зябнет, значит, пашня, сорняк в ней вымерзает, жуки, червяки всякие...

Что-то жёлтое мелькнуло впереди над зеленью крапивы и мышиного горошка. Огромная чудесная бабочка соломенного цвета с тёмными зигзагами и пятнами по крыльям уселась на цветок.

— Махаон! Стой ты, стой!— прошипел Женька. Он вытаращил глаза, согнулся, закусил губу и сделал первый шаг. Сидит! Ещё шаг. Сидит! Ещё... Алёшка застыл с разинутым ртом. Хлоп!

Женька повалился в крапиву, обжёг руки, но не выпустил сачка.

— Поймал!— завопил он в диком восторге.

Наверное, целых полчаса провозились с сачком, пока со всеми предосторожностями махаон не был извлечён и пересажен в отдельную коробку.

— Тут. Слышишь? Шуршит,— торжествовал Женька.

Алёшка посмеивался:

— Ну, чудной! От-то как! Пузом в крапиву...

Он оглядел Женькины руки в белых пятнах крапивных ожогов посоветовал:

— Ты руки-то оближи. Намажь слюнями. Помогает!

...Анна Александровна с озабоченным лицом сидела у окна, поджидая сына. Он ушёл в поле с утра и к обеду не возвратился. Она беспокойно поглядывала на улицу и уже решила было пойти на розыски, как вдруг с грохотом отворилась калитка, и Женька промчался по двору, словно за ним гнались волки.

— Мама! Мама! — вопил он, появляясь на кухне. — Ты ничего не знаешь! Ничего! Я махаона поймал! Поймал! Вот, — Женька совал в руки матери какую-то коробку. — Да посмотри же!

— А я уже хотела чемоданы собирать, — сказала Анна Александровна.

— Куда чемоданы? — испугался он.

— Домой! Ты же сам просил. Говорил, «скучно».

Женька начал рассматривать сбитые носки своих ботинок, потом подошёл к матери и заговорил быстро и горячо:

— Не надо! Не собирай! Не поедем! Это я так, это я сначала. Мне нравится здесь, честное слово, нравится.

— Ну, хорошо. Останемся, — согласилась мать и с удовольствием заметила, как осветилось улыбкой бледное лицо сына, уже тронутое здоровым деревенским загаром.

Вечером к окну явился Алёшка и, ни за что не согласившись зайти в комнату, позвал Женьку играть.

В мяч играли на большой поляне, позади Нюткиного огорода. Трава на ней росла редкая, вытоптанная, должно быть, только мелкие кузнечики находили её пригодной для жилья, потому что при каждом шаге дождём сыпались из-под ног. Алёшка, Нютка и Женька явились вовремя: на поляне собралась почти вся ручьёвская бригада. Двое мальчишек и три девчонки сидели на траве и поглядывали на Женьку так, как в зоопарке смотрят на диковинных зверей. Всеобщему обсуждению немедленно подверглись его короткие штаны, куртка с застёжкой-молнией, звёздочка с отцовского погона, которую он носил на груди. Познакомились быстро. Женька узнал, что

невысокую чумазую и остроносую девчонку с тонкими косичками зовут Аниска, а двух девочек-сестёр — Нина и Маруся. Ребят звали — одного Санька, он был повыше Алёшки, такой же загорелый и светловолосый, но с подслеповатыми глазками и головой, как огурец; второго, рыженького, веснушчатого, с белыми ресницами — Федя. На вид он был младше других.

Поодаль от старших в качестве зрителей расположились малыши, возглавляемые шустрым чёрным мальчонкой в невероятно грязной рубашке и продранных коротких штанах, которые каким-то чудом держались на нём, прицепленные на лямке за одну пуговицу. Черномазый был настоящим бесёнком. Он поминутно вертелся на месте, раздавал щелчки и тычки своей компании, а Женьке показал язык.

— Ну, ты, чума!— пригрозил ему Алёшка.— Это Витька Глотов. Ух, какой гадёныш! Ещё вырасти не успел, а уж по огородам лазает, дерётся. Смотри, штаны-то как исполосовал. Он нашего Мишки брат. Однако почище его будет. В прошлый год осенью снопы за деревней собрал, поджёг, костёр наладил, а ветер был. Понесло искры — из-за него чуть деревня не загорелась.

Играть уговорились в лунки. Алёшка выкопал щепкой восемь ямок, покрутил в них пяткой, чтобы сделать круглыми, и каждый из ребят положил в свою лунку кто гальку, кто стёклышко, кто травинку. Начали считаться. Нютка первая протараторила смешную считалку и, прыгая на одной ноге, закричала: «Я вышла, я вышла!» Считались быстро. Через три минуты от кружка ребят остались двое — Федя и Женька.

«Он маленький, ему не обсчитать»,— подумал Женька.

Шли по дологе
Кулиные ноги, —

заторопился, закартавил рыжик.

Кулиные ноги
Хотели свалить,
Кто плозевает,
Будет га-лить,—

вывернулся малыш, и Женька остался последним.

Игра началась жаркая. Мячик катили по земле, и едва он западал в чью-нибудь ямку, все кидались врассыпную. Хозяин лунки должен был схватить мяч, крикнуть «стой» и метко бросить в одного из играющих.

И тут-то Женька понял, насколько слабее он новых друзей. Он часто промахивался, не мог бы-

стро убегать, падал под дружный смех ребят, а сам чуть не плакал с досады.

Мальчишка крепился. Пробовал улыбаться над своей неловкостью, но, когда, наверное в тридцатый раз, ему пришлось галить и долговязый Санька заметил, что Женька ещё мало ел каши, он бросил мячик и, опустив голову, пошёл прочь.

Ребята затихли и смотрели вслед удалявшемуся мальчугану.

— Заревел,— пренебрежительно протянул Санька.— Рёва!

— Дурак ты — вот что!— неожиданно и зло сказал Алёшка, махнул рукой и побежал.

— Подлизываются,— пробормотал озадаченный Санька, увидев, как Нютка тоже кинулась следом за Алёшкой.

Горькие мысли плыли в Женькиной голове. «Слабый... Смеются... Каши мало ел. Каши? А вот если бы... Если бы они...» Было обидно, было тяжело. «Вот тебе и сильный и как папа...

Эх!» Женька шмыгнул носом, вытирал рукавом непрошенные слёзы, а они текли, текли против его воли.

— Женька! Погоди. Женя! — услышал он, но не обернулся, а, лишь замедлив шаг, из-за плеча взглянул назад.

Он увидел взволнованные лица Алёшки и Нютки.

— Ты что? Ты не сердись. Они не со зла, они так, — утешал его Алёшка. — Играть научишься! Я научу!

— Правда?

— О чём говорить! Вон Нютка тоже скажет.

— Ладно! — кивнул Женька. — А я ведь думал, вы тоже надо мной смеётесь, — тихонько добавил он.

ДЕДУШКА

Когда-то крыша бани была новая, но дожди, ветры и время состарили её, тёс потемнел, расщелился и оброс таким плотным упругим мхом, словно кровлю застелили зелёным плюшем.

Со свеса крыши торчали три пары ног. Одни загорелые, с чёрными пятками, в царапинах и ссадинах; другие тонкие и белые; третьи — стройные ноги девочки. Наверное, вы уже догадались, что чёрнопятые ноги принадлежали Алёшке, белые — Женьке, а последние были Нюткины.

Удобно развалясь на замшелой крыше, друзья загорали. Женька грелся на солнце, как котёнок, блаженно щурился и улыбался: нравилось ему лежать на тёплых досках и, подста-

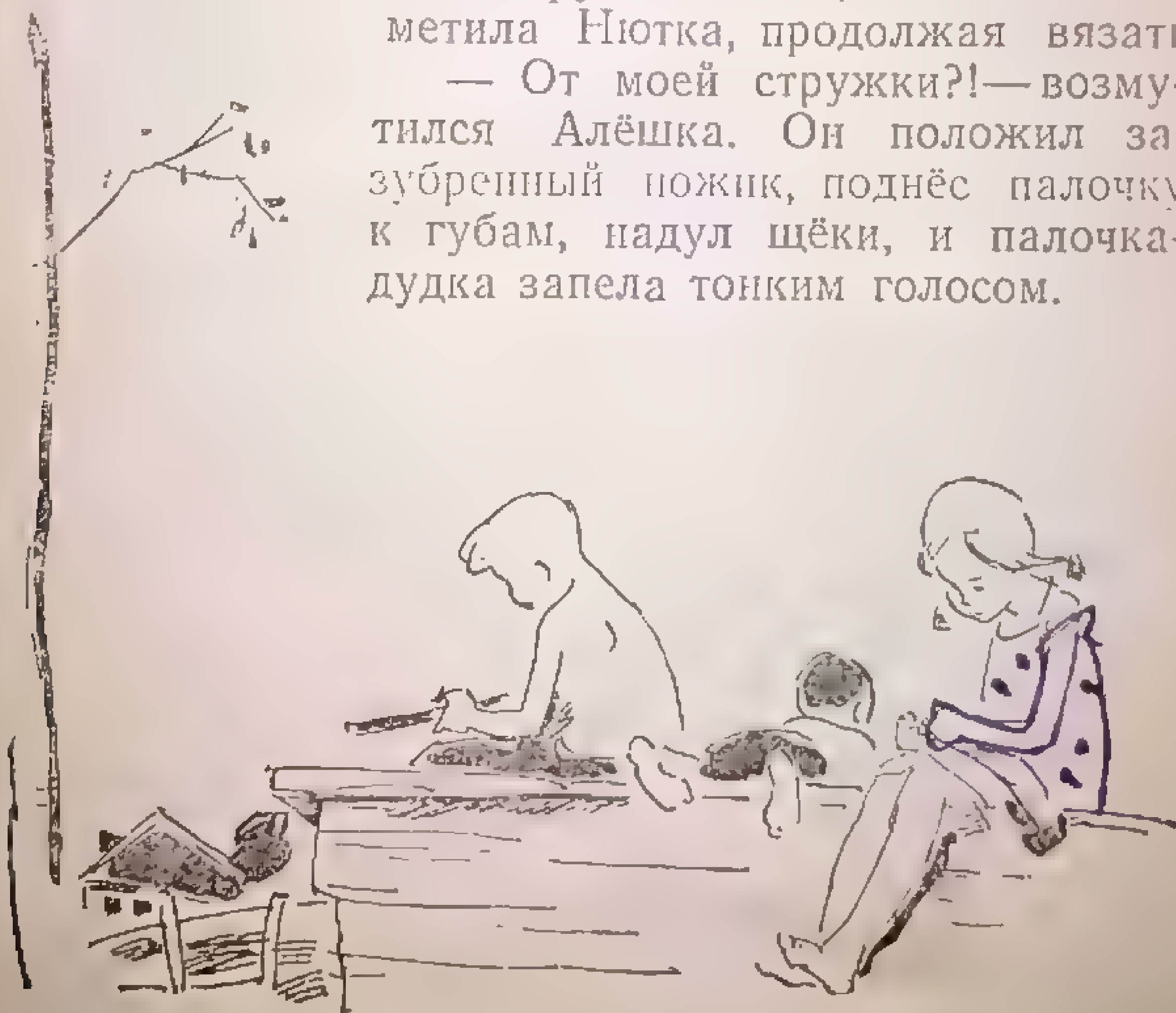
вив жарким лучам худенькую грудь, смотреть, как летят-спешат куда-то лёгкие клочья облаков.

Алёшка, без рубахи, похожий на индейца, у которого загар не берёт и без того коричневую кожу, сидел на краю. Нахмурив брови, он ожесточённо строгал какую-то палочку, по обыкновению посвистывая сквозь зубы. Рядом с ним сидела Нютка. Она не загорала, а вязала кружево, и тонкий железный крючок поблескивал в её руках.

— Как тебе не надоест крючком вертеть? — заговорил Алёшка. — Гляди, пальцы проковыряешь!

— От моей работы хоть толк будет, а от твоей — стружки одни, — спокойно заметила Нютка, продолжая вязать.

— От моей стружки?! — возмутился Алёшка. Он положил зазубренный ножик, поднёс палочку к губам, надул щёки, и палочка-дудка запела тонким голосом.

— Слыхала? Во! Это жалейка. Хочешь поиграть?— и Алёшка с готовностью вытер заслюнявленный конец дудки о штаны.

— Ну и музыка!— Нютка бросила вязать и заткнула уши.— Музыкант из тебя, Алёшка, будет.

— И получится,— не смутился он.— Я на гармонии учусь. «Барыню» с перебором умею, ещё «Летят перелётные птицы», «Рябину»... Ты, Женька, как вырастешь, кем будешь?

— Лётчиком, как папа,— простодушно ответил тот.

— С печи на полати летать,— не утерпела Нютка.

— Давай накладём ей, что она всех просмеивает,— разозлился Алёшка и встал на четвереньки, чтоб столкнуть с крыши задорную девчонку.

Но Нютка сама спрыгнула вниз, показала мальчишкам язык и убежала, прыгая через грядки, как коза.

— Алёша, кто тебя эту свистелку научил делать?— спросил Женька.

— Жалейку-то? Дедушка научил, Матвеич. Он много умеет: за пчёлами смотреть, рябцов искать, соловьёв ловить, столярничать. У нас по деревне говорят: золотые, мол, руки у него, у дедушки, значит. А руки-то просто старые, не гнутся уж ладом, изробленные.

— Пойдём на пасеку,—предложил Алёшка.— Перегреешься — голова заболит.

— Пошли!— обрадовался Женька. Он осторожно спустился с крыши, надел рубаху.

— И ботинки надевай. Сотрёшь ноги с непривычки,— посоветовал Алёшка.

Подражая товарищу, Женька тоже ходил босой, тайком от матери. Из дому он уходил обу-

тый, но, если было тепло, ботинки спокойно отдыхали в углу сарая.

Ребята перелезли через прясло и уже хотели отправиться дальше, как их окликнули.

У ворот стоял зелёный мотоцикл, а около него Нюткин отец вытирал тряпкой замасленные руки.

— Куда направились? — спросил он.

— Мы к дедушке, — охотно отозвался Алёшка. — На пасеку.

— Садитесь. Я вас как раз до поворота довезу. Мне в Сосновку, — предложил дядя Андрей.

Упрашивать было не надо. Ребята радостно переглянулись.

— Ух! — вырвалось у Женьки.

— Лезь! — тихонько сказал Алёшка. — Прокатимся!

Женька забрался в зыбкую коляску. Товарищ примостился на заднем седле. Дядя Андрей плотно уселся на широком седле водителя.

Мотоцикл затрещал. Рывком сдвинулся с места и покатил по улице, распугивая глупых кур, которые с кудахтаньем полетели через плетень прямо в огород. Сгорбленная бабка, размахивая палкой, появилась на крылечке.

— Кыш! Окаянные! — запричитала она, торопливо спускаясь с лестницы.

Ветер бьёт в лицо, глаза слезятся с непривычки, потряхивает на ухабах. Женька цепляется за борт коляски. Промелькнула изгородь колхозного сада, яблони, вишни, ряды малины; бежит по обочине рожь с редкими головками васильков, и она позади, и уже плещутся у дороги зелёно-голубые волны льняного поля. Дальше! Дальше! Ровно гудит мотор. «Славная машина! Вот так бы всё ехать, ехать», — думает Женька, украдкой взглядывая на товарища.

Тот крепко держится за резиновое кольцо седла, жмурится, нос у него блестит. Видно, что Алёшка очень доволен.

Стоп! Умолк мотор. Машина плавно остановилась. Приехали. Слезли степенно. Дружно сказали «спасибо». Женька погладил крыло мотоцикла, от которого крепко пахло тёплым запахом отработанного бензина.

— К обеду не опаздывай. Анна Александровна беспокоиться будет! Ну, прощайте пока!— Дядя Андрей поехал дальше.

— Как здорово! — сказал Женька. — Нам, если бы ногами, так ещё бы идти, идти. Это его мотоцикл?

— Нет. Это наш, колхозный. Они у каждого бригадира есть, у председателя, у Семёна Иваныча, у Санькиного отца. Только Санькин отец не катает. Хоть бы раз подвёз. А Нюткин добрый. Он всегда. Я с ним пять раз ездил. А у председателя в Сосновском машина «победа» есть. Краси-и-вая!

— Я, как большой вырасту, куплю себе такой мотоцикл. Чтобы везде кататься. Захотел — и поехал. Хорошо ведь?

— Можно и на велисапеде. Мотоцикл целые тыщи стоит, — не соглашался Алёшка.

— Думаешь, я тысячу не заработаю? — упорствовал товарищ. — Я, может, целых три сразу буду получать.

— Ой, ой, как врёшь! Куда тебе столько! Мой дедко на трудодни в прошлый год две тыщи получил, так это целый стол денег, вот. Уж он их считал, считал, целый вечер, вот провалиться мне на этом месте, — побожился Алёшка.

— Ну, пусть одну.

— А мотоцикл шесть, говорят, сто-

нт. Понял? Целых шесть ты-ся-чев! — раздельно проговорил Алёшка и помахал указательным пальцем перед Женькиным носом.

— Тысяч! — поправил Женька. — Я всё равно куплю. Даже по тысяче получать буду. Полгода — и мотоцикл тебе тут.

Алёша засмеялся:

— А есть ты траву будешь? Сахар надо, хлеб надо, молоко, одёжу, ботинки, — перечислял он. — Это как?

— Правда, — согласился Женька. — Сахар надо. Хлеб-то ещё как-нибудь, молоко тоже. Мама меня насильно пить его заставляет. Я говорю: «Не буду!» А она: «Пей!» Я говорю: «Не хочу!» А она: «Из-за стола не выпущу!»

Мальчики спорили долго, но в конце концов решили, что мотоцикл у Женьки будет. Да что там мотоцикл! Ведь, если работать по-настоящему, будет тогда у Женьки и «победа», как у сосновского председателя и орденом могут его наградить, как наградили зимой Алёшкиного дедушку и Марию Степановну и Федькиного отца, который работает в МТС трактористом...

Пасека расположилась на пригорке, у самого леса. Толстые дуплистые липы окружали её с трёх сторон. С четвёртой стояла небольшая избёнка и длинный бревенчатый сарай с навесом, словно осевший в землю. С дороги в высокой траве пригорка виднелись ряды односкатных ящиков — ульев.

— Надо бы дедушку позвать, — сказал Алёшка, не доходя до избы.

— Зачем?

— Чтобы встретил.

— Почему? — не понял Женька. — Ой!..

Что-то маленькое, но ужасно злое загудело над ухом, запуталось в волосах. Женька закружился, замахал руками, хлопнул себя по голове и тотчас с воплем отдёрнул руку. Он поднёс её к глазам, но ничего не увидел, хотя казалось, что в ладонь ткнули раскалённым гвоздём.

— Пчела,— объяснил Алёшка. Он стоял спокойно, не шевелился.— Ты не вертись, а то они нам такого жару зададут... Не любят, чтобы к пасеке кто чужой подходил.

Женька подул на горевшую ладонь и растерянно опустил руки.

На крик Женьки из дощатых сеней высунулась борода Матвеича.

— Дедушка!— закричал Алёшка.— Помоги, пчёлы!

Старик торопливо, шаркая валенками, нырнул в избушку.

Оттуда он появился с двумя обручами, обтянутыми мелкой сеткой.

— Надевайте,— подал он сетки ребятам.

— Ух, здорово они кусаются!— сказал Женька и передёрнул плечами. Теперь, когда голова была в безопасности, а руки засунуты в карманы штанов, вся храбрость сразу воротилась.

— Ну, заходите, гостями будете,— приглашал дед.

Изба старика удивила Женьку. Под белёным потолком низенькой комнатушки по стенам, между окнами, висели просторные клетки, в которых прыгали, щебетали, перекликались друг с другом певчие птицы. Тут были зелёные чижи, серенькие коноплянки, снегири и другие птицы, каких Женьке не доводилось видеть.

По полу бегал ручной перепел, при появлении ребят нырнувший под печку.

— Да-а,— вздохнул восхищённый Женька.— Столько, наверное, и в зоопарке нет.

Матвеич сиял. Усадив ребят на лавку, принялся показывать своих питомцев.

Среди них особенно понравилась Женьке черноголовая птичка с золотистой грудью и коричневой полоской поперёк зоба. «Дубровник!»— сказал Матвеич.

Тоненький, стройный дубровник сидел на жёрдочке, чистил клюв, отряхивался.

— Запоёт сейчас,— прошептал дед.

— Тили-тили, чилю-чилю, чью-чью,— звучно свистнула птичка, раздув пёрышки на горле. Торопливой скороговоркой отозвался ей чиж, защёлкала коноплянка, возбуждённо пинькнул зяблик.

— Он всегда так,— довольно приговаривал старик.— А этот сам скажет, как его зовут,— подошёл дед к садку со скворцом.

«Кчирр»,— визгливо каркнул скворец и бойким глазом недоверчиво покосился на ребят.

— Как скворку зовут?

— Шкворшка, кчирр, шкворшка,— шепеляво выкрикнул желтоносый баловень.

— То-то. Иди погуляй!— Матвеич отворил клетку.

Скворец тотчас выскочил на стол, пробежался к окну, поймал муху и шумно залетал по комнате. Он садился на клетки, совал клюв в пазы между брёвнами, упорхнул на печь и долго шелестел там сухой травой.

В довершение всего птица села старику на плечо и начала теребить его за бороду.

— Купаться просит!— объяснил Матвеич и вместе со скворцом ушёл в сени за водой.

— Что, брат! Как? — посмеивался Алёшка.— Дедушка этих птиц насквозь знает. Раньше у него ещё сыч жил. Махонький такой, злой. Сидит, бывало, на шесте в омшаннике, глазёнки выпучит, жёлтые-жёлтые. Он крыс там караулил. Дедушка кошек не держит. Сказал мне, достань, мол, птенца сычиного. А они тут в липняке в дупле жили. Слазал я, достал. Дедко его выкормил. От мышей держал. Осенью всё-таки улетел сыч. Не прижился. Вольная птица!

Матвеич принёс глиняную миску и поставил её на пол. Скворец заскочил прямо в воду и выкупался так, что еле-еле взлетел.

— Любит, мошенник, купанье. Его лучше не корми, а воду подай,— ворчал дед, но по всему было видно, что возиться со скворкой он сам любил не меньше, чем скворец купаться.

Был у Матвеича и соловей. Серенький, невзрачный, черноглазый, он сидел в отдельной клетке из таловых прутьев и, как подобает важной птице, не обращал внимания на старика и мальчишек.

Вдоволь налюбовавшись на птиц, дед и гости пошли на пасеку.

— Зачем он сетку не надел? Искусают ведь! — испуганно зашептал Женька.

— Не, он привычный, его пчёлы знают,— беспечно ответил Алёшка.

Он оказался прав. Ни одна пчела не трогала старика, в то время как друзья то и дело вздрагивали, когда возбуждённые насекомые с гудением стукались об их сетки.

Пчёл было множество. Они сновали над поляной, жужжали в ветвях лип, сидели по стенкам ульев.

При появлении людей пчёлы торопливо под-

нимались в воздух, угрожающе кружились над головой.

— Видят они нас?— недоумевал Женька.

— И видят, и чуют,— поправил Матвеич.

Это было совсем непонятно. Разве есть у пчёл нос?

— Алёш! Пчёлы с носом?

— Не с носом, а у них усики, они усиками чуют,— ответил всезнающий друг.

Пчёлы вились над лысиной старика, когда он осматривал ульи, но не кусали, словно Матвеич был заколдованный.

— Правда, что они вас, дедушка, знают?— спросил Женька.

— Привыкли,— вздохнул дед.— Коли укусят случаем, вреда не будет, это вроде лекарства, от ломоты в костях помогает.

Но после первого знакомства со зловредными насекомыми Женька не очень поверил в такое лечение. Ужаленная ладонь распухла подушкой, сильно болела, и он не прочь был поскорее убраться в избу.

— Есть хотите?— неожиданно спросил Матвеич. Ребята переглянулись.— Спускайтесь к ручью, я сейчас,— не дожидаясь ответа, сказал он и отправился к сараю.

— Мёду принесёт!— подмигнул Алёшка.— Айда!

Друзья спустились с пригорка к подножию столетней липы. Тут прямо из земли вытекал светлый ручей и струился к оврагу, прячась в густой траве.

Славно было отдохнуть в сырой прохладе, смотреть, как бегут со дна струйки стеклянных пузырей, слушать шелест листьев и плеск воды. Алёшка снял сетку, жадно напился. Поднял голо-

ну, сморщился: от ледяной влаги ныли зубы, ломило во лбу.

— Не пей больше, простудишься. Вода сырая,— останавливал его Женька.

Утирая серебряные капли, Алёнка усмехнулся:

— Ничего, я ещё не такую пил! Болит рука? спросил он.

— Болит.

— Давай-ка её сюда, в воду. Легче будет.

Сунув опухшую кисть в ручей, Женька почувствовал, что боль стала уменьшаться.

— Вот спасибо! Откуда ты всё знаешь: и как боль унять, и как рожь растёт, и чем пчёлы пахают?

— Поживи с моё...— притворно надулся товарищ.

— А пчёл тут целый миллиард,— болтал Женька.

— Меньше.

— Ну да! Наверное, не миллиард даже, а какой-нибудь триллиард.

— Спроси у дедушки. Он скажет.

— Что он? Считал их?— вытаращил глаза Женька.

— Может, и считал.

Дед воротился с объёмистой кружкой, наполненной жидким золотистым мёдом, двумя ложками и краюхой свежего хлеба.

— Отведайте,— сказал он, подавая чашку ребятам.

Женька сбросил ненужную сетку, и мальчуганы принялись черпать тягучий мёд, заедая его хлебом. Мёд таял на языке, во рту слипалось от сладости, есть без воды было невозможно. Алёнка хлебал её горстями из ручья, Женька, хотя и за-

был свои советы насчёт сырой воды, пил осторожно, маленькими глотками, чтоб не заболело горло.

— Ой, Алёшка, ты пчелиное крыло съел. Честное слово! — сказал Женька.

— Прокатится! — Алёшка, как видно, не обращал внимания на такие пустяки.

Матвеич удобно сидел на камне, курил обгорелую трубку, набитую трескучими корешками махорки, поглядывал на своих гостей.

Когда чашка опустела, они поблагодарили за угощение и вымыли посуду в ручье.

— Дедушка, расскажи нам про пчёл,— спросил Алёшка, подсаживаясь ближе к старику.

— И ещё, сколько всего их на пасеке,— вспомнил Женька.

— Пчёл, говоришь, сколько? — переспросил Матвеич.— Можно сосчитать. В каждом улье их тысяч сорок-пятьдесят живёт. Ульев у нас шестнадцать. Вот и смекните, сколько будет средним числом.

— Шестнадцать на пятьдесят...— Женька наморщил лоб. Алёшка поскрёб вихрастый затылок.

— Наверное, много-го,— уныло сказал он.

— Шестнадцать на пятьдесят... Восемьсот тысяч будет! Вот сколько!— сосчитал, наконец, товарищ.— Если по сорок, тогда шестьсот тысяч всего. А по-среднему, по-среднему-то — семьсот тысяч!

Недаром в Женькином табеле стояла по арифметике «пятёрка».

— Верно. Молодец!— похвалил дед.— Теперь слушайте, коли охота есть,— он выколотил трубку в ручей и начал рассказывать:— В ульях пчёлы роем живут, вроде бы, как мураши в муравейнике. Больше всего рабочих пчёл, обыкновенных, которые мёд собирают. Они и улей сторожат, сор выносят, личинок кормят. Есть ещё в рое трутни-самцы, этакие глазастые, и одна пчела — матка, побольше прочих, подлиннее. Матка — всей семье голова.

Поставлены в улей рамки. На рамках рабочие пчёлы по весне соты восковые лепят. Воск у пчел

на брюшке выделяется. Как наладят соты, начинает матка в них яички класть. Много кладёт — до двух тысяч за сутки. Из яичек на четвёртый день личинки выведутся. Тут пчёлы-работницы их кормить начнут. Сперва жидкую пищу дают — «молочко», потом мёдом кормят, пыльцой цветочной. Так и растят до шестого дня. На седьмые сутки личинки в куколок превращаться станут. Тогда, чтоб не тревожно им было, пчёлы запечатают соты крышками из воску. А недельки через две, когда и пораньше, глядь, и полезла из сот пчелиная молодь.

Старик умолк, собираясь с мыслями. Набил трубку, долго разжигал её. Наконец, пустив синий клуб дыма, откашлялся и продолжал:

— Не сразу молодые пчёлы за мёдом полетят, сперва в улье живут. Прибираются, других личинок кормят. Окрепнут, тогда на тяжёлую работу становятся — мёд собирать. Растёт рой, запасы делает, а я их выбираю, — закончил дед и насторожился.

Со стороны пасеки слышалось возбуждённое жужжание.

— Роиться пчёлы задумали!— заволновался Матвеич.— Ну, не зевай! Лёнька, тащи ружьё да веник!

— А ты, Женя, воды прихвати. В сенках стоит. Решето ещё надо бы!

Мальчишки надели сетки и побежали к избушке.

Через минуту они выскочили на поляну с ведром воды, решетом, веником и ружьём.

Дед стоял возле крайнего улья, в котором басом гудели пчёлы.

Вручив ведро и решето, Женька отскочил в сторону и ждал, что будет дальше.

Шум в улье нарастал, всё больше пчёл вылезало наружу, и вдруг они чёрной лавиной хлынули через щель лётки, тысячами поднялись в воздух.

От страха мальчишки присели. Матвеич поднял ружьё. «Бумм! Бумм!» — грохнули выстрелы.

Напуганный рой стал сбиваться в кучу и клубящимся шаром полетел к липняку. На самой толстой ветви, что склонилась над изгородью пасеки, рой осел. Пчёлы сбились в плотный клубок.

— Лёнька! Ведро давай!— старик прихватил брошенное решето и заспешил к осевшему рою. Алёшка тащил ведро и веник, Женька следовал в отдалении.

Матвеич обмакнул веник в воду и замахал им на гудящий клубок. Последние пчёлы уселись на ветку. Старик стряхнул рой в решето, накрыл сверху холстинкой и понёс в дальний конец пасеки, где стояли пустые ульи.

— Как он по ним бабахнул! Сразу все в кучу! Наверное, мелкой дробью,— говорил Женька

— Дробью? Он холостыми стрелял. Порохом. Просто напугал их. Пчёлы, видишь, грозы боятся. Грому. Дедко и сделал гром. А потом обрызгал их веником. Они ослабли. Так всегда рой ловят,— сказал Алёшка.

Оказалось, что улей разбирается

— Снимай крышку,— командовал Матвеич. Ребята убрали верхнюю доску.

— И магазин тоже сними!

— Какой магазин?— спросил Женька.

— Вот эта штука магазином называется,— показал Алёшка и убрал с домика четырехугольную надставку.

Женька заглянул внутрь улья и увидел рамки с натянутым на них восковым полотном

— Тут пчёлы соты строить будут. Вот на

кие,— Алёшка показал на одну рамку, где были готовые соты — куски желтоватых восковых трубочек

Пойманных пчёл высыпали в улей, закрыли тряпицей, поставили крышку на место.

— Готово! Спасибо вам, помогли...— говорил старик. Лицо его припухло, на лбу всплыла здоровенная шишка. Всё-таки искусали.

— Вот как отделали, медовые бедовые,— [illegible] он.— Это пройдёт. Главное — рой не упустили, ещё один улей у нас будет.

— Отчего ж они полетели?— не [illegible] Женька.

— Тесно стало. Матка новая вывелась. Старая не любит, чтоб две хозяйки в улье жили. Как станет молодая матка из своей ячейки перед [illegible] ходом голос подавать, что тут делается! Прямо гражданская война! Сперва старая матка молодую убить пробует: гудит, злится, жалом ячейку колоть норовит. А рабочие пчёлы на защиту встают. Которые к старой, которые к молодой. Вот и старуха, делать нечего, вылезает из улья, за ней и другие пчёлы тянутся.

— Слышь, Алёша, что это за «магазин»?— приставал Женька на обратном пути.

— Тебе бы всё знать!— притворно ворчал тот.— Магазин, [illegible]. Когда мёду много, в улье [illegible]. Тогда этот магазин и [illegible] его — [illegible]! В [illegible] рамки, пчёлы [illegible]. Полная рамка наберётся [illegible] поставит. Пчёлы [illegible] опять [illegible] вынимает. Так [illegible]. Понял?

— Понял, а смешное всё-таки название — магазин!

...Ночью Женька увидел сон. Снилось ему, что Алёшка, он и Нютка вдруг стали пчёлами и носятся высоко, под самыми тучами.

— Куда полетим? — спрашивает пчела Нютка.

— В магазин, — отвечает Алёшка.

И они уже несутся над городом. Вот знакомая улица, вот магазин — гастроном. Около входа стоит мама и, указывая на Женьку, говорит: «Смотрите, смотрите! Мой Женя летает». Люди задирают головы, машут руками.

— Я летаю! — кричит Женька. — Летаю, как папа...

СТАРШИЙ ПОМОЩНИК

В последние дни Алёшка не показывался. Он помогал деду Степану пасти коров. Мария Степановна и дядя Андрей работали в поле. Нютка нянчила двухлетнего братишку, который раньше был в яслях, а потом объелся ягод, заболел, и оставить его было не с кем. Анна Александровна читала книги, вышивала и говорила, что ей хорошо отдыхается в такой тишине и скуке.

Женьке не сиделось дома, и он с утра убегал на пасеку, захватив сачок, с которым никогда не расставался. Сачком можно было накрыть бабочку, ловить на речке головастиков и пиявок, треснуть бродячую собаку, если она попробует схватить за ноги.

А вчера, например, всё тот же сачок помог выйти из крупной беды. Было это так.

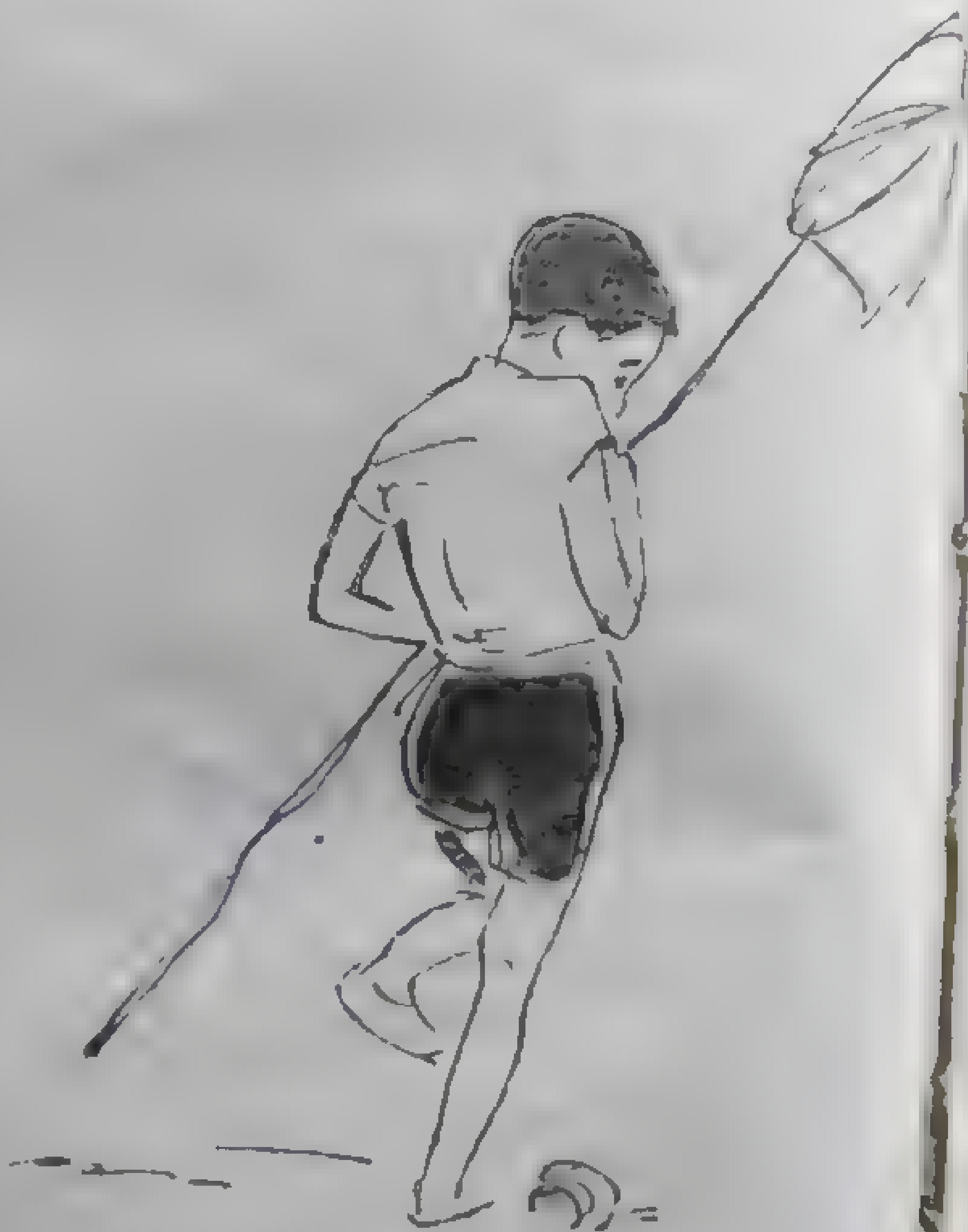
Занятый ловлей мелких рыбешек, Женька пробирался по берегу речки. В руках он нёс са-

чок и банку, в которой уже плавало несколько пойманных пескарей. Женька думал, какой хороший аквариум он устроит, если поймает ещё серебристых плотичек или тёмно-зелёного скользкого вьюна. Дорогу преградил выводок гусей, нежившихся на берегу под тёплым солнцем. Пуховые гусята серыми комочками лежали в траве, перебирали отрастающие пёрышки, тихо посвистывали: «Свись-свись». На приближавшегося Женьку они не обратили внимания.

Но старый большой гусак и две гусыни поменьше его тотчас встревожились. Человек незнакомый. «Ка-гак»,— предостерегающе сказал гусь, поднимаясь на лапы, и гордо посмотрел на мальчишку.

— Кыш! Пошёл!—Женька махнул на него сачком.

Тут-то и случилось страшное. Гусак обиделся. Дико закатив глаза, пригнув к земле вытянутую шею, он с шипением бросился вперёд. Женька подпрыгнул. Злая птица пребольно щипнула его за ногу. На помощь гусаку бежали гусыни. Гогот, шипение, хлопанье крыльев, крики бухнувшихся в воду гусят и вопли пере-

пуганного Женьки — всё смешалось. Ух, если бы не сачок! Женька набросил его на голову разъярённого гусака и, пока тот топтался на месте, стремительно улепетнул за прясло.

Вечером, сопровождаемый Алёшкой, он подобрал сачок, а стеклянная банка разбилась, и все рыбки подохли на берегу от жары.

В первое время пребывания в деревне Женьке не везло — гуси на него шипели, собаки лаяли, поросёнок сшиб с ног, и мальчуган потерял счёт ссадинам, синякам и ушибам, щедро появлявшимся каждый день. Зато он стал осторожнее. Обычная беспечность убавилась наполовину.

Дел на пасеке было много. То убирать сор, потому что, как говорил дед, пчёлы чистоту любят; то готовить подкормку из мёда, сахара и воды, то обтягивать рамки клейкой вощиной — всего не перечислишь.

Женька возился с птицами, помогал Матвеичу, совал нос везде и всюду и перестал бояться пчёл. Дед звал его старшим помощником, наверное, потому, что младшего помощника у него не было.

— Дедушка, что сегодня делать? — с порога осведомлялся мальчишка.

— Старшему помощнику моё почтение,— ра-

довался дед.— Сегодня новых маток в третий да в седьмой улей пускать будем. Вот только с птицами управимся, соловья покормим, сами поедим.

Они чистили клетки, наливали воду в поилки, иных птиц выносили на солнышко, особый корм готовили соловью. Дед сыпал в кормушку муравьиные яйца, похожие на зёрнышки риса, клал немного тёртой моркови и сверх того несколько толстых белых личинок, найденных Женькой в заброшенном муравейнике.

Покончив с кормлением, садились пить чай из древних синих кружек, которым, судя по их обитым краям, лет было не меньше, чем самому Матвеичу.

— Ну, а теперь за работу,— говорил дед, выбирая из бороды хлебные крошки. Он доставал сетчатые клеточки с отсаженными в них пчелиными матками, Женька захватывал жестяной дымарь, и они уходили на пасеку.

— Когда в улье матка погибнет, надо туда новую посадить. Без матки не станет пчелиная семья расти, некому будет яички класть,— поучал старик.

Чтобы пчёлы не кусались, он окуривал их дымом из жестянки. Насекомые оседали на соты, покрывая их чёрным слоем. Женька держал крышку. И вот новая матка прямо в садочке поставлена между рамками.

— Дедушка! Почему ты её не выпустил? – удивлялся Женька.

— А, видишь ли, надобно ещё посмотреть, как примут пчёлы новую матку, обождать надо.

Так же садили матку и в другой улей.

Обойдя пригорок, дед уходил под навес, пристроенный к омшанику. Курил на холодке, строгал рамки, прилаживал крышки к новым ульям.

Под навесом в тени остро пахло сосновой стружкой, ветки лип заглядывали сюда, вилохвостые касатки, мелькая белым брюшком, то и дело влетали под кровлю и, прицепясь к глиняному гнёздышку на стропилах, кормили птенцов. Цвирикали птенчики, шаркал рубанок, на поляне жужжали пчёлы.

Женька присаживался где-нибудь неподалёку и часами смотрел, как вьётся спиральная лёгкая стружка в умелых руках старика.

Он и сам пробовал строгать, но инструмент не слушался: скользил по дереву или въедался в него так, что ни взад, ни вперёд.

— Никак не получается,— ворчал Женька, весь красный с натуги.— Трудно

— Научишься помаленьку,— успокаивал дед.— Известно, трудно. Да что легко-то? Легко, милок, только щи хлебать.

Он клал рубанок, садился рядом с Женькой и, обняв его за узкие плечи, говорил: «Ты парнишка упорный. Люблю таких. Таким и будь. Во всякое дело вникай, ко всему присматривайся. Настоящему мужику много уметь надо: и рубанок держать, и подмётку к обувке прибить, и кашу сварить. Чтоб никакое дело из рук не валилось. Кто с малолетства к делу не привычен, от него добра не будет. Так, вырастет пустоцвет один, пустой колос».

Крепко запомнились Женьке слова старика.

На другое утро, сняв крышку первого улья, Матвеич и Женька увидели, что пчелы облепили садочек и через прутья просовывают к матке хоботки

— Ну, эту приняли. Видишь? Кормят. Завтра

не выпустить можно. — Дед накрыл рамки холстиной.

Во втором насекомые волновались, гудели и, подгибая брюшко, старались ужалить новую матку.

— Эта не по нраву пришлась. Ещё обождём. Пусть привыкнут, — пояснил Матвеич.

Из его рассказов Женька узнал о пчёлах много удивительных вещей: что пчёлы обогревают своих личинок, что осенью выгоняют из улья трутней, не видят красного цвета и умеют созывать помощниц, если хоть одна найдёт медоносные цветы.

Каждый день давал новые знания. Женька возвращался домой усталый, довольный, повзрослевший.

Прошёл уже месяц, и деревенская жизнь сделала чудо. Бледный, слабенький, худосочный мальчуган начал поправляться. Окрепли ноги, загорели руки, волосы посветлели, робкий румянец проглянул на щеках, лупилась на носу спалённая солнцем кожа.

— Я уж скоро гири поднимать смогу, — хвастал он матери, размахивая руками. — Я, как папа!

Эти тяжёлые гири стояли дома, в городе, и мать часто вспоминала, как Женькин отец по утрам брал их, делал разные упражнения, а потом обливался холодной водой. Было это давно, когда отец ещё работал на заводе, а Женька был вовсе малыш и ничего не помнил.

— Хвастунишка! Силы сначала накопи, — смеялась Анна Александровна над болтовнёй сына. Но он не обижался, он знал, что так будет, всё равно будет...

На пятый день появился Алёшка.

— Куда ты провалился? - встретил его Женька. Ни тебя, ни Нютки, никого. Куда вы все удевались?

— А вот видишь, стадо далеко пасли,— оправдывался друг.— Дедке надо было помочь. Там на дальних еланях волки есть, трущоба, болотины рядом. Одна коровёнка как ухнула, шалая. Еле выволокли. Это ничего. Скоро дедке легче пасти будет. Ему Николай Александрович, наш председатель, электрического пастуха из городу привезти обещал.

— Кого-о?

— Электрического пастуха,— повторил Алёшка, лукаво улыбаясь.

— Ты не смейся. По-твоему, я совсем дурак? Да?— обидчиво спросил Женька.

— Нет, не дурак. А я взаправду говорю. Есть такой пастух. В Кирилловке есть, в Сосновском, в Малых Овражках. Я сам видел. Сделана там проволока медная, без ничего, без обмотки И подвешена на роликах к кольям. По проволоке электричество бежит. Этой проволокой весь луг огородят, и уж оттуда никуда. Которая корова захочет убежать, дотронется, а ей током — бац!— она обратно. Знаешь, как током шибает?

Женька знал. Однажды, когда было ему лет шесть, он решил выяснить, отчего в комнате загорается свет. Дождавшись, пока мать уйдёт на кухню, он влез на стол, выкрутил лампочку и смело сунул палец в патрон...

Опомнился Женька уже на полу, с окровавленной головой, расшибленной во время падения о край кровати.

Потому сейчас он только вздохнул, почесал затылок и пожалел коров, которым должны были привезти такого страшного пастуха.

— Очень уж больно им будет,— сказал Женька.— Лучше бы придумали пастуха, который вроде человека. А ты лежи себе под кустиком да распоряжайся. «Иди, поймай Пеструху» Нажал кнопку — он бы её за рога. «Иди, пригони Бурёнку!» Он бы её кнутом.

— Думаешь, кнутом не больно? Еще как!— не согласился Алёшка.— Электричество в проводе слабое бежит, стукнет немножко — корове не больно. Неприятно, да и всё... Сбор ещё в школе был. Школа-то наша в Сосновском, версты три отсюда. Ну, на сборе порешили бригады собрать. Сено колхозу грести поможем. Завтра поедем. Все. Ты ведь тоже хотел?

— Возьмёте?

— Я же обещал. Только рано поедем, на свету.

— Я встану!— обрадовался Женька и побежал договариваться с матерью.

СЕНОКОС

Ярко горит малиновая заря. Светлеет на востоке рябое небо. Телега, запряжённая бойкой лошадёнкой, бренчит по тряской дороге. На телеге рядком, прислонясь друг к другу, сидят Нютка, Алёшка, дядя Андрей и Женька. Тут же подпрыгивают сваленные в кучу грабли, вилы, рогатины. Нютка и Алёшка болтают ногами, Женька хмурится, трёт глаза. Хоть вчера и рано лёг спать, а всё-таки не выспался. Но поглядеть на сенокос хотелось. Что ж делать? Косят до жары, по росе И он ёжится, зевает, но молчит.

По правую сторону дороги в кустах оврага прячется речка, по левую, до самого леса,— ржаное поле. Над речкой туман. Он цепляется за

верхушки ракит, молочными полосами пересекает дорогу в низинах. Солнце выглядывает из-за леса, из-за дальних деревенек с ветряками и тополями.

«Вит-тю вид-дел?» — звонко выговаривает у речки невидимая птичка. И будто не получив ответа, снова свистит, спрашивает.

— Слышь, чудна́я,— Женька толкает Алёшку.

— Кто?

— А вот, вот. Птичка. Витю, говорит, видел?

— Её у нас черемошником зовут. Красная такая, у воды живёт,— отвечает Алёшка.

Сон прошёл. Женька слушает голоса птиц, глазеет по сторонам.

Рассвело. За полем, в лесной кромке, поют дрозды, горьковатый туман щиплет в носу. «Трек-трек, трек-трек»,— скрипит коростель во ржи. Никто не видит его, а слышат все. И днём и ночью, и утром и вечером кричит он. Когда только спит?

— Где бригада-то?— пристаёт Женька.

— Приедут,— отвечает Нютка.— Они лошадь попутную дожидаются. Догонят.

Дорога свернула к лесу, вильнула между сосен и неожиданно вывела на обширный луг. На лугу было людно. Гудел заведённый колёсный трактор. С десяток колхозников выкашивали обочину луга. Серебром поблескивали мокрые косы, подрезая сочную траву. У леса дымил костёр, стояли шалаши из веток. К трактору прицепляли непонятные машины на колёсах, каждая с четырьмя крыльями, как зубья большой гребёнки.

— Сенокосилки,— указал Алёшка.— Сейчас начнут.

— Зачем они сразу не косят?

— Сперва проход для трактора очистить надо. Зачем траву зря мять. Неуж не понимаешь?

— Понимаю,— проворчал Женька и слез с телеги.

К ребятам подошёл председатель колхоза — толстый пожилой бритый мужчина, похожий на Котовского. Поздоровался и шутливо спросил:

— Чем помогать будете, помощники? Из чашки ложкой небось?

— Что вы, Николай Александрович!— обиделся Алёшка.— Кошенину ворочать будем, грести. Вам без нас не управиться.

— А это кто?

— Это Женька. Он к нам на отдых приехал

— Чего же вы его на работу тащите?

— Да он сам...— замялся Алёшка.

— Я сам просил,— подтвердил Женька, кивая головой

— Ну раз просил, значит, работящий мужик,— усмехнулся председатель и вместе с дядей Андреем пошёл к трактору. Он что-то сказал девушке в синем комбинезоне, которая сидела за рулём.

Трактор зарокотал сильнее, с треском выбро-

сая столбик дыма. На сиденья косилок взобрались люди.

«Как они будут косить? — думал Женька. — С виду-то ведь просто какие-то изломанные тележки».

Председатель махнул рукой — трактор двинулся вперёд, завертелись крылья-гребёнки, машины застрекотали, будто три гигантских кузнечика. Крылья пригибали траву, подхватывали и укладывали ровной полосой. На том месте, где только что росли высокие травы, оставалась лишь щётка корешков.

— Нютка, чем они косят? — Женька шёл следом за трактором.

— Косят ножами. В косилке ножи есть, как у машинки, которой волосы стригут. Колёса вертятся, ножи режут, а крылья траву пригибают и сбрасывают.

— Здорово придумано, — проговорил Женька. — Так они часа за два весь луг выстригут.

— Мы-то что делать будем? — вмешался Алёшка.

— Пойду у папы спрошу, — ответила Нютка.

— А я жуков пока поищу, — решил Женька и побрёл к опушке. На опушке среди редких ёлок и мелкого сосняка там и сям виднелись иструхшие пни, окружённые порослью брусники. Крошечные белые гроздья её цветов сулили обильный урожай, а гладкие, блестящие листья удивительно напоминали домашний фикус, уменьшенный в сотню раз. Женька отворотил кору пенька, заглянул. Нет, жуков не видно. Сыплется труха, напуганные муравьи бегут в разные стороны. И в других пнях за корой никого не оказалось.

И что это пишут в книжках: «Отверните кору столетнего пня, каких только там жуков нет!» Вот

и правда, никаких нет. Огорчённый, он повернул назад.

— Женька-а! Иди скоре-е!— долетел до него голос Алёшки.

— На малый лужок тресту поедем,— сообщил он.— Там ещё вчера траву подкосили.

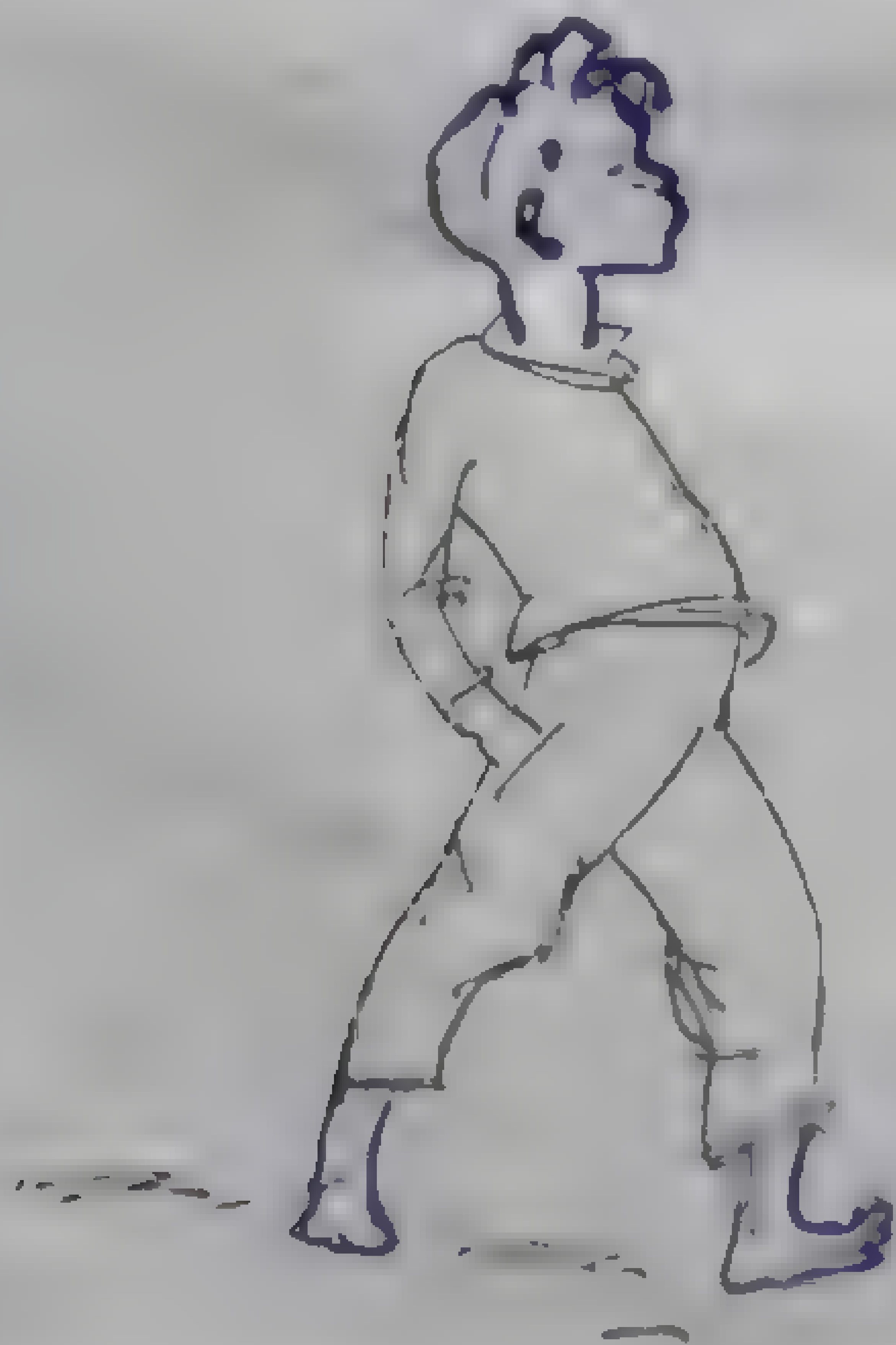
— Сейчас поедем?

— Да вот Нютка не велит. Обождать ребят, говорит, надо.

Нютка сидела на телеге и плела венок из жёлтых капустянок.

— Конечно, обождём,— сказала она.

— Ну, как же! Нютка ведь бригадир, начальство!— Алёшка сунул руки в карманы штанов, выпятил пузо, задрал голову и петухом прошёлся взад и вперёд, изображая, каким должно быть начальство.

Глядя на него, Нютка и Женька хохотали до слёз.

— Товарищ бригадир, бросьте ваши цветочки-веночки, ребята едут,— сказал Алёшка.

Из лесу выехала телега, на которой тесно, как грибы в кузовке, сидели остальные члены Р[illegible]ой бригады. Лошадью правил Мишка Глотов, широкоплечий крепыш, скуластый и черноглазый, с ухватками драчуна и [illegible].

Налицо была вся бригада. Долговязого Саньку, рыженького Федю, черномазую Аниску и сестёр Нину и Марусю Женька знал давно. Незнакомым был только Мишка, девочка Вера, да толстогубый увалень с маленькими подслеповатыми и хитрыми глазами — Ванюшка.

— Где? Что? Куда поедем? — галдели ребята обступив Алёнку и Нютку. Женька отошёл в сторону.

Узнав решение председателя, ребята засуетились. Кто тащил грабли, кто устанавливал на телегу бидон с квасом, Алёнка и Мишка прилаживали упряжь. Нютка завёртывала хлеб. Один Женька по-прежнему стоял в сторонке, не зная что ему делать.

— Белоручка, — услышал он голос Мишки. — Чего ты, Алёнка, с ним сдружилася? Подлизываешься? Сразу видать, городской, ручки в брючки! — Мишка говорил громко, чтоб слышно было.

«Чего ему от меня надо?» — подумал Женька, но открыто высказать своё возмущение побоялся: Мишка был старше, сильнее и, судя по крепким кулакам, дрался больно.

Малый луг растянулся вдоль берега речки. Скошенная трава полосами лежала поперёк луга. Она уже подсохла и только снизу оставалась влажно-зелёной. Надо было повернуть её к солнцу, разворошить, чтобы она окончательно просохла.

— Работать по звеньям будем, — предложила Нютка. — Кто хочет, пусть ко мне идёт, кто хочет — к Мишке.

В Нюткино звено вошли Женька, Алёнка, Нинка с Марусей, Аниска и Федя. Остальные перешли к Мишке.

— Что, Федька? Под девичье руководство не

[illegible]?» Мишка [illegible] скалил зубы.— [illegible] Нютки, кроме Алешки, все девчонки со[illegible]

Он умышленно не назвал Женьку, и тот покраснел от обиды и злости. Правда, в городе [illegible] до болезни он тоже любил подраться и задавался часто. Но воевать приходилось больше с девчонками. Да дома, как говорится, и стены помогают. Он промолчал и на этот раз, а Федька ответил:

— Ну вас. Опять дражниться будете!

— Больно ты нам нужен! Слабосильная команда!

— Ты бы, Мишка, меньше болтал,— строго сказала Нютка.

— Слушаюсь, товарищ бригадир,— насмешливо вытянулся он, стукнул в лоб двумя пальцами и заорал:— Ребя, хватай грабли! Пошли!

Ворочать сено было нетрудно, но грабли попались тяжёлые, скоро Женька увидел, что нерасторопные Нина и Маруся уже обогнали его, Нютка и Алёшка далеко ушли вперёд, и пока вровень с ним трудились лишь Федя и Аниска.

В конце концов Женька оказался последним Как бы скорее ворочать траву? Он стал торопиться, пропускал целые полосы, лишь бы догнать остальных.

В Мишкином звене слышался хохот. Там о чём-то спорили, кричали, но работали быстро и дружно. Когда же звенья сошлись на середине луга, Мишка, приплясывая, заорал:

— Мы вперёд! Мы вон сколько перевернули! Нас мало, а у вас-то, у вас-то всех девчонок собрали да еще профессора городского! Ага!

Это уж было слишком. Женька вспылил, бросил грабли.

— Чего тебе надо?— подошёл он к Мишке.

[illegible] храбр[illegible] [illegible], оттопырив губу, и мерил [illegible] [illegible]шку взглядом.

— Смотри-ка, ушлый какой! Драться хочешь? — прищуривая хулиганистые глаза, проговорил Мишка.— Да мне таких по три штуки на одну руку! Понял?!

Ребята столпились вокруг. Странную картину представляли двое мальчишек — коренастый, плотный Мишка и тоненький, бледный, решительный Женька.

Мишка уже готовился сбить противника одним ударом, но тут рядом с Женькой встал Алёшка. Ребята зашумели.

— Вечно он на всех лезет,— пропищала Аниска.

— [illegible]!

— Нашёл над кем смеяться!

— Заглотыш!

[illegible] оценил положение. И Алёнка и Женька по отдельности были слабее, но вдвоём [illegible], сумели бы постоять за себя, [illegible] перешла на их сторону. Даже [illegible] Мишкин адъютант — толстогубый [illegible] — сейчас спрятался за спины товарищей. Мишка понял, что надо отступать.

— [illegible]! Подумаешь! — пробурчал он.

Отступили. [illegible] Алёнка забрала [illegible] Женькину [illegible], сбегала к речке, [illegible] в них воды.

— Полей,— [illegible] он.— Голову не напалит.

[illegible] по щекам, как слёзы, стекали капли.

— [illegible]! — скомандовала [illegible]. — Ты, Женька, [illegible] у Алёнки, у [illegible]. Да [illegible] ниже бери, так легче...

[illegible] в валки, а потом валки [illegible] — копёшки. За короткое время [illegible], словно на нём выросли десятки травяных муравейников.

[illegible], как мог. Солёный пот [illegible] по его лицу. Майка противно липла [illegible]. А как хотелось пить! Этого лучше не [illegible]. От [illegible] зноя болела голова, серые [illegible] и треугольные золотоглазые мухи с [illegible] крыльями садились на шею, на голые [illegible], жалили очень больно. Бац! На месте укуса [illegible] белая шишка, а проклятый слепень [illegible] жжит где-то над ухом. Эх ты, прокля[illegible]!

— Трудная работа — грести, — говорил Женька. — Вот косить бы, это что! Маши косой, раз раз, раз-раз, — только и дел.

— Намашешься, — усмехался Алёшка. — Косить, брат, и того тяжелее. А самое трудное — сено в стога метать. Тут уж нам не под силу. Это мужики будут. На большом лугу сено тракторными волокушами сгребут, а здесь луг узенький, трактору не развернуться. А хорошо бы. Он и сено в стога складывать может. Подвесят к трактору подъёмник такой — стогометатель и сразу по тонне сена подымают, — он вздохнул, устало расправил плечи, облизнул пересохшие губы. — Всё!

Обедать уселись в кружок. Девочки достали хлеб, варёные яйца, нашлась соль в тряпочке. Бидон с квасом принесли с речки. Туда его поставил заботливый Алёшка, чтобы квас был холодный. Все принялись за еду.

Понемногу Женька освоился. Жевал хлеб, запивал кислым квасом, прислушивался к разговорам. Напротив сидел Мишка Глотов. Он уже не хорохорился и весьма дружелюбно поглядывал на Женьку.

— А что, Нютка, — спросил Федя, — больше блигадил лаботы не даёт?

— Нет.

— А что делать будем?

— Ничего пока.

— Как ничего? — переспросила серьёзная Нина. — Кто полоть помогать будет? Картошку на пришкольном окучивать?

— Председатель говорит, чтобы отдыхали. Сами, говорит, управимся.

— Ты, Нютка, досказывай, — вмешался Алёшка.

— [illegible], значит, работа будет. Я всё равно с [illegible] ду,— закончила Нютка.

— Кто хочет, кто хочет,— проворчал Алёшка.— Как-то у нас не по-настоящему всё получается. Ты, Нютка, бригадир. И надо бы всё рассказывать: когда работать, чего работать. А то: «Вот папа скажет, вот мама скажет!» — передразнил он девчонку.

— Я видал, как планы составляют. Андрей Иваныч бригаду свою соберёт, прочитает. Они советуются, не как у нас. И Санькин отец тоже советуется.

— Так они на работе, а мы помогаем только,— смутилась Нютка.

— Пускай помогаем, а трудодни-то нам считают. Мы — бригада. Я в прошлый год больше Мишкиной матери заработал, да Санька столько же почти, да ты... Эх, чего говорить! Кукла деревянная,— не унимался Алёшка.

— Я, может, составляла, да вам не говорила.

— Почему?

— Думала, вы закричите: «Не будем!», «Не пойдём!», «Не охота!».

— Ясно,— проворчал Мишка.— Летом и побегать только. Мы бы сейчас рыбу пошли ловить, а тут: «Бригада! Работа!»

Ванюшка одобрительно подмигивал.

— Кто тебя держит! Иди,— вспыхнула Нютка.

— Конечно. «Иди!» Чтобы потом на всю деревню кричали: Мишка — лентяй! Мишку из пионеров выключить! Много вы без меня сделаете,— гордо добавил он и посмотрел на свои крепкие руки.

— Не спольте,— неожиданно сказал Федя.— Пускай Мишка не лаботает, лаз не хочет. Мы с

[illegible] все лето останемся. Правда? — [illegible] губы и сделал серьёзные глаза.

— И мы останемся! Останемся! Конечно! — зашумела бригада.

— А сейчас — купаться, — предложил кто-то.

— Купаться!

— Только, ребята, девчонок не топить.

— Ладно, ладно! На ходу сбрасывая майки и платья, все устремились к речке.

Под кустом среди разбросанных объедков, кружек и яичной скорлупы остались [illegible], Женька и Алёшка.

— Пошли?

Женька замялся:

— Да я бы ничего... Я ведь плавать не умею.

— Научим!

— Меня уж сколько раз учили. Никак не могу, — печально признался он, поднимаясь с земли.

На речке стоял хохот, визг, плеск. Ребята ныряли, брызгались. Отчаянно верещала Анюска, которую Санька ухватил за ногу. Мишка успел перебраться на другой берег и там, по обыкновению, орал, кривлялся и прыгал, как дикарь.

Алёшка разбежался и, мелькнув грязными пятками, плюхнулся в воду. У берега было глубоко. Он выплыл на середину, встал на ноги.

— Женька, тут мелко, песок!

— Хорошо тебе! Песок! Как мне до него добраться, — ворчал Женька. Он степенно разделся и ногой попробовал воду. Холодная! Спустился с откоса, шагнул и ухнул по самое горло. Женька испугался, дальше было ещё глубже, ступни по щиколотку увязли в мягкую грязь. Она была вязкая, страшная.

С разбегу, как и Алёшка, в речку бул[illegible]

[illegible] Нютка. Раз, два, раз, два — и она уже на отмели.

Алёшка подплыл к берегу.

— Гляди, как надо плавать. Одной рукой под себя, другой тоже. Как собака. Ногами бей! Не бойся, тут не утонешь. Меня ребята, знаешь, как учили? Завезли на плоту да и столкнули во всей одежде. Я испугался, руками, ногами задрыгал и поплыл. С той поры и научился,— хвастался Алёшка.— Тут всего три шага, не бойся, я тебя вытащу,— кричал он, перебираясь на мель.

Может быть, Женька и не решился бы плыть, но с противоположного берега на него смотрел Мишка; краем глаза, будто невзначай, с тревогой следила Нютка.

Будь, что будет! Он набрал воздуху, оттолкнулся и что было мочи замахал руками, забил ногами по воде. И вот — чудо! Женька почувствовал, что тело не тянет вниз, что он плывёт, но куда, не знал. Он боялся открыть глаза, продвигаясь вперёд в туче сверкающих брызг.

Силы иссякли. Женька глотнул воды ртом и носом. «Тону!»— с ужасом подумал он и собрался крикнуть, но тут же ноги коснулись песка.

Он открыл глаза, встал, откашлялся. Воды было всего по пояс. Женька посмотрел на отвесный берег. Переплыл!

Сердце стучало, в носу и горле горько щипало, но мальчуган чувствовал себя так, как, наверное, чувствуют самые отважные люди, оставившие позади смертельную опасность.

Конечно, если бы Женькин подвиг видела мама, ему бы досталось, но матери здесь не было. Были ребята, был Алёшка, была Нютка — вся полуголая бригада, готовая кинуться на помощь.

— Я тебе что говорил? Он не трус,— услышал Женька слова Алёшки.

Мишка молчал.

Теперь Женька тоже дурачился, смеялся, плавал, благо руки и ноги везде касались дна. Попробовал даже нырнуть, но наглотался воды и поспешно вскочил.

Алёшка не отставал ни на шаг.

— Не маши очень, выдохнешься. Спокойней греби, ногами ровней,— учил он.

И хотя Женька без передышки мог проплыть не более пяти метров, этого было достаточно. Он без страха смотрел на берег, зная, что легко переплывёт глубокое место.

Из воды вылезли тогда, когда тело стало покрываться «гусиной кожей», а зубы неудержимо стучали.

—С-ды-ды-до-ро-рро-во на-на-куп-па-лись,— еле выговаривал Санька посиневшими губами. Женька, страдальчески скрестив руки, выставив худые лопатки, дрожал лёгкой дрожью. На воздухе было холодно, и, чтобы согреться, ребята стали бегать по луговине.

— Ой, смотлите, смотлите,— закричал в это время Федя,— какого я зука лаздобыл!

Первым на его зов подбежал Женька. Но в руках Феди был вовсе не жук, а водяной клоп-гладыш почтенного размера.

— Прав он, не кусается, — [illegible] Женька. [illegible] Гладкий шмель не [illegible] и двинулся к [illegible] столпившихся вокруг ребятишек. Они с визгом разбежались.

— Дуры! — презрительно заметил Мишка. — Видимо, [illegible] какого-то испугались. Вот я давлю его и [illegible]... Сила [illegible]

С этими словами он наступил на пеструшку шмеля. Вдруг лицо Мишки исказилось от боли, со страшным воплем он подпрыгнул и заскакал на одной ноге. Недораздавленный [illegible] ужалил его своим жгучим хоботком.

— Уй, уй, уй! — завывал Мишка. — [illegible] проклятая! Как саданула, хуже пчелы!

Со страдальческим видом он присел на траву и стал ощупывать [illegible] подошву. Губы у Мишки тряслись. Куда девался его прежний геройский вид.

— Он ядовитый? — со страхом спросил Мишка плачущим голосом.

— Нет, — успокаивал Женька. — Пройдет! Ну, будет немножко. Меня [illegible] на речке [illegible] тоже в руку [illegible]. Всё прошло.

На обратном пути в телегу ребят сели Нюткин отец и председатель колхоза.

— Управились? — коротко спросил председатель.

— Конечно, — за всех ответила Нютка.

— Молодцы! — похвалил Николай Александрович. Видно, не любил он много разговаривать.

[illegible] бы [illegible], — подумал Женька. — [illegible] как хочется!

Дома, за обе щеки уплетая окрошку, он рассказывал матери, как работали на сенокосе. Промолчал Женька лишь о том, как учился плавать. Вдруг мама ещё рассердится? Но всё же его так

[illegible]ло сообщить матери эту важную но-[illegible]сть. Будто невзначай, самым обыкновенным голосом он сказал:

— Я ещё речку сегодня переплыл.

— Переплыл? — удивилась и встревожилась Анна Александровна.

— Угу!

— Кто же тебя научил?

— Я сам... почти.

И Женька выложил всё начистоту. Он рассчитывал, что мать похвалит его за смелость.

Но получилось обратное. Анна Александровна заволновалась, сказала, что так переплывать речку не храбрость, а глупость, что он мог утонуть и что больше одного Женьку она никуда не пустит. По её словам выходило, что через любые реки можно перебираться, если ты хороший пловец или если надо кого-нибудь спасти. Лезть же без умения, чтоб только доказать свою лихость, — значит, быть чем-то вроде дурака или того хуже.

— Вот тебе и на... — обиженно бормотал Женька, уходя в огород. Ему было грустно, хотя за словами матери он чувствовал ещё не совсем понятную правду.

Какая же настоящая должна быть храбрость?

ОБМАН

Как-то под вечер Женька захотел пересмотреть свои коллекции. Вытащил из-под кровати коробки с расправленными, наколотыми на булавки жуками и бабочками. Сосчитал: всего оказалось шестьдесят бабочек и девяносто три жука.

— Ого! Много уж! — вслух проговорил он,

[illegible] огромным жёлтым [illegible], укреп-
лённым в центре коробки.

Но что за коллекция, если некому её показать? Мать ушла за молоком, Мария Степановна ещё не вернулась с поля. Похвастать было не перед кем. Лишь толстый серый кот Афонька с вытертой на голове шерстью и обмороженными во время зимних походов ушами мирно дремал на диванчике.

— Разве ему показать?

Женька поднёс коробку — Афонька зажмурился, прижал короткие уши и презрительно чихнул. Но, когда Женька сунул коробку к самому носу кота, он всё же заинтересовался и даже изъявил желание потрогать бабочек лапой.

— Ну уж нет! — сказал Женька. — Сломаешь ещё, — он хотел убрать коллекцию, как вдруг услышал скрип воротной калитки. По двору шла Нютка.

— Нютка, Нютка! Иди-ка, что я тебе покажу, — позвал он, высовываясь из окна.

— Чего там?

— А ты зайди сюда!

Но Нютка не оценила по достоинству Женькины сокровища. Небрежно заглянула в коробки и заявила, что он, Женька, занимается пустяками. Впрочем, Нютка сказала так, может быть, потому, что до ужаса боялась крупных жуков, червей, гусениц и мохнатых ночных бабочек.

Она и раньше говорила, что серые жуки-усачи могут стричь волосы и, несмотря ни на какие доказательства Женьки, пускавшего такого стригуна бегать по своей голове, не верила и стояла на своём.

Нютка не страшилась переплыть речку в самом глубоком месте, умела лазить по крышам,

[illegible] за рога корову, но, когда Женька, ради шутки, посадил ей на сарафан толстую гусеницу бражника, подняла такой визг, что мальчишка и сам перепугался.

Огорчённый невнимательностью девочки, он полез под кровать и поставил коллекции на место.

— Я с мамой целый день на поле работала. Видишь?— Нютка показала измазанные землёй руки.— Свёклу пололи. А ты бабочек ловишь, как маленький.

— Вы бы сказали. Я бы тоже пошёл.

— Кабы да я бы!— передразнила она.

— Возьмите меня завтра?!

— Завтра нет. Завтра мы с Алёшкой в лес договорились. По грибы. Далеко пойдём, к Острой горе. Грибов много. Вон Мишка с Ванюшкой полнёхонькие корзины вчера притащили. Про место не сказывают, да мы без них побольше найдём. А ты опять жуков навозных собирать будешь?

— Нет, я бы с вами,— вздохнул Женька.

— Анна Александровна тебя не отпустят.— Они (Нютка, питая уважение к учительнице, называла её всегда во множественном числе) и так моей маме жаловались, что ты совсем от рук отбился.

— Много ты знаешь! Отпустит!— решительно объявил мальчишка.

— Ну, приходи тогда утром, часов в восемь, к Алёшке, оттуда пойдём. Я за тобой заходить не буду, мне ещё корову угнать надо. Я сразу к Алёшке приду. Корзинку на сарае возьми, там у нас разные складены. Не проспи!

— Сами не проспите,— засмеялся Женька, очень довольный, что его берут в лес. Нютка ушла, а он принялся обдумывать своё положение.

Конечно, после истории с сенокосом мать не отпустит его так далеко. Слово-то у неё твёрдое. Позвать её с собой? Засмеют. Маленький, скажут, с мамой за ручку ходит! Вдруг ещё Мишка Глотов пойдёт? Нет!

Но сходить за грибами очень интересно. Женька никогда ещё не видел настоящий глухой лес. Бывал он, правда, в городском парке, но там что? Стоят голые сосны, трава истоптана, цветы не настоящие в клумбах, радио играет, бумага везде валяется. Разве это лес?

А, может, всё-таки спросить? Не отпустит! Лучше не надо. Скажу, за бабочками пошёл, а оттуда на пасеку, к дедушке. Решено.

Женька выскочил во двор и полез на сарай за корзиной. Здесь, среди пыльного сена, высохших веников и ржавых кос, он увидел несколько ивовых плетёнок разной величины. Выбрал ту, которая была побольше, справедливо рассуждая, что грибов может быть очень много.

Едва успел её унести и спрятать в огороде, за домом, как вернулась мать.

— Женя! Где ты? Иди ужинать,— позвала она, выходя на крыльцо.

Женька вышел из огорода, стараясь сохранить полное безразличие на лице.

За ужином он удивил мать своим аппетитом. В обычное время Женька ел мало. Ложку-другую супу, каши, полстакана молока. Хлеб же больше крошил и оставлял нетронутым. Но сейчас, стоило матери отвернуться, как куски хлеба и сахара перекочёвывали в карманы Женькиных штанов.

— Давно ты, Женя, так не кушал,— говорила Анна Александровна.— Будешь хорошо есть и поправишься быстро.

— Я и так... поправился,— проговорил он.

После ужина Женька побежал во двор и тем же путём, каким спрятал корзину, переправил в огород добытый хлеб, сахар и конфеты.

«Надо бы ещё воды в бутылку налить»,— раздумывал он, сидя в лопухах перед своими припасами. Однако пустых бутылок на примете не было. «Напьюсь побольше с утра»,— и Женька отправился домой, улёгся в кровать без обычных доказательств, что спать не хочется и что ложиться ещё рано.

Утром дело обошлось как нельзя лучше. Мать отпустила его на пасеку. Женька накинул лёгонькое старое пальто, забросил сачок в росистые лопухи, рассовал хлеб по карманам и перелез из огорода на улицу. Чтобы не тащить в руках громоздкую корзину, он укрепил её на спине, и, сделавшись похожим на страшную двуногую черепаху, бегом пустился к дому Алёшки.

Алёшка и Нютка ждали его, сидя на лавочке у ворот покосившейся избы деда Степана. Судя по тому, как белоголовый мальчишка размахивал руками, они, должно быть, снова о чём-то яростно спорили.

«Опять эта Нютка над ним смеётся»,— с возмущением подумал Женька, но в глубине души ничего не имел против неё, она хоть и любит смеяться и спорить, а всё-таки хорошая, свойская девчонка.

— Пошли?— спросил он, переводя дыханье.

— Айда!— сказал Алёшка.— Бери, Нютка, корзинки.

— Нет уж! Сам свою неси. Какой выискался!

— А Женька-то! Женька-то! Вот это корзина! — засмеялась Нютка. — Весь лес принесешь и ещё место останется. Ты же бельевую взял!

— Ну тебя! Тебе всё смех! — отмахнулся он.— Пошли, что ли?

За околицей над полями пахло полынью, скошенными в лугах травами. Вот зажужжал пробудившийся шмель, мокрая стрекоза сидит на стебельке, сушит обвислые крылья, бабочка летит через дорогу.

Рожь ещё дремлет, нежится в утренней прохладе. Легко дышать, легко идти по влажной холодной земле, вглядываясь в светлую даль чистого, спокойного неба.

Болтая о том, о сём, ребята почти бежали к лесу.

— Жень! Воды-то взял? — спросила Нютка.

— Нет,— признался он,— хлеба только много!

— Эх [illegible] ведь в жару не есть, а пить больше хочется! Ну, уж ладно. Я захватила.

— А я редко в лесу пью,— вмешался Алёшка.— Если нет ключа, перетерплю и хоть целый день пить не буду. Так лучше. Меня дедко научил.

— Значит, ты верблюд,— засмеялась девчонка.— В пустыню тебя надо отправить, в Сахару.

— А ты коза длинноногая, сорока,— беззлобно отшучивался Алёшка.— Давай, Женька, её сорокой звать?

Женька промолчал. Теперь он начал понимать, что корзина, пожалуй, и впрямь тяжела, а вода в походе — вещь незаменимая. Пить хотелось. Но ведь бидончик был у Нютки...

До леса добрались незаметно. Первые кусты опушки встретили ребят брызгами росы.

— Здесь делать нечего. Здесь всё выползано

[illegible] за старухами. Надо вперёд податься туда, где грузди растут, — авторитетно заявил Алёшка.

В лесу было сыро, как после дождя. Словно капли ртути, блестели росинки в пазухах мохнатых ельцев. Папоротник густо рос у стволов. Паутина цеплялась за одежду.

Женька промочил ноги, штаны до колен стали мокрыми. «Обсохнет»,— успокаивал Алёшка. Он нашёл червивую синявку, обломил трухлый корешок и бережно положил гриб в корзину.

— Зачем ты его взял? Он же весь гнилой! — удивился Женька.

— Ничего, первый гриб всегда бери — корзина полная будет. Это уж примета такая,— тоном знатока объявил Алёшка.

— Вот ещё!

— Не веришь?

— Конечно.

— Не верь! Не верь! А как не наберёшь ничего?

— Почему?

— Потому что первый гриб ногами топчешь!

Женька увидел, что раздавил хороший обабок.

— Что же ты не сказал!— рассердился он.

— Да я и сам-то его только увидел.

Алёшка пошёл вперёд, раздосадованный Женька брёл следом. Грибы никак не попадались ему на глаза, если не считать красноголовых мухоморов, поганок на тоненьких ножках и круглых дождевиков, на которые только наступи легонько, и вылетит из них коричневая гнилая пыль.

Алёшка и Нютка, по-видимому, в грибах знали толк, то и дело они наклонялись и клали их в корзинки.

«Надо в сторону отойти, — догадался Женька.— Они впереди идут, всё собирают, а мне ничего нет». Он свернул к мелкому ельнику и сразу начал находить грибы.

Вот крепкая сыроежка, вот липкий маслёнок, на светло-жёлтой губчатой его сердцевине блестят прозрачные слёзки. А тут и груздь, влажный, белый, холодный.

— Эй, ребя-та-а! Я груздь нашёл! Почти не чер-ви-вы-ый!— завопил Женька.

Алёшка не ответил — ушёл далеко.

Зато Нютка тотчас прибежала, посмотрела, опустилась на колени и, к изумлению Женьки, вырыла из хвоинок и мха ещё три штуки круглых груздей.

— Как это ты, Нютка, сквозь землю видишь?— спрашивал он.

— Да очень просто. Где один груздь нашли, тут и ещё, наверное, есть. Они по одному редко растут. Видишь, мох чуть приподнялся? — она копнула зелёный бугорок, и под ним тоже оказался гриб.

— Ой, тут их много. Смотри-ка!

Лишь сейчас они увидели, что земля между невысокими ёлочками и корнями толстенных деревьев сплошь покрыта моховыми бугорками. Кое-где виднелись белые крепыши грибов и совсем дряхлые, сгнившие шляпы огромных груздей.

— Зови Алёшку,— сказал Женька.— Мы здесь на одном месте полные корзины наберём.

Когда появился Алёшка, все трое принялись ползать на четвереньках, раскапывая моховые бугорки. Больше всех старался Женька. Он вымазался в земле, потерял где-то кепку, окончательно промочил колени, зато корзина его быстро наполнялась отборными крепкими груздями.

Алёшка и Нютка доверху наклали свои корзины, а грибов оставалось ещё очень много.

— Ну,— пыхтел Алёшка,— их не выберешь. Давайте хоть мелкие станем брать. Мелкие вкуснее!— Но и мелких девать было некуда.

— Видали?! Какое я место нашёл! — хвалился Женька. — А ты говорила: ничего не наберём.

Измазанный, потный, усталый, он сидел около своей коробушки и веткой отгонял комаров.

— Домой как понесёшь? — спрашивала Нютка.

— Ничего! Донесу как-нибудь. С отдыхом. Дай-ка попить, у меня там, в горле, что-то застряло.

— Поедим маленько? — предложил Алёшка.

Они выволокли корзины на бугорок и уселись под старой сосной, тихо гудевшей от ветра.

После жаркой работы, липкого пота и злючих комаров неплохо растянуться на обсохшей траве, расправить ноющую спину, пошевелить пальцами усталых рук.

Шумит, шумит лес, доносится с вершин бойкая песня зяблика, муравьи хлопочут в траве, тащат хвоинки, ползают по одежде. Иногда они сталкиваются, ощупывают друг друга усиками и опять торопливо бегут куда-то по своим муравьиным дорожкам к неизвестным муравьиным городам.

— Вкусный здесь хлеб,— задумчиво сказал Женька...— А дома-то я его никак не ем.

— Это на воле потому что, на воздухе.

— В лесу здорово естся,— подтвердил Алёшка. Он жевал хрустящую ржаную корку, с треском кусал сахар, запивал водой из крышки бидончика.

Нютка ела неторопливо, аккуратно, откусывая хлеб понемногу. Она и сидела как-то по-особенному, строго, спрятав голые коленки под подол чистенького платья, чуть наклонив кукольную голову с лукавыми синими глазами.

— Гляди,— Алёшка толкнул Женьку локтем.— Наша Нютка призадумалась.

— И ничего не призадумалась. Так просто,— отозвалась она.

— Знаешь, Нютка, на кого ты сейчас походишь?

— На кого?

— А на пупсика, в сельпо по три двадцать за штуку продают!— прыснул, расхохотался Алёшка, за ним Женька. А там уже засмеялась и сама Нютка

— Пойдём по малину?— вдруг предложила

она.— У меня бидон есть. Времени мало. Тут у Острой горы, недалеко.

— Пойдём, Женька? — спросил Алёшка.

— Мне-то всё равно. Только как грибы потащим?

— А ты найди палку,— сказала Нютка.— Мы на палке обе корзины понесем вместе.

Сказано — сделано. Мальчишки разыскали толстый сучок, продели его в дужки корзин, и маленькая компания тронулась в путь. Нести груз на палке вдвоём куда удобнее. «Догадливая эта Нютка»,— размышлял Женька, поглядывая на девочку, которая шла рядом, шаг в шаг.

Вот и Острая гора мохнатой громадой поднялась впереди. Лес пошёл гуще, выше сосны, угрюмей широкие тёмные ели. Боязно, тихо в такой глуши. Вспомнил тут Женька и волков, и медведей, и леших с зелёной бородой. Оглянулся раза два. Ему казалось, что кто-то невидимый, страшный прячется за стволами в чаще и глядит немигающим взглядом в спину.

— Киии-ааай,— заунывно и дико застонал чёрный дятел-желна, срываясь с вершины засохшей лиственницы. Холодные мурашки пробежали по телу ребят.

Даже Алёшка, который бесстрашно вышагивал впереди, теперь стал держаться рядом с Женькой, а Нютка молча смотрела под ноги, стараясь не упустить едва заметный след тропинки.

— Скоро уж Егоркина елань должна быть,— заговорил Алёшка.— Малины там прошлый год просто неисчерпаемо было. Да сами увидите...

— А, может, домой вернёмся? — вякнулся Женька и со страхом посмотрел на Нютку.

— Вот ещё! Сейчас до елани доберемся,— храбрилась девчонка.

Лес поредел, впереди золотился просвет. Значит, поляна там. Стало веселее.

— Что я вам говорил? Вот она, Егоркина елань,— самодовольно заявил Алёнка, выводя ребят на поляну.

Она была невелика. Один бок её поднимался по склону горы и тонул в зарослях высокого малинника. Белые лесные вьюнки цепко вились вокруг его колючих побегов. Тут же росла глухая крапива, иван-чай и медвежьи дудки. Мягкий ветерок едва шевелил макушки берёз в солнечном небе, и они слабо шелестели, как шепчутся дети в глубоком сне. Крупные рыжие бабочки то и дело взлетали из-под ног, золотые жуки-бронзовки висели на цветах неподвижно, разморённые жарой и светом.

Малина поспела. Женька набивал рот мелкими сочными ягодами и причмокивал от удовольствия. Собирали вместе, в Нюткин бидончик. Горсть туда — горсть в рот. Зачем добру пропадать? Раз не в чем нести, можно в животе.

Но уже и есть не хочется, и бидон полон, а малины, как насыпано.

Ребята не сразу заметили, что солнце куда-то скрылось и поляна словно помрачнела: исчезли бабочки, зашумели старые берёзы, цветы вьюнков, сморщенные и закрытые от зноя, на глазах начали раскрывать свои венчики. В воздухе запахло близким дождём.

— Шабаш! Кончаем!— сказал Алёнка. Он тревожно смотрел на потемневшее небо, хмурился.

— Как бы гроза не накатилась. Сейчас время такое. Вьюны тоже к дождю разворачиваются.

— Ну и пусть! Мы под берёзу, да и всё,— попробовал разубедить его Женька, хотя встре-

вожился не меньше Алёшки.— Может быть, стороной пронесёт?

Но как бы в ответ на все сомнения из-за вершины горы донёсся далёкий знакомый гул.

— Вот тебе и пронесёт! Слышь, погромливает,— помрачнел Алёшка.— Айда до дому! Скорей, успеем ещё. Нютка, палку давай. Цепляй корзинки. Малину сюда. Сам понесу.

Ребята засуетились.

— Ой, я боюсь, как не добежим, не успеем...— уныло проговорила Нютка.

— Чего боюсь? Нет ведь пока ничего!— сердился Алёшка, быстро вышагивая впереди.

Тучи не было видно, но по всем приметам она приближалась. Гром рокотал ближе, деревья гнулись от вихрей, зловещий сумрак сгущался в лесу.

Наконец, и сама туча выползла из-за горы Чёрно-сизая, глухая и страшная, она тяжело нависла над лесом. В холодном блеске молний передний край её клубился белесыми бурунами.

Ребята бежали, не разбирая тропинок, стараясь уйти от настигающей грозы.

Они спотыкались, падали, грибы сыпались из корзинок, ветки больно щёлкали по лицу.

Вдруг Нютка, резво бежавшая рядом с Женькой, запнулась за корень и со всего маху повалилась на землю, так что её спутник выпустил палку из рук. Он услышал стон.

— Что ты, Нютка?— испугались ребята.

Девочка приподнялась и снова застонала.

— Ой, я... я, кажется, ногу сломала,— пересиливая боль, прошептала она.— Я за корень... Ой, как больно... больно...

Алёшка и Женька присели на землю:

— Где? Что?

— Вот.

Нога с виду была как здоровая.

— Давай, я дёрну. Может, ты её вывихнула.

— Ой, дёргай, только тихонько.

Алёшка осторожно потянул ногу. Нютка сморщилась от боли.

— Нет, тут не сломано. Растянуто, наверное,— заявил Женька. — Я видел, когда сломано. В больнице. Там не так было, у них ноги гипсом заливали. А у тебя кость целая.

— Встать можешь? — спросил Алёшка.

Нютка одёрнула платье, ухватилась за руки мальчишек, встала и тут же присела.

— Не могу, больно очень,— и она заплакала.

Туча уже висела над головой.

— Спрячемся под ель? Ветки густые — не замочит,— предложил Женька.

— В большое дерево... молния бьёт. Нам в школе... го-говорили,— сквозь слёзы простонала Нютка.

— Верно,— подтвердил Алёшка.— Лучше в сосняк залезем! Женька, скидывай пальто. Нютку накроешь и сам тоже накроешься. Я к тебе на колени пристроюсь. Ну, шевелись! Быстро!

Мальчики кинулись к мелкому сосняку. Здесь было сухо. Толстый слой опавших иголок покрывал землю. Алёшка выбрал место, где ветки сходились почти вплотную.

Корзины составили полукругом.

— Ломай ветки! Ещё укроемся!— кричал Алёшка.

Обдирая пальцы, они ломали вершинки, тащили к корзинам. Алёшка устанавливал ветки наискось, вроде крышки. Получился крошечный низкий шалаш. Ребята помогли Нютке добраться

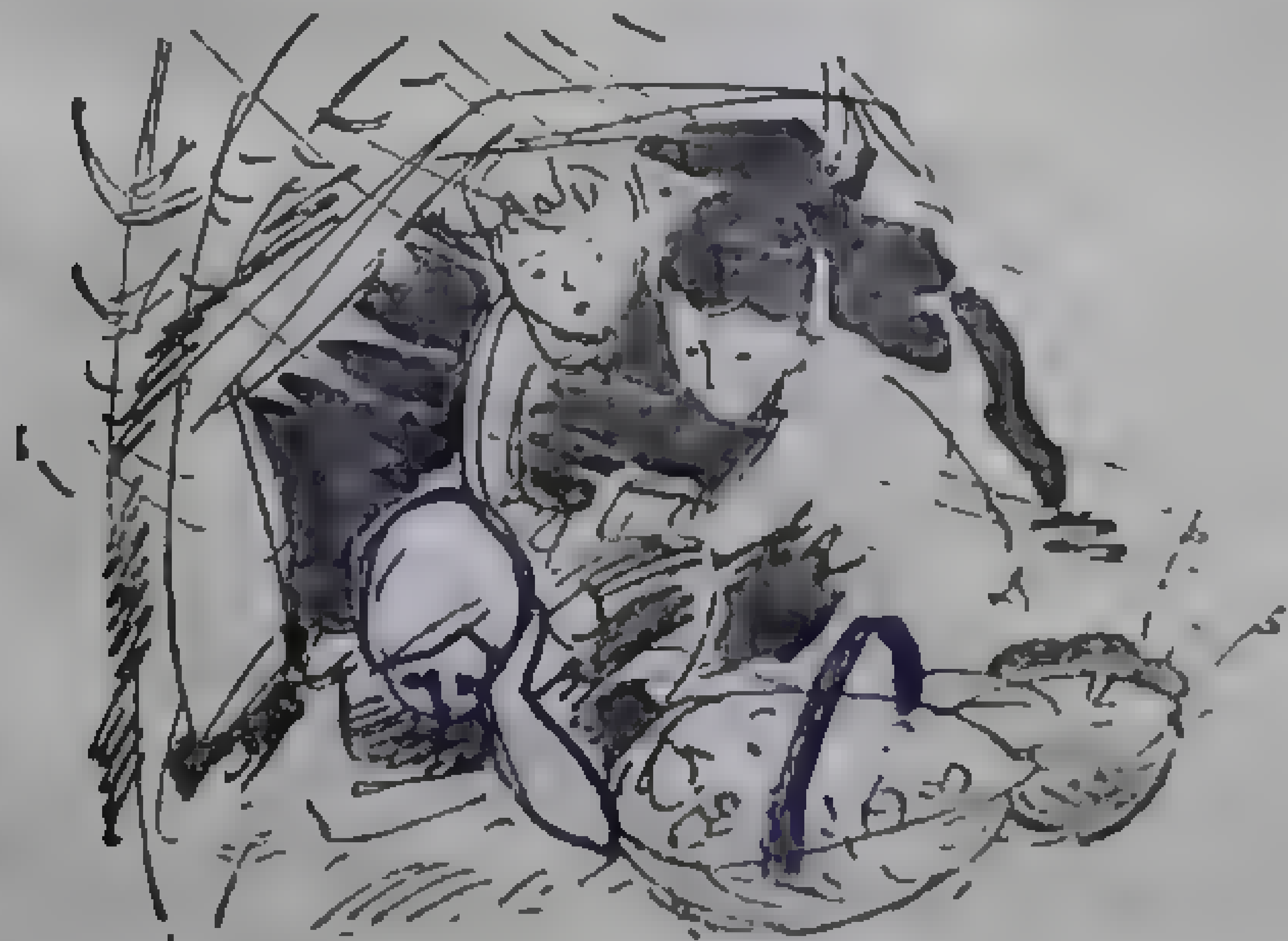
до ветхого убежища, накрылись пальто и в страхе притихли.

Вокруг было почти темно. Замолк ветер. Стояла тревожная тишина, какая наступает перед самой грозой.

Щёлкнули первые тяжёлые капли, будто кто бросил горсть крупной гальки. Мигнул широкий синий свет — гром трахнул пушечным диким ударом. Задрожала земля, с треском охнуло где-то упавшее дерево, ливень хлынул стеной.

Прижавшись к тёплому боку Нютки, Женька старался укрыть её коротким пальтишком. Оно сослужило хорошую службу. Под ним было еще сухо. Алёшка, не поднимая головы, ничком лежал на Женькиных коленях.

Молнии сверкали страшно и часто. Женька всякий раз закрывал глаза, ожидая громового раската. Он давно бы заревел, да мешала Нютка. И он мужественно крепился, кусал губы, хотя глаза плавали в слезах. Нютка молчала, и вдруг услышал Женька, что она тоже плачет. Девочка вздрагивала, закрыв лицо руками.

— Нютка! Больно? — едва не разревелся он.

— Стра-а-шно, — протянула она, всхлипывая. — Ка-ак мы теперь... — и заплакала громко.

— Алёшка приподнимись хоть. Умер ты, что ли? — толкнул Женька товарища.

— Я не умер, у меня штаны насквозь вымокли, — проворчал Алёшка.

— А ты не реви, Нютка. Ничего, [illegible]. Мы тебя дотащим. Гляди, я не реву, — успокаивал Женька растерявшуюся девочку.

Она отняла руки от лица:

— Не реви! А сам-то!

— Ну да, — рассердился он. — Это от дождика. Что я, девчонка — реветь. Двигайся ближе, не замочит.

Нютка доверчиво придвинулась, и Женька даже осмелился обнять её рукой, придерживая сбоку край пальто. Теперь они сбились совсем близко, так что ничего не было видно.

— Нютка! Не дыши мне прямо в ухо. Щекотно, — сказал Алёшка.

Помолчали, прислушались, как глухо стучит дождь по намокшему пальто.

— Алёш! Расскажи что-нибудь? — попросил Женька.

— Что рассказывать-то?

— Ну, что-нибудь, так. Расскажи, почему поляна, где малину собирали, Егоркиной называется?

— Вам страшно будет. Нютка опять заревёт, — подумав, ответил Алёшка.

— Сам ты заревёшь, — сердитым шёпотом отозвалась она. — Рассказывай!

— Ну, ладно тогда. Егорка — это парнишка в нашей деревне жил давно уж, мне еще мамка сказывала. Вот раз мать и взяла его в лес, по

малину. Не моя мамка, а его, Егоркина. Раньше там и елани никакой не было, курень брошенный был, лес рубили, уголь жгли. Дошли Егорка с матерью до вырубки, видят — малины красным-красно. Начали брать. Егорка сперва вместе с матерью брал, а потом подальше забрёл, где ягоды больше.

Берёт он малину в туесок и слышит: сопит кто-то за кустами. Егорка и спрашивает: ты, дескать, мамка, тут? Поднялся на цыпочки, а там медведище огромный стоит и пасть сдуру разинул.

— Ой!— вскрикнули Женька и Нютка.

— Не рассказывать?— спросил Алёшка.

— Ладно, досказывай уж,— пробормотал Женька, чувствуя, как вода из пальто капает ему на шею.

— Ну, вот,— продолжал Алёшка.— Глядят они этак-то. Егорка на медведя — медведь на него. Потом Егорка опамятовался да как реванёт страшным голосом, а сам в лес. Медведь тоже рыкнул и ходу в другую сторону. Напугался. Мать Егоркина завопила, заголосила. Егорка, тот по лесу чешет, сучки трещат. Бежал, бежал, покуда не свалился. Тут уж его мужики с собаками нашли. Долго он опомниться не мог. Потом, сказывают, в солдаты его взяли, и убило где-то. А еланка-то так Егоркиной и зовётся.

— Ой, я бы со страху умерла,— прошептала Нютка.

— А я бы вовсе не испугался,— хвастливо заявил Женька.— Медведя всегда так надо пугать, заорать, он со страху убежит и подохнет.

— Иди-ка, пугни,— засмеялся Алёшка.— Увидишь, кто вперёд. Глядите, дождик перестал

Ребята высунули головы наружу. Грозовой свежестью пахнуло в лицо. Дождь сеялся мелкой

пылью. Ветки сосен отряхивали крупные капли. Солнечный луч прорвался из-за края уходящей тучи и заиграл в каплях серебряным блеском. Примятые ливнем травинки шевелились, распрямлялись, будто живые.

— Идти сможешь?— спросил Алёшка у Нютки.

— Попробую!— она вылезла из шалаша, осторожно приступила на опухшую ногу.— Пошли!

Мальчишки несли корзины, в ботинках противно хлюпала вода, сырые рубахи липли к телу, холодили.

Женька приуныл. Вспомнил о доме. Теперь всё равно придётся рассказать о походе за грибами, хоть и достанется, наверное, от матери за такой обман. Но уж лучше сидеть дома, чем брести по мокрой траве.

Нютка хромала позади. Платье её загрязнилось, глаза покраснели, коса расплелась. Ступая на пятку, девочка с трудом подвигалась вперёд. Иногда она прыгала на здоровой ноге, далеко отставала, но решительно отказывалась от всякой помощи.

Ребята останавливались, поджидали её и снова потихоньку шли дальше.

— Слушай, Женька,— вполголоса заговорил Алёшка во время очередной остановки.— Так мы до ночи домой не придём. Давай бросим эти грибы? Поведём Нютку или понесём. На что они нам? Так она ногу ещё пуще растравит, заболеет... Как мы без Нютки?

— И я тоже хотел сказать,— согласился Женька.

Тем временем девочка приблизилась. Она постояла, держась за сосну, а потом вдруг села

прямо на сырую землю. Она молчала, но по измученному лицу её, на котором размазались грязь и слёзы, было видно, что Нютка сама идти не сможет.

— Бросай корзинки,— громко скомандовал Алёшка.— Нютка, берись за нас! Мы тебя понесём,— они помогли ей подняться.— За шею держись,— приняв суровый вид, уговаривал Женька смущённую девочку. Сейчас мальчишки чувствовали себя взрослыми, большими и крепкими людьми. Разве не так поступают солдаты, когда на себе выносят раненых товарищей?

И, если бы ребятам сказали, что Нютку надо тащить ещё очень далеко, они только усмехнулись бы в ответ.

«Вынесем!— говорили две пары серых и карих глаз.— Вынесем во что бы то ни стало...»

На опушку выбрались к вечеру. От усталости у ребят дрожали руки и ноги. Измученные, голодные, грязные, они сели отдыхать.

Лиловые тучи вновь заволакивали небо. Скупой серый свет нехотя пробивался через них, и всё вокруг было неласковым, тёмным, угрюмым. Под набегающим сырым порывом ветра мелко, как бывает перед грозой, рябили и трепетали листья кустов. По ржаному полю гуляли волны. Молчали перепела. А вдали, на мрачном горизонте, изредка полыхала красная молния, еле слышно прокатывался гром, да какая-то неведомая птица заунывно и тревожно кричала в лесу.

— Ещё дождь будет,— вслух подумал Алёшка.

Женька ничего не ответил. Теперь ему было всё равно. Пусть идёт дождь, пусть дует ветер, пусть гром гремит, а мама рассердится и не будет с ним разговаривать. Ведь он её обманул.

— Пойдём, пожалуйста,— попросил он.

Алёшка помог Нютке подняться, и они побрели по грязной дороге, поддерживая хромающую девчонку

— Ой, будет мне теперь!— жалобно сказал Женька, прощаясь с Алёшкой.

— Ну, как-нибудь! Ну, ты скажи, что это я тебя в лес сманил. Правда, Нютка?— Алёшка покосился на молчавшую девчонку.

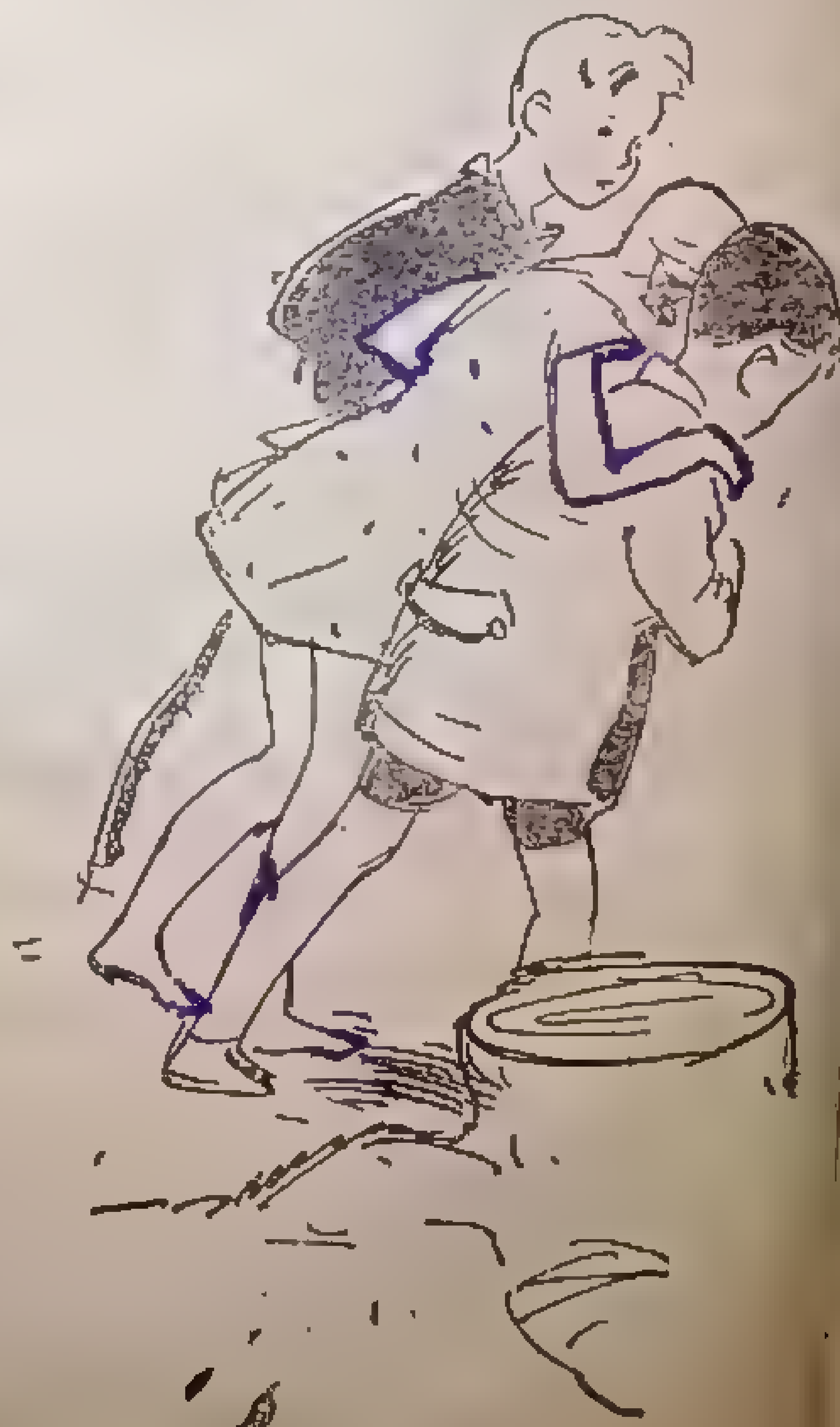
«Верно!..»— обрадовался было Женька, но потом лицо его ещё больше затуманилось. Брови сдвинулись и, опустив голову, он тихо произнёс:

— Нет! Так не надо. Так плохо. Я сам всё расскажу, по правде.

Алёшка участливо посмотрел друзьям вслед, вздохнул и поплёлся в избу.

— Лёнька, ты?— окликнул его с печи дед Степан.

— Я,— мрачно отозвался внук, стаскивая в углу мокрую одежду.

— Куда тебя, пострела, в грозу носило?— спросил дед. И, не дождавшись ответа, сказал:— А я вот на печь подался. Поясницу у меня разломило. Пойди, поешь. Картошка на шестке стоит.

Пока внук ужинал остывшей картошкой и пил молоко, старик рассказывал о разных приметах на добрую и худую погоду. Он любил внука-сиротку, да к тому же и поговорить им летом по душам приходилось редко.

На сей раз Алёшка оказался плохим собеседником и на все вопросы дедушки отвечал невнятно.

— Вот, ежели облака к вечеру разгонит да закат тихий — это, Лёнька, к доброй погоде, к вёдру.

— Знаю,— отозвался Алёшка.

— А когда комары вечером вздохнуть не дадут, тут уж дождя жди.

— Угу!

— Другой раз угли в загнёте шаять начнут, искрят — это к холоду.

— Ага.

— Что ты сегодня, Лёнька, гукаешь все. Ага да ага. Голова болит?— встревожился дед Степан.

— Да.

— Лезь давай ко мне на печь. Прогрейся, к утру всю хворь снимет.

— Ладно.

Поговорив ещё немного, старик уснул. В комнате стемнело. На улице гремел гром, хлестал ливень. Алёшка долго сидел перед опустевшей чашкой. Он думал:

«Побьют Женьку. Мать у него строгая! Вон какая! Учительница. А он не виноват. Охота ведь в лес сбегать. Как это Нютка ногу вывихнула?

С грибами пришли бы. Анна Александровна увидала бы грузди, ну поворчала, поругалась бы, наверное, да и только. Эх, плохо. Вон отец дерёт Мишку Глотова, так того хоть за дело, он или в огород залезет или стекло камнем разобьёт и Витька Глотов такой же. А Женьку-то...»

За месяц, проведённый вместе, крепко привязался Алёшка к новому другу. Может быть, потому что нашел в нём простую, отзывчивую душу; может быть, потому что и Женька полюбил его. Ведь никто так радостно не встречал Алёшку, когда он приходил к Нюткиному дому, никто так старательно не вытирал лопухами его одежду, если он где-нибудь запачкается. Ни у кого так радостно не блестели глаза, если Алёшка приносил в подарок новую бабочку или ракушку.

Может быть, нравилось Алёшке заботиться о беспечном товарище.

«Надо выручить его. Чего доброго, осерчает Анна Александровна на Женькино непослуша-

ние, и уедут они отсюда. Надо помочь! А как?»

Алёшка взобрался к деду на печь. Топили её вчера, когда пекли хлеб, но в летнее время она долго не стыла, и лежанка была тёплая.

«Пойду-ка я завтра в лес раненько. Корзинки с грибами притащу, Анна Александровна обрадуется и простит Женьку»,— пришла вдруг Алёшке мысль. Он затормошил старика.

— Дедушка! Дедко!

— Ась?— сквозь сон откликнулся дед.

— Ты меня завтра на свету побуди.

— Куда тебе?

— Да надо. Разбудишь?

— Ладно, спи.

Успокоенный принятым решением Алёшка поворочался немного, а потом крепко заснул.

АЛЁШКИНА КОЛЛЕКЦИЯ

Вчерашняя гроза принесла ненастье. Грустный Женька сидел у окна, раздумывая о том, как всё-таки плохо окончилось путешествие за грибами. Мать сердилась, у Нютки болела нога, Алёшка не появлялся, да тут ещё дождь, будто назло, разошёлся.

Капли рождались на стекле, неровными струйками сбегали вниз. Сердитый ветер рвал и сгибал мокрую рябину. Дождь тихо шуршал по стенам. Почему это в ненастную погоду и настроение такое же скучное?

Вдруг Женька увидел Алёшку. Он бежал босиком, накинув на плечи брезентовую курточку и сгибаясь от тяжести, нёс две корзины с гриба-

ми. «Ходил ведь, ходил»,— обрадовался Женька и застучал по стеклу. Алёшка услышал, кивнул головой и зашёл в ворота.

— Здравствуйте, Анна Александровна,— простуженно хрипел он на кухне.— Вот я... грибы принёс. Это Анюткины и ваши... берите,— он потоптался у дверей, шмыгнул носом и добавил:— Вы уж извините, что мы Женьку в лес утащили. Наверное, простыл он?

Мать выслушала сбивчивую речь Алёшки, а потом звонко рассмеялась:

— Да что ты, Алёша? Разве ты виноват. Ведь он сам, озорник, мне ничего не сказал!

— Я бы сказал... я боялся, что не отпустишь,— раздалось из-за дверной занавески.

— Проходи, Женя тебя с утра ждёт,— пригласила Анна Александровна.

Без лишних рассуждений Алёшка тотчас юркнул в комнату.

— Угадай, Женька, что я тебе принёс,— оживлённо заговорил он.— Не знаешь? То-то!

Он разжал руку, и товарищ от изумления подпрыгнул.

На ладони, слабо шевеля лапами, лежал коричневый и блестящий водяной жук, величиной не меньше столовой ложки.

— Здоровый жучина?— торжествовал Алёшка.— Это я тебе... Насовсем.

— Где ты такого поймал?— спрашивал Женька, когда жука посадили в банку с водой.

— Просто нигде. Шёл сегодня утром. Иду. Вдруг как зажужжит, загудит и в лоб меня — бац! Я со страху чуть не упал. Смотрю, а он, жук-то, на земле крутится. Сроду этаких большущих не видывал. Должно быть, водянец. Они летают перед дождиком.

Друзья уселись к столу. Женька вытащил коллекции. Перебрали, посмотрели, сосчитали засушенных насекомых. Вдоволь налюбовавшись на жуков и ярких бабочек, Алёшка неожиданно сказал:

— У меня тоже есть что тебе показать.

— Что?— загорелся Женька.

— У меня яиц птичьих штук сто будет. Не меньше!

— А не врёшь?

— Честное пионерское!

— Ты пионер?

— Как же.

— Почему тогда галстук не носишь?

Алёшка смутился:

— Галстук! Я его ношу, когда в школу хожу, тогда...

— Я вот в больнице пролежал, а то бы давно уж приняли. Нынче примут, так я галстук всегда носить буду!

— Думаешь, тот и пионер, кто галстук носит? Вон Мишка — пионер, а дерётся. Его бы давно из пионеров выключить надо.

— Правда,— согласился Женька.— У нас Алька Грозных такой же. А всё-таки я галстук даже сам гладить буду. Алёш! Пойдём, сбегаем коллекции посмотреть,— вспомнил он.

— Отпустят тебя?

— Наверное. Я маме самое честное слово дал, что обманывать больше не буду. Пойдём скорее!

— Куда?— спросила Анна Александровна, заходя в комнату.

— Да мы... мы хотели к нему. Отпусти,— с отчаянием сказал Женька.

— Что с вами поделаешь?— смягчилась

она.— Идите! Ботинки, Женя, не забудь надеть, они у тебя часто под сараем в углу стоят.

«И это знает!» — ужаснулся Женька, выскакивая на кухню.

Дождь продолжался. Из желобков хлестала пенная вода. В сырой траве, по лужам, радуясь ненастью, прыгали лягушата. Хмурые линючие облака неслись над лесом, над полями, над деревней.

— Заненастило! — ворчал Алёшка. Он закатал штаны и шлёпал прямо по воде, босые ноги вязли в грязи.

Женька обходил лужи, но как ни старался, всё же промочил ботинки насквозь, пока добрались до Алёшкиной избы.

На вымытом дождём, побелевшем крыльце пришлось разуться, выжать носки и лишь тогда зайти в сени.

Женька увидел опрятную комнату, стол, крашеные лавки, портрет Ленина в простенке между окнами и две большие фотографии над деревянной кроватью.

С одной из них устало смотрел светловолосый военный с погонами старшины, с другой — очень молодая красивая женщина. Тяжёлая коса, перекинутая через плечо, спускалась ей на грудь. Женщина походила на Марию Степановну и в то же время на Алёшку. Когда Женька пригляделся, он сообразил, что глаза у нее прямо Алёшкины. Такие же серые, добрые, ясные.

Дедушки Степана не было дома. Алёшка суетился: он взял у Женьки сырые носки, положил их на печь, стащил оттуда валенки и велел надеть.

— А сам зачем по грязи босиком ходишь? — допрашивал его Женька.

Алёшка достал из кованного цветной жестью сундука новые скрипящие кожей ботинки.

— Видишь? Мне дедко недавно купил. Жалко носить. В школу уж в них пойду. А грязь — она тёплая, на что ботинки?

Усадив друга на скамью возле окна, он поместился рядом.

— Это тятя мой и мама тоже,— указал Алёшка на портреты.

— Они где?— вырвалось у Женьки.

— А их нету, — просто и грустно сказал Алёшка.— Тятя ещё в сорок пятом на фронте погиб, а мама померла. Третий год как... Я ведь говорил, что с дедом живу. Дедко меня любит. И живём мы с ним. Двое. Что поделаешь?!

Это «что поделаешь» он выговорил, как большой, серьезно, задумчиво.

Женька закусил губу, и стало ему ясно, почему при упоминании о матери Алёшка становился непохожим на себя. Не скоро забывается тяжёлое горе.

— Я ведь тебе коллекцию показать хотел,— внезапно заторопился друг, сорвался с лавки и убежал на кухню. Он долго копался там, гремел посудой и, наконец, появился с большим плоским ящиком, накрытым тряпицей.

Бережно установив его на столе, он снял тряпку. Женька увидел коллекцию мелких и крупных яичек, разложенных по одному на мягкой льняной пакле. Возле каждого яйца лежала бумажка с надписью.

— Журавль,— прочитал Женька.

Коричневое яйцо журавля походило на глад-

кий большой огурец. Дальше шли другие: вот зеленоватое яйцо утки, крапчатое — ястреба, голубое — скворца, веснушчатые яйца — сороки. Тут были большие и крошечные яички с малахитовыми узорами, точками, крапинками, завитушками, круглые, продолговатые, грушевидные, похожие на окатанные речные гальки.

— Где же ты столько нашёл? — спрашивал Женька, удивлённый и восхищённый коллекцией Алёшки.

— Да в разных местах. Которые сам отыскал, которые с Мишкой, которые ребята принесли. Мы гнёзд не зорили. Брали по одному яичку. Дедко мне так строго-настрого наказывал. Я ведь ещё маленьким собирать начал. Сперва воробьиные нашёл, от скворцов одно взял, от сороки. Помаленьку набралось. Потом я их в школу приносил. Ольга Ивановна, учительница, сказала: надо, мол, записывать, где взял, у какой птицы, когда. Стал я эти бумажки писать, другой раз не знал, что за яички. К Матвеичу ходил. Он-то знает...

Алёшка оживился, на лице заиграла улыбка.

— Мы с Мишкой в позапрошлом году у филина гнездо нашли. Вот белое яйцо лежит. В пеньке было. Пенёк здоровенный, и дупло подходящее в нём. Подошли, думали, никого нет. Мишка полез, а оттуда — филиниха, страшенная, возьми да и вылези. Завозилась, захлопалась и клювом цок-цок-цок. Глазищи у ней — во какие, светятся, и башкой ворочает она туда-сюда, прямо леший. Напугались мы сперва. Мишка хоть драться любит, а трус же. Не пойду, говорит, сам в дупло лезь. Может, там ещё один сидит. Всё-таки я одно яйцо добыл, угнал филиниху. Их, яйца-то, с умом брать надо. Если запарены, не

трожь: они испортятся, ну, а если светленькие, одно можно взять, птица другое снесёт.

Долго сидели ребята за столом. Алёшка рассказывал. Каждое яичко вызывало воспоминание.

Было в Алёшкиной коллекции и простое яйцо курицы. Оно лежало в стороне, без бумажки.

— Зачем оно тебе, куриное?— спросил Женька.

Алёшка покраснел.

— Да, видишь ли, его... его мне мама дала. Давно, давно, когда у меня ещё почти ничего не было. Я и берегу его, мамина память...

...Дождь прекратился. Ещё капало с крыш, но тучи расходились. Женька собрался домой, надел просохшие носки, ботинки и остановился на пороге:

— Скажи, Алёша, о чём вы с Нюткой спорили? И когда я приехал — спорили, и когда в лес пошли — спорили? Это секрет?

— Какой секрет?! Просто про кукурузу спорили. Знаешь кукурузу?

Женька слыхал про такое растение. Видел даже консервы, хотя и не пробовал.

— Кукуруза на юге растёт,— поразмыслив, ответил он.

— И у нас тоже!

— Где?

— Раньше не росла, а нынче посеяли. Как на пасеку идти. Подальше ещё. Поле целое. Нютка говорит, не созреет кукуруза, а я говорю, созреет. Увидишь, по-моему будет. Недавно я туда ходил. Она, будто камыш, высоченная, початки уже маленькие есть.

— С чем её едят?

Алёшка задумался. Этого он и сам толком не знал.

— Скоту кормят, на силос идёт, на муку. А учительница наша, по ботанике которая, она, знаешь, что сказывала? Говорит, мол, из кукурузы киноплёнку делают, и подмётки, и шёлк ненастоящий, и мыло будто бы. Чудно́ это. Как же из неё мыло? Я, когда на поле ходил, принёс кукурузных листьев. Намочил. Давай ими руки тереть. Не мылятся. Листья и листья. Жёсткие. Да мои-то руки видал! Тут целую печатку настоящего мыла изведёшь, не отмоешь,— Алёшка грустно усмехнулся.— Послезавтра бригада собирается,— сообщил он.— Свёклу пойдём полоть. Ты тоже?

— Ясно!

— Прощай покуда. Я печку стану топить. Дедко воротится — обсушить его надо,— озабоченно говорил Алёшка, провожая Женьку до калитки.

На улице ветерок рябил лужи, небо светлело, кричали петухи, тёплым паром курились крыши. Ненастье кончалось.

Пробираясь к дому, Женька соображал, что бы такое подарить Алёшке. Хотелось обрадовать друга. Но чем? Как? Вот Алёшка приволок грибы, принёс жука... А что даст он? Можно бы марки, но они остались дома. Отдать жуков? Алёшка и сам может их наловить. Сколько Женька ни размышлял, ничего хорошего не приходило на ум.

ЗАГОВОР

— Куда ты спешишь?— спрашивала Анна Александровна у Женьки, торопливо допивавшего чай.

— На работу,— еле выговаривал он, потому что рот до отказа был набит едой.

— Работник!— засмеялась мать.

— Я не хуже других. Хоть у кого, хоть у Алёшки спроси.

— Я лучше посмотрю, как вы работаете, и сама с вами пойду. Сын работает, а я дома должна сидеть?— неожиданно решила Анна Александровна.

— Правда, пойдёшь? Вот здорово! Я тебе бригаду нашу покажу,— обрадовался Женька.

Но бригаду показывать было не нужно. Она собралась у ворот. На завалинке сидела Нютка, Алёшка, Вера, Нина с Марусей и маленькая Аниска. Не было только «ребят», так обобщённо звали Мишку, Саньку и Ванюшку.

— Это — моя мама,— объявил Женька, появляясь на улице.— Её Анна Александровна зовут. Она учительница. Она с нами работать захотела.

Бригада робко поздоровалась. Девочки с интересом поглядывали на маму-учительницу. Минуту стояла неловкая тишина.

— А ребята сегодня не придут,— тоненьким голоском вдруг сообщила Аниска.— Вчерась Мишка с Ванюшкой рыбу удить хотели идти. На омут. И Санька с ними.

— Им ведь говорили? Говорили, что на свёклу идти. Они сами обещали,— возмутилась бригада.

— Ну и что ж? А они сказали потом, что не пойдут. Мишка сказал, свёкла, мол, и без нас вырастет, а ещё сказал, я, говорит, не хочу, чтоб надо мной девчонки командовали. Это он про тебя, Нютка, вот,— выпалила Аниска.

Нютка растерянно теребила оборку платья.

— Пусть не идут! Мы одни, без них обойдёмся,— заявил Алёшка.

— Пошли! Пошли!— защебетали девочки, дружно поднимаясь с завалинки.

— Эй! Подождите, подождите,— послышалось сзади.

Обернувшись, ребята увидели, что по улице на всех парах мчится растрёпанный рыжик Федя.

— Опять проспал!— сурово встретила его Нютка.

— Я не проспал,— задыхаясь, ответил тот.— Я за ребятами ходил (Федя запыхался и оттого картавил сильнее обычного). Они у Саньки на заборе сидели. Я говорю: «Пойдём, Мишка», а он: «Неохота!» Я говорю: «Мишка, бригаду подведёшь». Он говорит: «Сопли вытри, тогда учи». Чуть мы не разодрались,— важно прибавил Федя и покосился на Анну Александровну.

Бригада расхохоталась и двинулась дальше.

По шатким, хлюпающим доскам перешли речонку, миновали овраг, пасека осталась в стороне. Вспугнутые гомоном голосов, порхали с дороги жёлтенькие овсянки, с тревожным цыканьем скрывались во ржи. Из-за пухлых облаков потоками лился на поля золотисто-белый свет, налетал ветер, шевелил колосья. От промоченной дождём, нагретой солнцем земли поднимался запах цветущей кашки и поспевающих хлебов. Каждая травинка, умытая и чистая, сияла своей простенькой милой красотой. Даже гигантский репей-чертополох, похожий на резной цветок из камня, не кажется таким колючим. Развернув малиновые шапки цветов, он так и млеет в парном воздухе.

Набежит тучка — и сразу поблекнет, потемнеет всё вокруг, усилится ветер, задумается вода в дорожных колеях. Но вот снова проглянет солн-

це, и снова всё блестит, тянется к теплу и свету.

Женька беспечно брёл позади. Жевал утащенный из дому кусок хлеба. Что сделаешь, если мать велит есть всегда за столом, а ему нравится так, на вольном воздухе?

Временами он нагибался, хватал жука, торопливо бегущего через дорогу, разглядывал и, если жук был новый, прятал его в отдельную коробочку. По опыту Женька знал, что садить их вместе — только дело портить.

Недавно он наловил у речки десятка два божьих коровок, золотистых радужниц и синеватых листоедов. Когда коробка была полна, а сачок превратился в грязную тряпку, Женька заметил на краю оврага здоровый обломок серого гранита. Обливаясь потом, сопя, он взобрался на обрыв и начал толкать камень в овраг. Наконец под крики: «Ух ты, ы-ых-ы-ыть!»— валун тронулся, ещё усилие — и он с грохотом покатился вниз, увлекая за собой поток сыпучей глины.

Женька старался не напрасно: из-под камня выскочили и помчались в траву такие жуки, какие ему и не снились. Огромные, с голубым отливом, как воронёная сталь, с золотой каёмкой по надкрыльям. Мигом затолкнув их в коробку, Женька отправился домой, очень довольный редкой находкой.

Но дома мать послала его за молоком, потом Нютка позвала играть на улицу, и он забыл разобрать свои сокровища.

Наутро в коробке оказались лишь сине-чёрные гиганты, а от остальных — рожки да ножки: красивые жуки были хищниками.

...Свекольное поле открылось сразу за узеньким перелеском. Мария Степановна и ещё десят-

ка два женщин работали здесь, выпалывали и срубали тяпками разросшийся сорняк.

Когда ребята подходили к месту работы, из кустов выскочил Мишка Глотов, за ним Ванюшка и Санька.

— Мы вперёд,— кривляясь, закричал Мишка.— Что, думали не придём?— и, не получив ответа, подбежал к Марии Степановне, шутливо отрапортовал:

— Ручьёвская пионерская бригада имени Нютки Черных по вашему приказанию явилась...

Ребятам отвели для прополки особый участок, где свёкла росла на семена. Выполоть его надо было чисто, руками. Работать начали вместе. Женька дёргал сорняк одной рукой. Нютка двумя, остальные кто как. Ползая на четверень-

ках, Мишка что-то ворчал под нос, оборачивался, садился. Наконец, он предложил разделиться на звенья, как на сенокосе.

— Так ничью работу не видать,— доказывал он Нютке.

Поспорили и решили разделиться по четверо. В первое звено вошли Аниска, Вера, Нина и Маруся, во второе — Мишка, Санька, Ванюшка и Федя, в третьем были Нютка, Алёшка, Женька и Анна Александровна.

Сначала Женька вытаскивал сорняк с корнем, как показывала Нютка. Но очень скоро однообразная работа ему надоела. «Тянем-потянем, а где же всё такое поле очистить,— думал он, сравнивая выполотую плешинку с безмерной шириной заросшей сорняками земли.— Тут год надо работать!» Неплохо бы сейчас улизнуть, чтобы только незаметно. Юркнуть в кусты и там полежать на траве, в тени. Он поднялся, распрямил спину и сладко потянулся так, что хрустнули суставы. Оглядевшись, Женька увидел, что все работают по-прежнему. Впереди идёт звено Глотова, мальчишки торопятся. «Эй, догоняйте, ра-

ботинки!» — покрикивает Мишка, оборачивается, показывает Нютке язык. Её звено немного отстало. Девочки полют неторопливо, без суеты и пока позади всех, но расстояние между ними и Нюткиным звеном сокращается на глазах.

Женьке стало совестно. Работают ведь, никто не бежит. Он присел на корточки и со вздохом принялся драть траву без разбора — с корнем, без корня, а когда попадалась под руки свёкла — опасливо озирался.

Нютка и мама пололи дружно, платки у них сбились, лица стали красными, блестели от пота.

— Вы, Анна Александровна, осот под корень берите — руки колоть не будет, — смущаясь, советовала Нютка. Неудобно всё-таки учительницу учить. Сама девчонка привычно дёргала сорняк обеими руками. Алёшка усердно ползал по земле, изредка вытирая лоб рукавом.

К полудню семенной участок принял другой вид. Вместо зелёной затравеневшей поляны, влажно чернела чистая земля, аккуратными рядками красовалась на ней свёкла.

Звено Мишки первым закончило работу, и он, сидя на обочине поля, ядовито поглядывал на отставших девчонок и хвастал: «Мы бы одни со всем справились! Толку от вас! Трещотки».

Анна Александровна неодобрительно посмотрела на Мишку.

— Вы, мальчики, помогите им, чем смеяться, — сказала она.

Но Мишка не смутился.

— Больно нужно! — проворчал он. — Сами справятся.

— Анна Александровна! — неожиданно пропищала Аниска. — Вы поглядите, они всю свёклу повыдёргивали, все корни поставляли! — хит-

ренькое острое личико Аниски выражало негодование.

— Чего врёшь!— заорал Мишка.— Завидно стало?— он вскипел и, если бы не было тут Женькиной матери, плохо пришлось бы смелой Аниске.

Но работа говорила сама за себя. Участок ребят был истоптан, там и сям валялись трава и уже вялая ботва свёклы, из земли выступали белые корешки сорняков.

Участок Нютки оказался лучше. У девочек нигде не виднелось ни одной травинки, а выполотый сорняк они сложили в кучу на меже.

— Глядеть любо!— похвалила их подошедшая на спор Мария Степановна.

— Зачем вы свёклу-то выдрали?— строго спросила она у ребят.

— Мы так... Мы её проредить хотели. Она реже лучше растёт,— оправдывался Мишка.

— А корни в земле зачем оставили? Они через неделю прорастут — снова полоть придётся!

— Это не я! Это Санька! Я им говорил, говорил,— Мишка воровато прятал глаза.

Всю обратную дорогу он шёл с Ванюшкой и Санькой позади и что-то горячо доказывал им вполголоса. Когда же любопытная Аниска стала отставать и хотела подслушать, о чём совещаются ребята, Мишка показал ей увесистый кулак и пообещал дать по шее.

РУЧЕЙНИКИ

Вода в Говорухе холодная, ключевая. Сама речка невелика, но течёт быстро, бурлит, булькает, пенится, неровной струёй катит между камнями, где в зарослях ломких водяных лопухов пря-

чутся усатые раки. На дне, даже сквозь крупную рябь, видно белую сахарную гальку, чёрный плитняк, раковины улиток. В глубоких местах течение утихает, плавно кружатся воронки, мошкара летает над головой, тощие водомерки на длинных ножках скользят и шныряют взад и вперёд, как заправские конькобежцы.

На подмытом дернистом откосе сидят Алёшка и Женька. Две корявые удочки воткнуты в берег. Не клюёт. Мальчишки устали смотреть на воду. Поплавки унесло на перекат, и они ныряют в быстрой струе, кажется, что их дёргает рыба.

— Никого тут нет,— огорчённо сказал Женька, в сотый раз забрасывая леску.

— Нет! Не знаешь — не говори. Сытая рыба, оттого и не берёт. Кабы на зорьке пришли... А ты проспал,— укорил Алёшка друга.

Помолчали. Задумались. И было слышно, как булькает речонка, стрекочет свою песню неугомонный кузнечик, да на том берегу, под пасмурным небом, задумчиво шелестит желтеющий овес.

— Вырастем вот,— заговорил Алёшка,— в армию служить пойдём. Погоны у нас будут, ремни всякие, наганы... Ты, например, лётчиком, а я в пехоту пойду, в пограничники, может.

— Тоже, придумал! В пехоту! Чего там хорошего? Ходи пешком да пешком. На самолёте, то ли дело!

Тут Женька надул щёки и показал, как гудит тяжёлый бомбардировщик.

— Да что он без пехоты сделает?— заспорил товарищ.— Пехота самая важная. Она по земле идёт. Я в книжке читал, там её «царица полей» называют. Мой тятя тоже в пехоте служил.

— А кем Нютка будет? Наверное, врачом, санитаркой?

— Нет,— Алёшка отрицательно замотал головой.— Где ей санитаркой! Она лечить не умеет. Вот заболел раз у меня палец на ноге. Я его стеклом распорол. Нютка и говорит: «Привяжи подорожинку!» Привязал, только ещё хуже стало. Нарыв получился.

— Наверное, ты его сам загрязнил,— усомнился Женька.— Грязь попала — и готово.

— Нет, я ногу-то в луже вымыл,— ответил будущий пехотинец, рассеянно глядя на измазанную рубаху будущего лётчика.

...Скучно сидеть с удочкой, когда известно, что дело безнадёжное.

— Пойдём раков ловить,— внезапно оживился Алёшка.

— Пойдём!

«На безрыбье и рак рыба»,— вспомнилась Женьке пословица.

Друзья отправились на перекат, где крупные валуны, обросшие зелёной слизью, преграждали течение речки.

Ребята легли на камни и стали шарить по дну руками. Не прошло и минуты, как Алёшка с торжеством вытянул из воды порядочного рака в твёрдой коричневой скорлупе. Рак таращил глаза-стебельки, трепыхал мокрым хвостом, раскрывал грозные клешни.

Женька с опасением подумал, как бы такое чудо не остригло ему пальцы. Он уже нащупал одного, но рак юрко вывернулся и толчками уплыл по течению. Следующий больно цапнул за руку, Женька стерпел и выдернул его на поверхность. Ловить раков оказалось нетрудно. Были они очень упрямые, крепко хватались за пальцы и ни за что не хотели отпускаться.

— Хватит,— сказал Алёшка, когда набралось

почти полное ведёрко.— Рыбу некуда будет класть.

— Какую рыбу?

— Ну, наловим которую. Давай на ключевиков ловить?

— На кого-о-о?

— На ключевиков.

— Это кто?

Алёшка слез с камня в бурную струю, нагнулся и что-то поискал на дне.

— Вот!— показал он с десяток коричневых обломков, похожих на гнилые прутики.

— Смеёшься! На гнилые палочки ловить хочешь?

Алёшка хитро улыбнулся, подмигнул, осторожно разломил палочку и достал из неё небольшую бледную личинку с ножками и щетинками.

— Вот он — ключевик. Ручейник ещё называется. Эта трубочка вроде бы как одежда. Он под ней спасается. На дне его плохо видать.

В других палочках сидели такие же шиповатые червяки.

Мальчики вышли на берег. Сильно заинтересованный, Женька принялся рассматривать удивительных личинок. Тельце у них было слабенькое, мягкое.

— Ага, профессор, этого ты не знал!— шутливо торжествовал Алёшка.— Дай сюда свою уду. Испробуем.

Женька вытащил намокшую леску, сорвал с крючка побелевшего дохлого червя, старательно нацепил личинку. Он даже поплевал на неё, чтоб лучше клюнуло. Так учил Алёшка.

Оба забросили лески повыше переката. Поплавки понесло. Юрк! Женькин поплавок исчез.

— Ой, клюёт!— закричал Женька и растерялся. Поплавок выскочил на поверхность, спокойно заскользил дальше.

— Сорвалось. Эх! Что ж ты не по...

— З-зык!— Алёшка подсек и выкинул на берег серебристого ельца. Но, видимо, и эта рыбёшка зацепилась слабо, потому что на берегу елец оборвался и упал в траву. Женька выпустил удочку, кинулся ловить бойкую рыбу, прыгавшую среди одуванчиков и клевера.

Наконец, злополучного ельца посадили в ведёрко. Раков пришлось завязать в майку и опустить в речку.

Посасывая уколотый крючком палец, Женька подобрал удилище, сменил насадку.

— Сейчас уж я знаю,— бормотал он.— Уж я...

Поплавок мелко зарябил, задёргался. Хвать! Пустая леска взлетела над водой. Вот незадача! От досады Женька прикусил язык.

— Не торопись. Дай поплавку нырнуть, тогда тащи,— посоветовал Алёшка, выбрасывая на берег второго ельца.

На третий раз рыба взялась прочно. Женька почувствовал, как задрожало удилище, словно за леску зацепилась пружина. Он рванул что было мочи, подхватил удочку и побежал прочь. Крупная плотица волочилась по земле.

— Куда ты?!

Алёшке показалось, что товарищ сошёл с ума.

Женька круто остановился, схватил трепещущую плотичку и крепко зажал её в кулаке.

Алёшка рухнул на землю и захохотал так, что слёзы потекли по щекам.

— Куд... Куд...— силился он что-то сказать.— Ры... Рыбак.

— Это я, чтобы она не сорвалась, чтобы на берегу осталась,— оправдывался повеселевший Женька.

На ручейников рыба брала жадно. То и дело поплавки ныряли, и светленькие ельцы искрились в воздухе живым серебром, падали в густую траву.

— Надо бы сразу на личинок ловить,— ворчал Женька.— Сколько зря просидели.

— Бывает, и на них не клюёт,— не соглашался Алёшка.— Которая рыба как. Её не заставишь. Какая — на червя, какая — на хлеб, на кузнеца, на зелёную пиявку тоже.

— На пиявку!?

Вместо ответа, Алёшка отошёл в сторону и отвернул камень, наполовину погружённый в воду. На его скользкой поверхности зеленоватыми комочками сидели мелкие пиявки. Он набрал их и подал Женьке.

— Цепляй! На них окунь клюёт.

Женька осторожно взял холодную, будто резиновую, пиявку и посадил на крючок.

— К перекату бросай, в травы. Окунь там держится.

Поплавок завертелся в струе и сразу ушёл под воду.

— Задело?

— Нет, клюёт!

Удочка едва не вылетела из Женькиных рук. Окунь взялся мёртвой хваткой.

— Да не тяни ты, не тяни!— кричал Алёшка.— Леску порвёшь! Ты его поводи, поводи...

— Ой, уйдёт, ой, уйдёт!— плаксиво приговаривал он и хлопал руками по коленкам, когда

Женька начинал тащить на себя.

— Уйдёт! Отпустишь! Дай удочку,— приставал Алёшка.

— Нет, я сам.

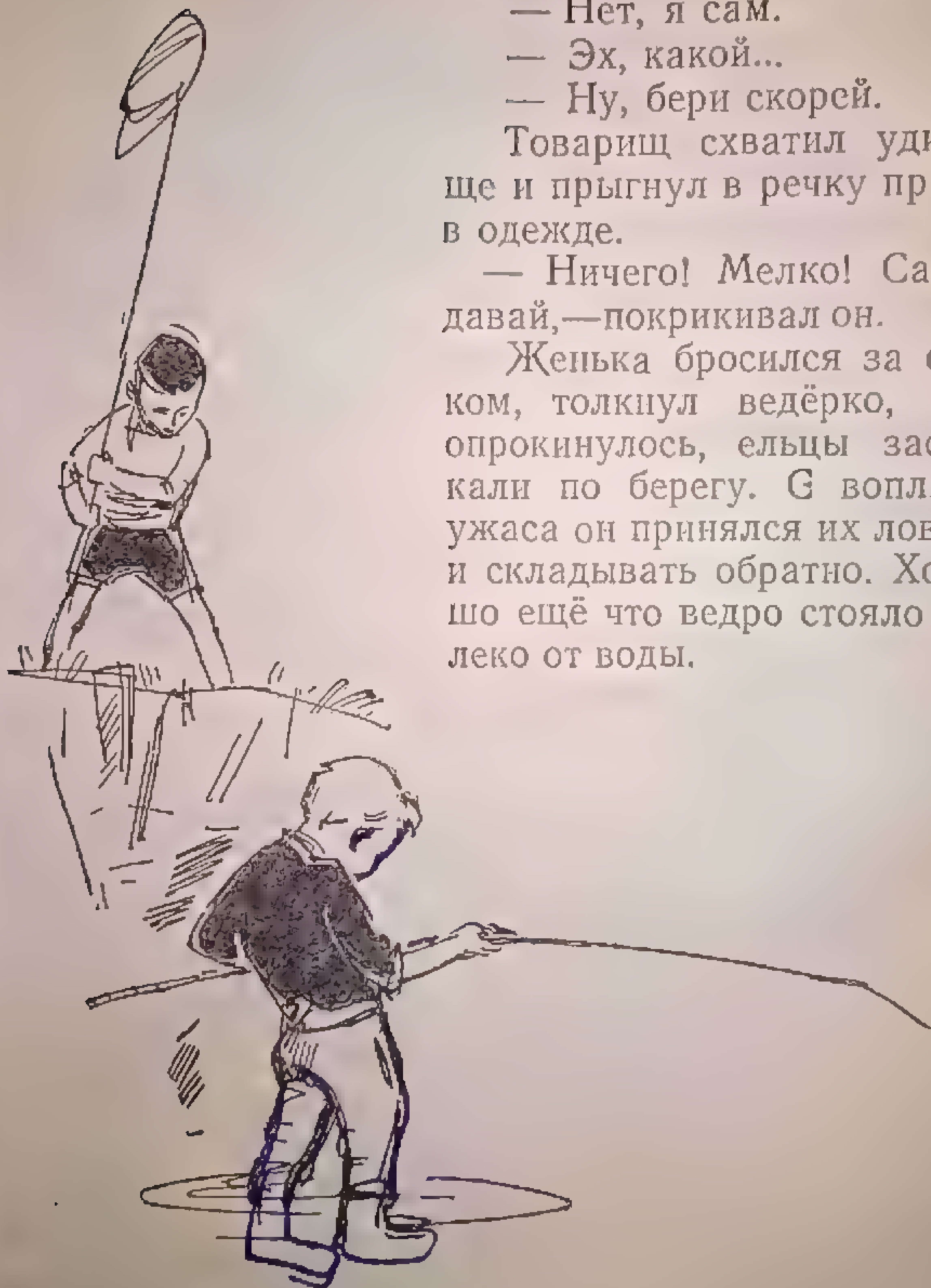
— Эх, какой...

— Ну, бери скорей.

Товарищ схватил удилище и прыгнул в речку прямо в одежде.

— Ничего! Мелко! Сачок давай,—покрикивал он.

Женька бросился за сачком, толкнул ведёрко, оно опрокинулось, ельцы заскакали по берегу. С воплями ужаса он принялся их ловить и складывать обратно. Хорошо ещё что ведро стояло далеко от воды.

Пока он собирал рыбу, Алёшка подвёл окуня к берегу.

— Сачок!

Женька бестолково тыкал сачком.

— Да не так, не так. Снизу ты, снизу его. Есть!

Белобрюхий, полосатый окунь трепыхался в сачке, топорщил колючие плавники, судорожно разевал рот.

— Видал? Тут тебе и пирог, что надо! — хозяйственно прикидывал Алёшка.

Женька молчал. Откуда этот вихрастый мальчишка знал так много? На что ловить рыбу, куда леску забросить, где какая рыба клюёт.

— Собирай удочки, — сказал Алёшка и снова полез в воду, чтобы достать завязанных в майку раков.

Вечер наступил тихий, пасмурный. Женька и Алёшка шли по узенькой тропе, мимо знакомого льняного поля. Теперь лён уже не цвёл нежными брызгами голубых цветов, а поднимался высоко и прямо, доходя ребятам до пояса.

— Расскажи-ка, Алёш, как лён растёт и почему он зелёный, а полотно белое.

— Тебе всё расскажи да расскажи... — отнекивался друг.

— Ну, хочешь, я рыбу понесу и удочки понесу, — пробовал улестить его Женька.

— Мне не тяжело. Что я, барин или рабовладелец какой? (Алёшка учился в пятом классе и хорошо знал историю.)

Растёт лён и растёт. Как поспеет, его соберут, в снопы свяжут. Потом в город везут, на фабрику. И называется он «сырьё». Что там и почему «сырьё», я не знаю. Он как раз не сырой, а сухой-сухой. Раньше, мне бабушка Анисья сказывала,

из льна холст сами ткали, станок такой был — кросна. Лён вымочат, высушат, изомнут, расчешут и получается куделя, вроде ваты или пакли, серая такая, мягкая. Из кудели нитки прядут и ткут потом. Это давно-о было. И никто сейчас так холст не делает. Его в магазине не выберешь.

Тут приезжал как-то дяденька из города. Бородатый, в очках, в галстуке. Всякую дрянь покупал: лапти, цепы, которыми раньше хлеб молотили, кросна у нашего дедушки купил, старые, изломанные все. В музей, говорил, их надо. Чудной мужик. Сам бы посудил, кто же в музей на лапти глазеть пойдёт? Соху ещё спрашивал, да сохи-то нигде не нашлось.

А насчёт того, что лён светлый, так его на солнышке белили. Замочат холст — и на солнышко, на траву стелют. От воды да от солнца он белеет. Вот хоть и штаны мои возьми — они, брат, синие были, а постирались, пообтерлись, скоро вовсе белые будут.

— То штаны,— возразил Женька.— Они просто вылиняли.

Алёшка не сдавался:

— Ты на себя посмотри! У тебя волосы какие были? Чёрные?

— Ну, чёрные.

— А сейчас светлые стали. То-то. Потом седые будут.

— А ещё потом?

— Никаких не останется, как у Матвеича,— засмеялся Алёшка.

НЮТКА И МИШКА

Август пришёл душный, грозовой. Жара не давала дышать. По утрам в сухом желтоватом

тумане солнце вставало калёное, усталое. Оно нехотя поднималось выше, жарко палило землю. К полдню собирались тучи, раскатывались тяжёлым громом, и над Ручьёвой повисали дождевые пряди.

Спасаясь от зноя, ребята с утра бежали к речке. Работы не было — бригада отдыхала. Сегодня все собрались загорать на маленькой выкошенной лужайке у берега Говорухи. Здесь речонка замедляла свой бег, сняла под солнцем зеркальным блеском, широко разливаясь по отмели, усыпанной разноцветной галькой. На косогоре, огороженное пряслом, шуршало на ветру кукурузное поле.

Первый раз видел Женька кукурузу. Она походила на тростник, но была сочнее, выше и толще. Узкие, волнистые по краям листья её опускались вниз, на верхушках стеблей качались пучки зелёных шелковинок.

— Где же початки?— Женька перелез через прясло.— Вот они!— Початки, обёрнутые бледной кожицей, торчали, как толстые сучья, прямо из стебля, там, где начинались шейки листьев.

«Нет ли в кукурузе жуков?»— подумал он и стал пробираться в гущу травяного леса. В нём было сыро, темно. Скрипуче шептались над головой листья. Он выпрямился во весь рост, но, даже поднявшись на цыпочки, не мог достать до верхушки стеблей.

— Женька! Где ты?— глухо донёсся голос Алёшки.

— Ку-ку, ку-ку,— отозвался Женька.

— Не кукукай, вылезай,— посоветовал товарищ.— Купаться пошли.

Бригада уже хотела забраться в воду, как вдруг Санька сказал:

— Глядите, Мишка идёт!

Вдоль берега, действительно, шёл Мишка Глотов в сопровождении неизменного Ванюшки.

После прополки ни тот, ни другой не появлялись в бригаде. Из всей тройки остался только Санька, которому «за измену» Мишка успел недавно расквасить нос и обещал излупить сильнее, если он «не одумается».

На всякий случай Санька и сейчас старался быть поближе к Алёшке и Женьке. Маленький Федя в счёт не шёл.

Но Мишка не собирался драться. Будто не замечая ребят, прошёл он мимо, а когда его верный помощник всё же попробовал оглянуться, Мишка ткнул его кулаком. Адъютант послушно поплёлся дальше, почёсывая затылок.

— Хитрый,— со вздохом сказал Санька.— Боится налететь. Только бы полез... Мы бы ему надавали!

— А Ванька-то, как слуга, за ним.

— Верно, как Иван-дурак!

— Он не дурак, Мишка его бьёт.

— Всё равно. Санька не стал ведь с ними дружиться,— переговаривались девочки.

— На омут пошёл,— заметил Алёшка, пристально наблюдавший за удаляющейся парой.

Омутом называли заброшенный карьер, в котором когда-то копали глину. Со временем глубокую выемку залило водой, по краям разросся ивняк и осока, а от прежнего леса осталась лишь одинокая старуха-берёза, согнутая, корявая, с жидкой листвой и посохшей вершиной. До сих пор никто не ходил купаться на омут: большая глубина и холодные ключи на дне пугали ребят.

Ванюшка и Мишка уселись под берёзкой и стали раздеваться.

— Купаться будут,— сказала Нютка.

— Миш-ка! Гло-тик! Заглотыш!— звали и дразнили его осмелевшие ребята. Но Мишка, по-прежнему не обращая внимания, снял рубаху и полез на берёзу.

Взобравшись на вершину, он уселся над омутом и обернулся.

— Эй, трусы! Смотрите, как надо плавать! Лягушата!— долетал его голос.

Он встал на вершину, раскачался и кинулся вниз.

— Ой!— взвизгнули девчонки, когда Мишка исчез под водой.

Он вынырнул на середине, мотнул головой, неторопливо поплыл к берегу.

— Здорово!— сказал Женька.

— И я так могу,— небрежно похвастал Санька.

— Ну-ка, прыгни! Прыгни,— засмеялись ребята.

— У меня нога болит, а то бы...

— Сразу заболела!— сказал Федька.

— Эй, сопляки! Кто хоть раз прыгнет? Слабосильная бригада!— орал Мишка с вершины. Он подождал немного, чтобы убедиться, не отзовётся ли кто из ребят, и снова нырнул.

— Вот, гад, издевается,— тихонько пробормотал Алёшка. Бригада молчала: ребята хмурились, девочки переглядывались. Они понимали, что Мишка нарочно пришёл сюда и осенью в школе будет рассказывать каждому, как целая пионерская бригада струсила искупаться в омуте.

Если бы посрамить хвастуна, вот было бы здорово!

Страшно нырять вниз головой в неизвестный

омут, да ещё с высокой берёзы, но Алёшка решился.

— Я прыгну!— заявил он.

— Вот и дурак— вдруг спокойно сказала Нютка. Алёшка опешил.

— А ты умная? Да. Выискалась!— набросился он на неё.

— Хорошо ты ныряешь?— спросила она.

— Не хуже тебя!

— А Мишка лучше! Он ещё в прошлый год с этой берёзы прыгал. Из-за него пионервожатая тогда ушла.

— Пусть!

— Нет, не пусть! Об воду треснешься — кто отвечать будет? Я бригадир — и не лезь. Не пущу! Мы на них смотреть не будем. Они поныряют да и уйдут.

Алёшка поворчал, но подчинился.

Девчонки собрались в кружок и начали какую-то сложную игру с мячом. Мальчики во главе с Женькой ушли на отмель. Бродя по колено в воде, они разыскивали цветные камешки и раковины улиток.

Мишка приуныл. Попробовал снова привлечь внимание ребят, но они, занятые интересными поисками, перестали оборачиваться в его сторону.

И тут случилось такое, чего никто не ожидал: Ванюшка, с надутыми губами сидевший на краю омута, вдруг поднялся, надел майку и побежал к ребятам.

— Ты... куда! Куда!!— грозно окликнул его Мишка с вершины берёзы.

Но помощник лишь сильнее замелькал пятками.

— Ух, предатель! И ты тоже...— ломая ветки,

Мишка торопливо спрыгнул вниз, бросился в погоню.

Но было уже поздно: перепуганный адъютант юркнул под защиту Алёшки, Женьки и Саньки, выскочивших на отмель. Девочки прекратили игру. Федя скрылся в кукурузе.

Тяжело дыша, Мишка остановился в двух шагах от мальчишек с явным намерением затеять драку.

— Не лезь! Не тронь!— крикнул Алёшка.

— Иди отсюда!— выступил вперед Санька, который в компании становился храбрее обычного.

— На тебе!— Мишка ляпнул его кулаком в лоб.

— За что?— взвыл Санька.— Гад! Заглотыш!

Они клубком покатились по траве.

Драка, наверное, разгорелась бы вовсю, если бы не подоспела Нютка. Цепко ухватив Мишку за волосы, потянула его так, что он выпустил Саньку и вскочил на ноги.

— Ну, ударь! Ну!— наступала она, и драчун попятился. Рука не поднималась ударить смелую девчонку, которая шла на него открыто, как наседка, защищая своих цыплят.

Мишка убежал. Сражение закончилось. Ребята с восторгом смотрели на своего бригадира, который молча заплетал раздерпутую в драке косу. Синие глаза девочки ещё темнели от неостывшего гнева...

Мишка Глотов с поражением не примирился. «Всех излуплю,— свирепо думал он, составляя план мести.— И Саньку-огурца, и этого Ванюш-

ку-предателя, и Алёшке накладу, как следует. Пусть знают!»

Для осуществления своих замыслов он решил подкарауливать врагов поодиночке. С утра, заняв наблюдательный пункт в своём переулке, Мишка сидел в бурьяне за пряслом, как сыч, и выжидал, когда кто-нибудь из ребят пойдёт мимо. На случай осады или приступа он приносил полную пазуху камней, а в агентурную разведку послал младшего брата. Витька лез на забор Санькиного дома, подглядывал, доносил, что Санька пьёт чай на кухне.

«Эх, только огурец выйдет, и накладу же я ему, изменнику. Сам же он раньше говорил: «Не будем работать, по грибы будем ходить, по ягоды...» — Мишка кипел от злости.

В свою очередь Санька с Ванюшкой тоже принимали необходимые меры предосторожности. Разглядев сквозь щели забора Мишкин наблюдательный пункт, они уходили из дому огородами, а, соединившись с бригадой, уже ничего не боялись. В бригаде-то они были храбрые.

Скоро Мишке надоела затея с подкарауливанием. Он не был злым. Он любил командовать, любил, чтоб ему подчинялись. Так было до последнего времени. С возникновением бригады положение изменилось. Если раньше Мишка был безоговорочным руководителем и атаманом ручьёвских ребят, то теперь таким руководителем прочно стала Нютка.

«Всё равно. Уборка начнётся, ещё сами прибегут звать. А я не пойду,— гордо размышлял он.— Или пускай меня заместо Нютки выберут».

Так в ожидании, пока его изберут бригадиром и придут просить и кланяться, Глотов слонялся по

деревне без дела или ловил на Говорухе пескарей.

Вообще он рос шальной какой-то. Так с самого детства. Весь в отца пошёл. Отец его работал в МТС шофёром, сильно выпивал, а, напившись, буянил, за малый пустяк выгонял Мишку из дому. Семья была недружная. И рос Мишка, как сорняк на полевой меже, дикий и непослушный, гордый, заносчивый и драчливый тоже. К учению его не тянуло. Он полз с двойки на тройку, за счёт чудесной памяти, потому что домашних заданий не делал, а упражнения и задачи списывал у аккуратного Алёшки.

— Мишка, ты бы хоть раз задачу решил,— корил его Алёшка.— Хоть один-единственный раз! Что я тебе? Нянька? Мне не жалко, списывай, ведь знать-то ничего не будешь!

— А мне не надо. Я так. Расписаться умею, и ладно,— лениво отвечал тот.— Мне батька говорит: «Иди, работай! Я, говорит, в твои годы давно свой хлеб ел». Нет у меня толку к учению. Историю эту учить, ботанику, тычинки-пестики. Вот до седьмого дотяну, а там работать пойду. Шофёром, как батька, или трактористом.

Разве его, шального, убедишь? Никак. В отряде о нём вопрос ставили, на совете дружины обсуждали, хорошего

ученика прикрепляли, к директору вызывали, а Мишка остался пока сам по себе и выправляться не думал.

Проходил день, другой и третий, а звать Мишку в бригаду никто не шёл. Тогда он начал тайком следить, что делают ребята. Его тянуло к ним всё сильнее и сильнее. Он следовал за бригадой всюду: в поле, на речку, на молочную ферму, куда ребята возили на телегах зелёную подкормку для коров. Ходил он и на поляну, где вечерами играли в мяч. Спрятавшись в лебеде, он наблюдал за дружной игрой. Иногда ему страстно хотелось выскочить, закричать, метко запустить мячом, но он сдерживался. «Нет, не пойду». И, просидев в бурьяне до темноты, уходил, понурый, задумчивый.

Он боялся сознаться, что ребята не нуждаются в нём.

«Почему так? Почему Нютка командует бригадой? Почему Алёшка дружит с этим городским хлюпиком — Женькой? Со мной раньше в лес ходил, гнёзда искали, по деревьям лазили... А может, плюнуть на всё... Пойти к ним? Нет, пусть сами придут!»

Но через некоторое время тайная мысль снова лезла в голову: «А что, если пойти...»

Куда делся этот Алёшка? Сказал, что, как поможет своему деду угнать стадо, так и придёт. Но скоро уже полдень, а его нет и нет.

— Пойду-ка, разыщу его!

Женька собрал своё походное снаряжение, выпил в кухне полковника воды и постучал в комнату Нютки, чтобы позвать девочку с собой.

Однако Нютке нельзя было пойти. Ей велели вымыть пол, кроме того, сегодня на её попечении находился братишка. Узнав об этом, Женька поспешил скрыться.

Двухлетний Нюткин брат был донельзя назойливым малышом. Когда он появлялся дома, для Женьки наступала тяжёлая жизнь. Вовка приставал к нему с разными просьбами, которые всегда выражались двумя словами — «дай» и «надо». Стоило Женьке заглянуть на кухню, как малыш немедленно устремлялся к нему и заявлял: «Дай! Надо!» Получив кусок сахару, пряник, а иногда просто хлеб, он уходил. Но через минуту ковылял обратно и снова просил:

— Надо! Дай!

Если просьба оставалась неудовлетворённой, он становился около стола и, дёргая скатерть, зажмурив глаза, заунывно канючил: «Надо! Надо! Дай! Дай!»

В конце концов Женька убегал. Одна Нютка как-то умела обходиться с малышом.

Очутившись за воротами, Женька не спеша отправился в путь. Он дошёл до середины деревни и свернул в переулок к оврагу. В конце переулка, у самой речки, стоял новый добротный дом, где жил Мишка Глотов со своим отцом, братьями и крикливой матерью. Звали её Агра-

фена. Она постоянно жаловалась на свою судьбу, на то, что у неё четверо ребят, в колхозе работала кое-как и о любом человеке говорила обязательно что-нибудь плохое. Чуть ли не каждый день, нагружённая мешками, узлами и бидонами с молоком, она торопилась на станцию — ехала в город. В Ручьёвой Аграфену называли «спекулянткой». Женька не знал точного смысла этого слова. Но если Аграфена приходила к ним продавать молоко, он убирался из комнаты. Противно было слушать её ноющий голос, смотреть на её злое лицо и дрожащие руки, которые жадно пересчитывали деньги.

Женька вышел к речке и остановился. Странная картина предстала перед ним.

У берега Говорухи, запруженной в этом месте глиняной насыпью, стоял плот. Вернее, это были просто два бревна, кое-как связанные мочалом. На брёвнах стоял семилетний, похожий на цыганёнка брат Мишки Глотова — Витька, сидела его сестра Валька, девчонка лет пяти, и самый младший член семьи Глотовых — четырёхлетний Андрюшка.

В руках у Витьки была палка, которой он старался оттолкнуть плот от берега. Заметив Женьку и опасаясь, что тот помешает пуститься в далёкое плавание, Витька сильнее припалёг на свой шестик. Плот дрогнул и поплыл на глубину.

Обрадованный Витька строил рожи, кривлялся. Валька болтала в воде ногами, Андрюшка, немного испуганный всем происходящим, одной рукой держал сестру за платье, а пальцы другой засунул в рот.

— Дурак! — сказал Женька, погрозил Витьке кулаком и отправился дальше, размышляя о том, что за баловство следовало бы глотовских

ребят отлупить ремнём. Он поднялся по склону оврага и был уже довольно далеко, когда услышал сзади испуганный вопль. Остановился. Кричали с речки.

«Да ну их, заглотышей! Опять чего-нибудь озоруют!» Он сделал несколько шагов.

— Мам-ка-а! Иди-и,— долетел визгливый рёв Вальки.

Нет! Что-то случилось! Женька побежал назад. Приблизившись, он понял, что стряслась беда. Утлый плот разъехался. Около него барахтался Витька. Валькина голова торчала из воды. Обхватив бревно руками, девчонка держалась за него и голосила. Андрюшка уцелел чудом. Он лежал на скреплённом гнилым мочалом заднем конце брёвен и не шевелился.

Течением плот несло к запруде. Женька беспомощно остановился.

Бежать за народом, за мамой? Не успею. Достаточно лёгкого толчка, и брёвна окончательно разойдутся: Андрюшка и Валька камнем пойдут в зелёную глубь.

Надо спасать.

— Тонут! Помогите!!— закричал Женька, но никто не отозвался ему. Берег был пуст. И тогда, вдруг окрепнув сразу, он рванул ворот рубахи, торопливо сбросил её и, холодея от собственной смелости, прыгнул в реку. Так было надо. Тем временем Витька, должно быть, вспомнил, что он немного умеет плавать и повернул к берегу. «Этот выберется»,— подумал Женька, вынырнув на поверхность.

Валька висела на одной руке, лицо её посинело от крика.

— Держись! Держись, Валька!

Женька хлебал воду, но быстро плыл вперёд. Плот уж близко, вот запрокинутая голова девчонки.

— Есть!— мальчишка ухватил её за платье.— Да отпустись ты, отпустись, — кричал он, но Валька ошалела, орала благим матом и ни за что не хотела выпустить спасительное бревно. Женька чувствовал, что теряет силы. Он плавал плохо.

Наконец, то ли рука девчонки ослабла, то ли она поняла, что Женька хочет ей помочь, она отцепилась от бревна. Собрав остаток сил, мальчишка потянул её к берегу. Вода заливалась в рот и в уши, он грёб свободной рукой. Хорошо, что до берега близко. Шатаясь, как пьяный, Женька встал на ноги, приподнял Вальку и вытолкнул на мелкое место. Что-то бормоча и кашляя, она сидела наполовину в воде с зажмуренными глазами.

Женька обернулся, чтобы кинуться на помощь Андрюшке, и обомлел. Брёвна подплывали ближе к берегу, но Андрюшки на них не было.

Утонул!

Мальчишка снова бросился в воду. Добрался до скользких брёвен. Нет никого. Крупные пузыри поднимались со дна. Женька нырнул. Руки его ткнулись во что-то мягкое. Это была рубаха малыша. Он подхватил её, захлебнулся. Вынырнул на поверхность и так ударился головой о бревно, что глаза застлало чёрным туманом. «Женька!»,—как сквозь сон, услыхал он знакомый Алёшкин голос, плеск воды. Кто-то помог ему выбраться на мель, перехватил безжизненное тело Андрюшки.

...Сознание воротилось быстро. Женька увидел, что он сидит на берегу. Вокруг толпятся люди. Витька и Валька голосят на траве. Андрюшка лежит, как мёртвый. Несколько женщин с причитаниями ползают на коленях около него, растирают, трясут. Расталкивая любопытных, прибежал старичок-фельдшер, склонился над малышом.

Болела ушибленная голова, уши заглохли от воды, всё остальное было цело. «Вдруг узнает мама! Надо хоть одежду найти». Эта мысль заставила Женьку подняться, хотя ноги ещё подкашивались, словно от непосильной тяжести. Он уже решил потихоньку уйти, когда увидел мать. Анна Александровна бежала к берегу в сопровождении Нютки. Заметив мокрого, но невредимого сына, она что-то закричала, заплакала, схватила его за руку и быстро повела домой. А Женька, тот самый храбрый мальчишка, который недавно нырял в речку, прижался к матери и разревелся.

— Что с тобой. Где болит?—торопливо спрашивала мать.

Сын не отвечал.

— Да скажи хоть что-нибудь!

— Я ду... дуу... я думал, что ты рассердишься,— наконец, с глубоким вздохом выговорил он и, всхлипнув, умолк.

Лицо Анны Александровны было в слезах.

— Глупый ты, маленький,—нежно сказала она,—рассердишься! Если бы ты знал, как я напугалась. Прибежала Нютка, сама не своя. Белая, дрожит, трясётся: «Анна Александровна! Женька тонет!»

Дома Женька умылся, надел сухую рубашку, попрыгал на одной ноге, чтобы вылить из ушей воду. Мать приложила к ушибленному месту сырую холодную тряпку, не переставая удивляться, то со смехом, то сквозь слёзы, как это сын не утонул, не захлебнулся и вообще остался цел.

Едва освободившись из рук матери, он помчался к речке.

Народ всё ещё толпился на берегу. Женька протиснулся в середину и увидел Андрюшку. Мальчик сидел на траве, тёр кулаками глаза и плаксиво, опустив концы губ, тянул: «Мам-ка! Мам-ка-а!»

— Живой!—обрадовался Женька и тут же с ненавистью вспомнил Аграфёну. Торгует себе где-нибудь на базаре, считает бумажки.

— Смотрите, Женька пришёл! — закричала Нютка. Ребята окружили его.

— Молодец!

— Не побоялся!

— Здорово ты!

— Молодец, Женька! — раздавалось со всех сторон, и он смутился. Ему было и радостно и почему-то стыдно.

— Хватит вам. Если бы не Алёшка, я бы, может, сам не выбрался,—краснея, проговорил он.

Но не одни ребята хвалили мальчика.

— Отчаянный, видать, городской-то,—переговаривались женщины в толпе.—Экой худенький, ледащий, а гляди-ка ты!

Сопровождаемый Алёшкой и Нюткой, Женька поспешил удалиться. По дороге Алёшка рассказывал:

— Зашёл я к вам, а тебя уже след простыл. Нютка Вовку спать положила. Пойдём, говорит, поищем, он где-нибудь недалеко. Это про тебя, значит. Пошли мы. Слышим, на речке орёт кто-то что есть мочи. Мы побежали. Подбегаем — на берегу Витька сидит, башкой мотает. Валька к берегу ползет. Видим — ты к бревну подплываешь.

Я крикнул, а ты не слышишь. Потом смотрим — ты нырнул. Долго что-то нет. Я — в воду. Нютке кричу: «Беги за народом! Тут ты вынырнул, за бревно поймался, а рука-то другая под водой. Я перехватил. Смотрю, Андрюшка ведь! Синий весь, а глаза дикие, неживые какие-то.

Алёшка усмехнулся, почесал затылок:

— Всё ж таки здорово ты! Не сробел—двоих выволок. Теперь про тебя в газетах напишут, медаль дадут. У дяди Андрея такая есть. Красивая, серебряная, танк на ней выдавлен и написано красным: «За отвагу».

— Выдумал! «За отвагу». Я сам-то не знаю, как это получилось. А ты уж сразу: «Медалью! В газетах!»—возмущался Женька.

Он не обманывал. Ещё дома, в городе, он не отличался особенной лихостью. Когда мальчишки с их двора залезали выше пятого этажа на чердак, он оставался внизу. Он не катался на трамвайных подножках, дрался редко, в больнице плакал о матери, хотя и удивлял врачей тер-

пеливостью во время бесчисленных уколов и прививок.

Он был простой, обыкновенный мальчишка и уж, конечно, не знал, что именно такие, на первый взгляд ничем не примечательные люди совершают подвиги куда чаще, чем те, что на ходу прыгают в трамвай, с малых лет приучаются курить и ругаться скверными словами.

— А всё-таки дадут тебе награду,—сказал Алёшка, когда подошли к дому.

— Надо!—заявил малыш Вовка, появляясь в дверях, и засеменил к ребятам.

СТРАДА

Замолк жаворонок. Не слышно звучного свиста иволги. Трава стала ломкой. Пройдёшь по луговине, и останется твой след, как торная тропа. С каждым днём всё меньше цветов раскрывалось на полянах. Ссохлись, побурели и шуршали на ветру мелкие коробки лесных погремушек. Одни крепкие ромашки ещё густо цветут по буграм, на заброшенных межах.

Рожь поспела. Туманными утрами, мокрая, седая от росы, она клонила тяжёлые колосья — ждала серпа. В деревне готовились к уборке.

У Женьки, у Алёшки, у всей бригады дел было по горло. Помогали строить крытый ток, где будут ссыпать зерно. Вместе с колхозниками ребята носили доски, укладывали, прибивали, как показывал седой плотник Фёдор Иванович.

Босоногий Женька сидел верхом на стропилах и что есть силы стучал молотком по звонкому гвоздю. Раскраивая сухие брёвна, визжала мо-

торная пила, тяпали топоры, перекликались голоса. Было шумно, весело, жарко.

Заколачивая гвозди, Женька изредка оглядывался: не идёт ли мама? Если бы она увидела, немедленно последовал бы строгий приказ убираться с крыши. Но мать не появлялась. Успокоенный, он принимался за работу. Рядом усердно трудился Мишка.

Глотов явился в бригаду тихий, непохожий на прежнего буяна, драчуна и задиру.

— Назад примете?— глухо спросил он у Нютки, не поднимая глаз.

— Ты не меня, ты ребят спрашивай,—отозвалась девочка.— Ребята скажут принять — примем.

Бригада сурово оглядывала дезертира.

— А драться будешь?— припомнил Санька старую обиду.

— Не буду.

— Дразниться?— высунулся Федя.

— Сказал, не буду!

— Давайте примем его,—выступил миротворец Алёшка.—Хватит ему, как беспутному, шататься.

Мишка повеселел. С того дня он работал наравне с остальными. Помогать в строительстве тока предложил тоже Мишка. Ребята боялись, роптали, но Мишка доказал, как дважды два, что они могут рыть ямы, подносить доски, приколачивать. Слова Мишки сбылись: маленькая ручьёвская бригада оказалась не хуже плотников-мужчин. Когда взрослые вкопали столбы, заложили балки и стропила, осталось покрыть ток тёсом. Эту нетрудную работу почти целиком выполнили ребятишки.

К вечеру ток был готов.

Плотники вместе с Мишей и Санькой укладывали последние тесины. Ванюшка и Федя подавали гвозди. Наперебой стучали молотки. Девочки убирали щепу и стружки. Никто не заметил, как в самый разгар работы Алёшка и Женька куда-то исчезли, предварительно пошептавшись с Нюткой.

Они воротились скоро и принесли гладко выструганную доску, тщательно окрашенную в голубой цвет. На середине доски красной киноварью был нарисован пионерский значок и стояли цифры—1954.

— Вот это штука!

— Хитрые, никому не сказали!

— Женька нарисовал. Хорошо, правда? — галдели ребята, осматривая и ощупывая вывеску, от которой пахло свежепросохшей олифой.

Фёдор Иванович и плотники дымили махоркой, одобрительно поддакивали.

— Мы это вместе с Нюткой придумали,— смущённо и гордо объяснял Женька.—Я рисовал, Алёшка выстругивал, а Нютка говорила, как делать.

Вывеску прибивал Мишка. Остальные, задрав головы, стояли внизу, смотрели на его работу. «Бум-бум, бах-бах... бах. Так!» Молоток летит вниз. Неторопливо слезает Мишка. Острый запах смолы течёт от новых столбов, от тесовой крыши, блестит голубая вывеска.

— Кончили!—вздыхают старые и молодые строители.—Спасибо за подмогу.

По домам! Завтра на уборку.

В этот вечер Женька, Алёшка и Нютка сидели на завалинке Идти спать не хотелось. Да и как тут спать, если деревня сегодня похожа на взбудораженный улей. По улицам ходят люди.

В соседнем доме играет баян, поют песни. По дороге со станции из МТС тракторы везут неуклюжие машины—комбайны.

— Ну, завтра начнётся! Погода не подвела бы,—говорил Алёшка, щурился на тлеющий закат,— нет, дождя не будет. Каждый год так. Перед страдой, как на фронте. Вон, глядите, самоходные идут,—указал Алёшка на две машины, которые неторопливо приближались к деревне. Уже издали можно было различить массивные железные ящики, какие-то трубы, мотовила, прикреплённые к передней части комбайнов.

— Почему эти самоходные, а другие что — самоездные?— спросил Женька.

— Другие-то называются прицепные, их трактором тянут. А эти с мотором, сами идут,—значит, самоходные. Да завтра увидишь!

— Мы что делать будем?

— Спроси у Нютки.

— А я не знаю. Как председатель скажет,— нехотя отозвалась она.

— Надо бы заранее узнать,—укорил её Алёшка.— Бригадирка!

— Иди да узнавай сам. Я и так бегала, бегала. Председатель в МТС уехал, папа в поле с агрономом. Что я за всех отвечать должна! — возмущалась девочка.

Сумерки навевали тоску. Ребята примолкли. Каждый думал о своём.

Женька вспомнил первый вечер в деревне, мысли о доме. Теперь город показался ему далёким, словно он жил там много лет назад.

Серые дома, пыль, больница, скучные стены палаты, где лежал он два долгих месяца. Эх, не уезжать бы...

Он глубоко вдохнул вечернюю свежесть,

вздрогнул и покосился на светлые вихры Алёшки, на Нюткин сарафанчик, на расписной ставень окна. Сердце заныло тихой грустью.

Огромный, с массой рычагов, надстроек и мостиков, комбайн стоял на меже ржаного поля.

Ребята тесно толпились вокруг. Алёшка объяснял товарищу устройство машины.

— Это мотовило,— показал он.— Оно крутится, захватывает колосья и к ножам подносит. Ножи срезают, как у косилки. Дальше, видишь, полотно натянуто. Это — транспортёр...

— Знаю,— перебил Женька.— У нас так кирпичи на стройке подают. Лента ползёт, и кирпичи на ней едут.

— Вот-вот! Только не кирпичи, а колосья внутрь несёт...— Алёшка запнулся:— А там, я сам не знаю, что как работает. Слыхать гудит, грохочет. Наверное, валки какие-нибудь есть. Зерно из колосьев лущат. Спроси у комбайнера.

Комбайнер, рыжий парень с белёсыми ресницами, что-то направлял в моторе.

Он суетился с видом человека, занятого исключительно важным делом, и не обращал внимания на ребят. Подступиться к такому было страшновато.

Но Женька попробовал:

— Дяденька, а дяденька, скажи нам, что в комбайне делается?

Парень оглянулся, посмотрел на Женьку, как на чудо. Должно быть, его в первый раз назвали дяденькой, он смягчился и скороговоркой ответил:

— Что делается? Ничего не делается! Рожь обмолачивается!

— Как?

«Дяденька» приподнял золотистые брови, подумал и поманил Женьку пальцем:

— Лезь сюда!

Он сдвинул железную заслонку, и мальчик рассмотрел внутри машины блестящие круги и какие-то штуки с дырочками.

— Видишь? Барабаны крутятся, колосья обмолачивают,— парень покрутил руками.— А это решёта—зерно просеивают. Вентиляторы есть, чтоб зерно чистое было. Понял?

— Ага!

— Слезай! Дотошный ты мальчишка!

Ребята отошли в сторону, сели на пыльную траву у дороги.

— Теперь я всё знаю!—хвалился Женька.— В ящик,—он указал на массивный бункер комбайна,—зерно сыплется. Правда?

Алёшка хитро прищурился

— Скажи-ка, для чего эта загородка к комбайну прицеплена?

Позади машины была четырёхугольная изгородь на колёсах.

Женька молчал. Ребята ухмылялись.

— Видать, не всё ты знаешь,—посмеивался Алёшка.

— Ну, скажи!

— Загородка называется соломокопнитель. Сюда солома из комбайна идёт.

— А-а,—потянул Женька.

— То-то.

...Комбайнер с помощником взобрались на верхний мостик машины, над которым был устроен парусиновый зонтик от солнца. Парень сел за штурвал.

Загудел мотор. Выбрасывая едкий, угарный

дымок, железная громада задрожала. Завертелось, затрещало мотовило, и комбайн, покачиваясь, как корабль на мелкой зыби, тронулся вперёд.

Прошёл — и как не было на этом месте высокой ржи: она исчезла внутри машины. Коротенькое жнивьё торчит на сжатой полосе. Прыгают в стороны помятые кузнечики.

Рокочет мотор, плывёт комбайн в туманную даль поля, зерно сыплется в бункер, солома валом валит в копнитель. Вот он уже полон до краёв, открылась задняя стена-решётка, выросла на поле ровная копна соломы.

— Ух ты!— пробормотал Женька.— Умная машина. Тут тебе и косит, и молотит, и солому как раз — и куча!

Бригада собирала колосья. Обронённые комбайном, они валялись там и сям. С корзинками и вёдрами в руках ребята растянулись длинной цепью.

Неудобно идти по жнивью, острые концы соломин царапают ноги, забиваются в ботинки.

Женька часто присаживался, стаскивал то один, то другой башмак, вытряхивал колючки, поглядывал по сторонам.

Напуганные грохотом машины, через сжатую полоску перебегали мыши. Раньше ржаные дебри надёжно укрывали их. Теперь кончилась беспечная жизнь. Словно понимая, что мышам некуда деваться, над полем носились мелкие ястребки — высматривали добычу. Из перелеска выпорхнул седой разбойник — лунь, низко промчался над жнивьём, цапнул зазевавшуюся полёвку и, уже не спеша, туго взмахивая светлыми крыльями, исчез, словно растаял в прозрачном воздухе.

А комбайн уже поворачивал обратно, катил по другой стороне, около леса.

— За ним не угонишься,—ворчал Мишка.— За каждым колоском нагнись, каждому поклонись—спина заболит.

— А ты не кланяйся, ты иди рыбу ловить,— насмешливо советовала Нютка.

— Уж привязалась! Сама лови!— Мишка усмехнулся, должно быть, припомнил, как Нютка цапнула его за волосы.

Комбайн гудел и гудел. Время от времени к нему подъезжал грузовик, пристраивался на тихом ходу, и через железную трубу из бункера в кузов сыпалось спелое зерно. Грузовик отъезжал, а комбайн по-прежнему плыл по полю, шире и шире становилась площадь жнивья.

Три тяжёлых мешка с колосьями лежали на поле, когда он забирал последнюю полосу.

Бригада трудилась под стать машине: без отдыха собирали колосья, взявшись по трое, волочили мешки.

— Видал!? Сколько добра пропало бы,—говорил Алёшка, завязывая последний мешок.— Комбайн-то ещё мало оставляет. А после жнейки сколько!

— Видал,—ответил усталый Женька.—Хорошо бы, ребята, такую придумать машину, чтоб она сама колоски подбирала,—добавил он и растянулся на мешках, как на перине.

— Она есть, есть такая машина!

Женька вытаращил глаза:

— Врёшь?

— Ежели не веришь, спроси, — обиделся Алёшка.

— Есть, конечно, есть. Конные грабли,—подтвердили Нютка, Санька и Ванюшка.

— Почему тогда их не привезли?

— Наверное, лошадей свободных нет... И поле-то плёвое, маленькое.

— Маленькое!

— Ясно! Ты бы за станцией поглядел, за железной дорогой. Вот поле! Ему конца не видать. Там руками не соберёшь.

«Смеются они надо мной или как?— размышлял Женька, покусывая соломинку. — Конные грабли, может, и есть, а что поле мало—это уж сказки. От деревни до леса! Ничего себе, маленькое».

Велико поле за деревней, а за станцией глазом не охватишь. От самого полотна железной дороги и дальше, до тех мест, где небо как будто сходится с землёй,—всё рожь, жёлтая, спелая рожь. Сухо шепчутся колосья, ползут тучки; грозят дождём, но пока не каплет, а только хмурится.

Женька любил пасмурные серые деньки, без тяжёлого зноя, без яркого блеска солнца, тогда земля кажется маленькой, дома низкими, а воздух пахнет коноплёй и туманом. Грустен задумчивый летний день. В такой день славно бродить по лесным тропинкам, сидеть с удочкой на ветхом мосту, рисовать картинки у окна или ехать на телеге, молча смотреть на оловянную рябь речки, на поля, на дорогу, бегущую из-под колёс.

Сидя на телеге, Женька наблюдал, как мощный гусеничный трактор, попыхивая дымком, грохочет по жнивью, тащит два тяжёлых комбайна. Вот они ближе, ближе... Вертятся мотовила, за-

хватывают рожь. На мостиках стоят за штурвалами рулевые, женщины, завязанные до глаз платками, сталкивают солому в копнители.

Обдавая ребят масляной гарью, скрежеща гусеницами, трактор, словно танк в бою, прокатил мимо.

Лошадь прядала ушами, косила испуганным глазом на железные громады.

— Ловко забирает! Сразу на десять метров, это работа!—восхищался Мишка. Он направил лошадь к небольшому вагончику, который стоял у дороги. Тут во время уборки жили трактористы, комбайнеры. На истоптанном стану, возле котлов с кашей и супом, хлопотали женщины-поварихи, ходили люди, стояли повозки, паслись рассёдланные лошади.

Из небольшой будки с антенной наверху кто-то напряжённо повторял: «Рассвет, рассвет. Перехожу на приём, перехожу на приём. Перехожу...»

— Рассвет, — недоумённо пожал плечами Женька.—Тут день, а он про утро.

— Это радиосвязь,—объяснил ему Мишка.— С МТС, наверное, говорят.

— Для чего?

— Мало ли для чего. Может, трактор здесь сломался, части запасные надо, или говорят, сколько хлебов убрали.

— Верно, удобно придумали, — согласился Женька.—А где эти машины, которые колосья подбирают?

— Вон конные грабли,—показала Нютка.— Только ты, Женька, на них работать не будешь. На граблях ребята поедут.

— Я же не девчонка! Я тоже хочу,— запротестовал он.

—А лошадью править умеешь? Побежит она у тебя, слетишь с сиденья и под зубья...

Скрепя сердце, он согласился, хотя и поворчал, что, мол, если из воды кого вытаскивать, так Женька — герой, Женька — молодец, а как на машине хочешь работать — не садись, убьёшься!

Конные грабли были на колёсах. Между колёсами устроены серповидные крючья. По середине, над осью, высокое сиденье и рядом с ним палка—рычаг.

— Только-то и всего, — вслух рассуждал Женька.—Я думал, какая-нибудь сложная машина, вроде бы с руками, чтобы колосья цап-цап, цап-цап.

— Такую ты придумай. «Цап-цап». Пока на этих работать будем,—улыбалась Нютка.

Мальчишки быстро запрягли лошадей в грабли. Подъехали к дороге. Мишка свистнул, чмокнул—сытые кони неторопливо пошли по жнивью. Грабли забирали остатки колосьев, тащили вперёд, пока не набирался целый валок. Тогда то Мишка, то Алёшка нажимали рычаг, кривые зубья разом поднимались, и валок оставался позади. Санька, Федя, Женька и девочки сбивали валки в кучу или связывали колосья в сноп.

Солнце не появлялось—небо мрачнело. Вот-вот начнёт сеять ровным дождём.

— Что, ребята, если дождик пойдёт, нельзя тогда убирать? — высказал свои опасения Женька.

— Работать будут,—отвечала Нютка,—только по-другому.

— Как по-другому?

— Скосят рожь на срез сначала. Она полежит

немножко, подсохнет, тогда к комбайнам подборщики сделают и соберут, обмолотят. Это называется — раздельная уборка. Конечно, при дожде хуже,— сказала она, озабоченно посматривая на низкие облака.

— Может, раздует ещё,—картавил Федя.— Дедушка наш говорил, не будет дождика—поясницу у него не ломило.

И, должно быть, найдя свои слова неубедительными, добавил:

— Бывает ведь, занепастит—дождик, дождик, а потом глядишь — раздует его.

— У меня к дождю в ухе сера кипит,—сообщил Санька.

— У меня тоже,—подтвердила Аниска.

— А у меня так вот затылок чешется,—захохотал Женька.

— Давай тресну!—с готовностью предложил Санька.

— Лучше я тебе, чтоб не кипело!

Девчонки смеялись до слёз.

Но дождь действительно «раздуло». К концу дня ветер усилился. Он посвистывал в проводах телефонной линии, задувал сильнее, раскидывал колосья. Тучи отнесло к востоку, и в просветах глянуло такое нежное чистое небо, что на лицах ребят сразу появились улыбки.

Женька упросил Алёшку, чтобы тот посадил его на грабли.

Взобрался на высокое сиденье, с опаской потянул вожжи. Смирная лошадь послушно зашагала вперёд. Женька попробовал даже свистнуть, как Мишка. Не получилось.

— Ну, как?—спрашивал Алёшка.

— Хорошо. Как на мотоцикле...

— Шибко не гони. Чуть что, подгибай голову,

назад вались. Попадёшь под грабли — беда будет, — строго предупреждал товарищ.

...Домой ехали с песней. Запевал Мишка. Он любил петь, и голос у него был задорный, звонкий, и песня была про орлёнка, и бодрая, и грустная.

Погода разгулялась. Ушли тучи. Золотой закат разлился за полями, в той далёкой стороне, где синеет лес и кричит паровоз под самым небосклоном. А в поле еле слышно тарахтели тракторы, комбайны плыли вдали.

— Когда они остановятся?

— Пока рожь не сожнут.

— И ночью?

— И ночью! — уверенно сказал Алёшка. — Да что рожь! Ещё пшеницы сколько поспело. Некогда спать. Страда!

РАБОЧИЕ РУКИ

Слова Алёшки сбывались. Жизнь в Ручьёвой текла всё напряжённее. Из города на уборку ехали люди, из МТС прибывали машины. Тракторы, комбайны, жатки — вся эта умная, сложная техника, сделанная золотыми рабочими руками, помогала людям собирать богатый урожай. А по парам на отдохнувших чистых пашнях сильные колёсные тягачи легко катили сцепы сеялок. Сыпалась озимая рожь, закрывалась землёй, чтобы через полмесяца проглянуть на свет острыми стебельками дружных всходов.

Дружные всходы! Этому в Ручьёвой радовались, но не удивлялись. К этому привыкли так же, как к рокоту тракторных моторов и стрекотанию комбайнов. Давно прошли те тяжёлые

времена, когда землю пахали сохой, когда сух и горек был голодный кусок хлеба. Прошли навсегда, забылись. И помнил их разве что Федькин дедушка Антип, у которого борода от старости росла даже не седая, а какая-то зелёная.

За последнее время погода испортилась. Обложной дождь поливал уже третьи сутки. Комбайны и жатки вязли в грязи, останавливались; ругались промокшие трактористы, в сотый раз очищая ходовые части и моторы, забитые липким чернозёмом. Время не ждало. Уборка продолжалась Грузовые машины-самосвалы с надрывным рёвом ползли по раскисшим дорогам, везли рожь, пшеницу, измельчённые стебли кукурузы. Доверху наполнялись силосные башни у коровников, плотно ложился сочный корм в траншеи. Горы влажного зерна сохли на току. Люди хлопотали всюду. По их усталым лицам, по измазанным глиной ватникам было видно, что они торопились, что им некогда было отдохнуть...

На сеновале большого сарая, который стоял в Санькином дворе, шло собрание бригады. Мальчишки и девчонки полукругом сидели на пыльном сене. Все были налицо, не хватало лишь Мишки Глотова.

— Он в Сосновку ушёл. Экзамен сдавать,— сообщил только что прибежавший Ванюшка.— Не сдаст, наверное. Всё лето книжку в руки не брал.

— Сдаст,—вмешался Санька.

— А ты почём знаешь? Экзамен-то не какой-нибудь, по-русскому.

— Сдаст,—упрямо повторил Санька.—Мы с Мишкой сколько вечеров подряд учили. Он ко мне приходил, а сказывать никому не велел.

Диктовки писали, разбор делали по членам предложения, по частям речи, по-всякому. Вот увидите: законно сдаст. Железно.

Сенька с гордостью оглядел присутствующих, как бы желая убедиться, какое впечатление произвели его слова.

Однако его горячая речь пропала даром. Ребята ухмылялись. Всем было известно, что Санька — отчаянный хвастун, и оценки у него по-русскому никогда не бывали выше спасительной «тройки». Где уж тут быть учителем!

— Давайте начнём,—сказала Нютка.

Она встала и смущённо провела рукой по лицу:

— Никак не умею на собраниях говорить... Ну, в общем, надо помочь выкопать раннюю картошку. Сейчас сыро, дождь. Картошка портится. Мама говорила, что картофелекопатель не идёт по грязи и режет много. Им нельзя сортовую выкапывать. Руками надо, а рук-то не хватает. Вся первая бригада сейчас на пшенице, вторая полеводческая кукурузу убирает. Мамино звено вчера весь день работало. Вымокли все, а не успели. Давайте завтра соберёмся. Никому не скажем. Они нас не ждут совсем, а мы...— Нютка остановилась.

— Пойдём!—дружно ответили ребята.

— Так, есть! На ноги сапоги надевайте, на себя что постарее. Здорово грязно. Собираться за нашим огородом. В семь часов,—деловито закончила Нютка и села на опрокинутое ржавое ведро, поставленное ребятами в качестве председательского кресла.

Помолчали.

— Вопросы есть?

— У меня вопрос,— сказал Женька.

— Говори.
— Сапогов у меня нету.
— Найдём.
— И у меня, и у меня вопрос,—поднялся Федя.— Скажите Мишке, пусть он не дразнится, а то я работать не буду. Он меня рыжей вороной зовёт,—мальчуган обиженно надул губы.
— Скажем,— пообещала Нютка.
— Может быть, Мишка ещё не пойдёт,—сказала Нина.
— Как же!—мокрая голова Глотова просунулась на сеновал.—Не пойду? Пойду! А куда?—спросил он, усаживаясь на сено.
— Сдал?
— Сдал, Мишка?— посыпались вопросы.
— Делов-то!
— На сколько?
— Как всегда...
— На «пятёрку»?— засиял Санька.
— На «тройку» с минусом.
Звонкий смех был ему ответом. Углы Санькиных губ уныло поехали вниз.
— «Законно»,—скосив на Саньку глаза, сказал Алёшка.
— «Железно»,—фыркнул Женька, и стены сарая дрогнули от хохота.
Ребята так развеселились, что Нютке пришлось дважды побрякать коровьим боталом, которое заменяло на собрании колокольчик.
Слово предоставили Алёшке. Он предложил не ходить завтра обедать, а сварить суп прямо на поле.
— Котелки принесём, хлеба тоже, картошка там будет—вот и готово,—доказывал он.
Известно, что в поле даже самая обыкновенная еда и пахнущий дымом чай становятся

очень вкусными. Поэтому выступление Алёшки было встречено шумным одобрением.

В завершение избрали Федю завхозом, Нину—старшим поваром, Марусю—главным помощником и заместителем. Алёшке и Женьке поручалось раздобыть дров, Ванюшке и Мишке обеспечить доставку воды, Саньке проследить за исправностью и количеством лопат и вёдер, Аниске и Вере начистить картошки, совместно с Нюткой, осуществляющей общее руководство.

Все эти должности полагалось исполнять по совместительству, или без отрыва от производства.

— Всё?—спросила Нютка, когда обсудили важнейшие вопросы.

— Надо ещё, чтоб на работу пришли в галстуках,—сказала Нина.

— Правильно. А то и не видно, что мы пионеры.

— Конечно! — заворчал Мишка. — Измажем галстуки.

— Кто за то, чтобы идти всем в галстуках? — спросила Нина.

Девять человек подняли руки.

— Ладно, надену,—сказал Мишка.

Собрание закончилось. Ребята разошлись по домам, чтобы в полной тайне начать подготовку к походу.

За огородом, отделённым от поляны стеной мокрого коноплянника, в хмуром сумраке дождливого рассвета мелькали тени. Бригада собиралась. Мишка и Санька, оба в стареньких куртках и резиновых сапогах, точили лопаты. Федя

сидел на камне, протирал заспанные глаза. Алёшка обстругивал запасные черенки. С вёдрами в руках появились Нина и Маруся. Пришла Аниска, одетая в материну телогрейку. Она принесла два котелка, хлеб и десяток луковиц.

— Куда это девать?

— Сюда, сюда! Я принимаю,—важно отозвался завхоз Федя, гордый своим назначением. Он раздобыл где-то ветхую тележку с дырявым ивовым коробком и старательно укладывал в неё продовольствие, поступившее от членов бригады.

— Сахару мало,—вслух рассуждал он, заканчивая подсчёт продуктов.—Эй, повариха, с чем чай пить будем?

Нина не знала, что ответить. Выручил Женька. Он перелез через прясло и выложил из раздувшихся карманов целую горку леденцов, конфет и кусков пиленого сахару.

— Ой, сколько!—обрадовался завхоз, жадно осматривая принесённое богатство. Федя очень любил сладкое, и руки его сами потянулись попробовать. Однако, повертев конфету в руках, Федя положил её обратно.

— Бригадное нельзя...—он со вздохом завернул леденцы в бумагу, упрятал соблазн на самый низ коробка, подальше от глаз.

Когда со сборами было покончено, бригада тронулась в путь. Впереди шли девочки с корзинами и вёдрами, мальчики несли лопаты. Алёшка с Женькой катили тележку, доверху нагружённую разным скарбом.

Скучно, тяжело идти одному, когда дождик брызжет в лицо, а впереди целый день тяжёлой работы. Но если с тобой шагают товарищи, тогда идти весело, тогда хорошо. И не страшна сыпучая изморось, и по плечу рабочая одежонка, и грязь под ногами нипочём.

Встречные почтительно уступали дорогу, оборачиваясь, провожая взглядом кучку разномастных пальтишек, кепок и платков. Никто из взрослых не смеялся, хотя посмеяться и было над чем. Длинные рукава Фединой телогрейки болтались почти до земли, козырёк фуражки свешивался Саньке на нос, ноги Аниски в непомерно широких сапогах казались тоньше соломинок... Зато у каждого огоньком горел на груди пионерский галстук, шёлковый у бригадира, обыкновенный у остальных.

— И куда это вас погнали? В непогодь в такую,—запричитала Мишкина мать Аграфёна, вывернувшаяся из переулка.

— Нас не погнали. Мы дома сидеть не любим, тётка Аграфена,— за всех ответил Алёшка и, подмигнув Женьке, приналёг на рукоятку тележки...

В поле было ветрено, сыро, холодно. Волнами летела дождевая пыль. Ватники на женщинах почернели.

— А чтоб ему провалиться! Сеет и сеет,—говорила Марья Степановна. Не управиться нам сегодня. Ну хоть бы он на полдня перестал,— тыльной стороной руки она сердито поправила выбивавшиеся из-под платка волосы.

— Гляди-ка, Марья, — окликнула её соседка, щупленькая рябая женщина.—Там ведь наши ребята бегут.

Звено приостановило работу. Женщины повеселели.

— То-то Нютка сегодня ни свет ни заря поднялась. А промолчала, хитрющая девка.

— А мой Федюшка тоже затемно встал. Его, бывало, из пушек пали—не поднимешь. Куда, мол, в этакую рань? В школу, говорит, пойду. Надо. Чего там в школу! Отец другой раз за ноги его с кровати тащит, никак добудиться не может. Так я и подумала, что в бригаду свою побежал, идолёнок,—говорила мать Феди.

— Тётка Маша-а!—издали кричал Алёшка.— Мы помогать пришли-и-и! Посоревнуемся!

— Ишь чего захотели,—смеялись женщины.

Такой трудной работы ещё никому не приходилось видеть. Брызжет дождь из лохматых туч; гонимые северным ветром, они ползут из-за леса, и нет им конца. Отсырела одежда. Холодная

земля облепляет руки. Сапоги стали пудовыми. Вот поскользнулся неловкий Ванюшка, боком ляпнулся в грязь. Поднялся и стоит как пень, растопырив пальцы, не зная, обо что их вытереть.

— У, квашня,—с досадой шипит Мишка, сам вымазанный, словно поросёнок. У Алёшки на лбу чернеет грязная нашлёпка, подолы платьев—хоть выжимай.

— Шли бы вы, ребятёнки, домой. Перемокнете, простудитесь,—говорит Марья Степановна.

— Нет,—отрицательно мотает головой Нина.

— Нет,—про себя ворчит Алёшка.

— Впервой, что ли, мокнуть? Не сахарные!—фыркает Мишка.

Женьке хочется отмыть руки, насухо вытереть полотенцем, сбросить отяжелевшее пальто, но отступать нельзя. Как же работает целые дни Марья Степановна, или мать Феди, или сестра Нины—Галя, которой, наверное, лет-то даже не больше шестнадцати.

И Женька смелей орудует лопатой. Нютка споро тянет ботву, выбрасывает розовые тяжелые клубни, улыбается:

— Смотри-ка, Женя, какие картошки наросли, настоящие лапти!

Понемногу ребята привыкли. Дружнее пошла работа. Быстрее наполнялись корзинки и вёдра. Бригада перемешалась с колхозницами, и теперь все помогали друг другу. Дождь перестал. Время от времени девочки оставляли работу и бежали к большому костру, разведённому на меже. Над огнём кипели четыре закопчённых котелка. В золе пеклась картошка. Наконец, Нина известила, что суп сварился. Ребята побросали вёдра, корзинки, лопаты, с гиканьем устремились к костру. Усаживались на охапках высох-

шей у огня ботвы, мыли руки, нетерпеливо бренчали ложками. Маруся и Нина разливали суп по мискам.

— Идите к нам, у нас каша хорошая,— звали колхозницы, устроившись около своего костра.

Но никто из ребят не соглашался. Всё-таки лучше сидеть у своего костра, есть свой суп и вести свои разговоры.

Алёшка первый степенно принял чашку, завладел основательным ломтём хлеба и поднёс ложку ко рту. Вдруг лицо его приняло удивлённое выражение.

— Мм,— промычал он,— без соли!

— Я клала,— испуганно сказала Маруся и вопросительно посмотрела на Нину.

— Тьфу!— плюнул Мишка.— Соль гольная! Вы что варили?— накинулся он на девчонок.— Есть нельзя!

Девочки оправдывались, но суп в чашках у ребят оказался или чересчур солёный или вовсе, как речная вода.

Вскоре выяснилось, что Нина клала соль в два котелка, а остальные оставила Марусе. Бестолковая сестрёнка всё перепутала и старательно посолила уже солёный суп.

Варево перемешали и съели, хотя то Мишка, то Алёшка, то Санька и пытались доказывать, что если бы их заставили готовить, то уж они бы не промахнулись

Печёная картошка и чай с леденцами удовлетворили всех.

— Люблю чай, попьёшь — и сразу сытый,— рассуждал Мишка.

— Чай не пьёшь — силы нету.

— Так и дедко у меня говорит, —соглашался Алёшка, наливая себе четвёртую кружку. От оби-

лия сахара и конфет полное блаженство выражали и узенькие глаза Ванюшки, и вздёрнутый нос Нютки, и веснушки Феди, и круглое лицо Маруси. Когда стихал разговор, слышалось сопение, чмоканье, хруст, звяканье кружек.

Ребята развеселились.

— Федька-то! Федька! Ой! — взвизгнула хохотушка Аниска.— Поглядите на него.

На щеках Феди были нарисованы грязью три огромных восклицательных знака.

Мальчишка не остался в долгу. Неторопливо стёр грязь, допил чай, поставил кружку:

— На себя посмотри сперва. Ты как облезьяна черноносая!

Аниска смутилась, покраснела и под хохот ребят стала стирать чёрные усы, жирно размазанные по верхней губе.

Так со смехом и шутками кончили обед.

...Анна Александровна, наверное, в десятый раз снимала крышки с кастрюлек. Всё остыло: борщ, яичница, каша и чай. Женька не появлялся. Она смотрела в окно, выходила на улицу. Никого. А между тем сын обещал вернуться к обеду. Обеспокоенная исчезновением Женьки, Анна Александровна накинула пальто и отправилась на поиски. В деревне было тихо, пустынно. Она зашла во двор Саньки. На дверях замок. Спросила у игравших на дороге малышей. Они с удивлением посмотрели на учительницу. Лишь Андрюшка, сосредоточенно тянувший за уши чёрную лохматую собачонку, бросил своё занятие, доверчиво подошёл к Анне Александровне и взялся ручонкой за её пальто.

— Тям! — утвердительно сказал он и ткнул пальцем в дальний конец деревни, где виднелась изгородь околицы.

Вероятно, Женькина мать не совсем поняла бы такое простое объяснение, если бы не подошла Аграфена.

— Ой, матушка, Анна Александровна,— жалобно заговорила она.— Испортится ваш сыночек вконец. Они Марьиному звену помогать ушли. Давеча вижу: идут с лопатами, тележку с провиантом везут. Мишка все ложки из дому унёс. Это всё дочка Марьина, вострошарая, ребят мутит. Бригаду какую-то наладили. Сколько одёжи изорвут, измажут. Разоренье одно. Вот ужо придёт мой-то, задам я ему. Ложки унёс!

Анна Александровна не стала долго слушать словоохотливую мать Мишки и пошла назад. Большой самосвал, доверху нагружённый картофелем, попался ей навстречу. Машина затормозила, из кабины выглянул Нюткин отец.

— Анна Александровна,— окликнул он учительницу.— Женя в бригаде, они обедали! — грузовик покатил к овощехранилищу.

«Почему же он не сказал? Неужели опять обманул?»— думала мать.

Под дружным натиском звена Марьи Степановны и бригады ребят уборка подходила к концу. Груды картофеля лежали на разостланных рогожах. К полю, осторожно прокладывая дорогу, стали подходить автомашины. Приехал бригадир. Он обошёл поле, потом что-то записал в книжечке.

— Знаете, что вы сделали,— вдруг сказал дядя Андрей, обращаясь к ребятам.

— Нет,— ответил Алёшка.— А что?

— Подвиг вы сделали, вот что.

— Ну, мы так, подмогли просто,— покраснел от похвалы Мишка.

— Нет. Вы сказку про репку знаете? Кто помог её вытащить?

— Знаем! Мышка!— засмеялись ребята.

— Вот так же и вы. Ведь из-за этой картошки весь график уборки срывался. Поняли?

— Поняли!

— Всем по три трудодня на день записываю,— сказал дядя Андрей.

— Ух ты! По три трудодня! Вот честное пионерское — это здорово,— пробормотал Алёшка.

— Рро-та-а, ста-но-вись! — орал Мишка.— Лопаты на пле-е-чо! Пушку вперёд!

Впереди Санька вёз пустую тележку, в коробке звякали и плясали чашки и кружки.

И вдруг Женька, беспечно шагавший рядом с Нюткой, вспомнил, что он обещал вернуться скоро. «А мама!— ужаснулся он.— Она меня потеряла! Ищет, наверное. Волнуется». Всё хорошее настроение сняло как рукой.

— Нютка! — сказал он почти со слезами.— Нютка! Ты скажи маме, что я не сам её обманул.

— Вернулись! — встретила Анна Александровна Женьку и Нютку, робко вошедших на кухню.— Ну-ка отвечай, где ты был?

Испачканный, голодный, Женька молча отвернулся в угол и часто, часто заморгал глазами. «Ой, надо выручать»,— подумала Нютка.

— Анна Александровна! Он не виноват,— быстро и горячо заговорила девочка.— Не сердитесь. Это мы на собрании решили никому-никому не говорить, что на картошку пойдём. Так бы он вам сказал. Не сердитесь, пожалуйста,— повторила она, подходя и заглядывая ей в глаза.

Мелкие морщинки внезапно исчезли со лба Анны Александровны.

— Ну-ка, идите мыться, разбойники. Ужинать

будем,— сказала она и стала расставлять тарелки.

Влажная ночь. Звёзды блестят за окошком. Ветер затих. Деревня спит, и уже крепко заснули мальчишки и девчонки, укрывшись одеялами, подложив под голову свои исцарапанные, покрытые цыпками и ссадинами, никогда не отмывающиеся, замечательные ребячьи руки.

ЧЕСТНОЕ ПИОНЕРСКОЕ!

А на утро погода была совсем хорошая. Светило солнце, подсыхала грязь; радуясь теплу, кудахтали куры. Алёшка и Женька сидели под сараем на сломанной телеге. Они мастерили змеёк из фанерных дранок и листа прочной бумаги, принесённого Нюткой.

— Эх, не могла же такая погода вчера быть,— говорил Женька, щурясь от солнечного луча, который пробивался сквозь щели навеса.

— Угу,— соглашался товарищ,— мы вчера, как черти, вывозились.

Алёшка связал углы дранок, приладил к змейку мочальный хвост и перекусил последнюю нитку.

— Готово! Пойдём пробовать!

Змеёк получился хороший, с трещотками, с красной звездой посередине. Эту звезду рисовал Женька потому что у Алёшки она никак не получалась, и все концы её выходили один длиннее другого.

За воротами вокруг Алёшки и Женьки немедленно собралась толпа малышей. Возглавляемый Витькой, появился выводок Глотовых. Все

уселись на траву и сосредоточенно стали наблюдать за приготовлениями к запуску змейка. Тут же поместилась и кудлатая чёрная дворняжка, очень любопытная тем, что отзывалась на все имена. По-видимому, она любила детвору, так как, где бы ни раздавались крики и смех малышей, там неизменно торчал и её хвост, щедро облепленный сухими репьями.

Ребята раскрутили катушку, ждали ветра посильнее. Вот он зашумел листвой берёзы.

— Пускай!— раздалась команда.

Женька разжал руки, змеёк плавно пошёл ввысь, завывая трещотками, под восторженный вопль ребятишек.

— Столбовика сделали,— радовался Женька.

Столбовиком на языке мальчишек называют змей, круто поднимающийся вверх.

— Хвоста бы прибавить, ковыляет малость,— тоном опытного человека говорил Алёшка.

Женька не соглашался:

— Где же ковыляет? Это чуть-чуть. От ветра. Там,— он ткнул пальцем в небо,— там пуще дует.

— Давай у Нютки ещё попросим ниток, а потом смотаем,— предложил Алёшка. Женька помчался домой и скоро воротился с двумя тюричками. Запущенный на три катушки, змеёк стал не больше спичечного коробка. Ветром его унесло за деревню.

— Дальше Мишкиного дома улетел,— сказал Алёшка.

— Как реактивный самолёт,— вторил Женька, не сводя глаз со змея, который то резко набирал высоту, то вертелся колесом, то стремительно нёсся в сторону, вниз, рассекая воздух, подобно истребителю на боевом развороте.

Занятые своими наблюдениями, ребята не заметили, как исчез Витька Глотов.

Вдруг с «реактивным самолётом» что-то случилось. Он странно задёргался, заклевал и начал падать. Нитка ослабла в руках Алёшки.

— Порвалось? — спросил Женька.

— Да нет. Подпутали! Путанку с камнями кто-то бросил. Это Мишка, наверное. Айда!

Ребята кинулись бежать к переулку.

— Мишка, отворяй! Отдай змеёк, — кричал Алёшка, барабаня в ворота глотовского двора. На крыльце появилась Аграфена.

— Вы чего, шалыганы, ворота ломаете! Чего стучите! Какого вам Мишку! Его с утра дома не бывало. Вот я вас! — закричала она, спускаясь с крыльца.

Мальчики убежали.

— Откуда ты взял, что Мишка? Может быть, другой кто? — спрашивал Женька.

— Да! Я знаю! Он у меня их сколько переловил, — возразил Алёшка. — Жалко змеёк. Хороший. Клеили его, рисовали, трещотки делали...

Уже давно заметил Женька у Алёшки какую-то болезненную ненависть к воровству и другим нечестным делам. Взять хотя бы последний случай.

Недавно, идя по улице вместе с Санькой, они нашли рубль, который валялся у ворот Фединого дома.

— Чур, мой! — закричал Санька, наступая ногой на бумажку.

— Твой? — спросил Алёшка.

— Ха, я первый увидел, — даже обиженно ответил тот и спрятал рубль в карман.

Немного погодя навстречу попался Федя.

Опустив голову, он шёл очень медленно, очень печальный и внимательно смотрел под ноги.

— Эй, Федька! Чего такой наквашенный?— окликнул его Алёшка.

Федя невесело посмотрел на ребят, невесело улыбнулся:

— Я рубль потерял. Мне мамка на конфетки дала. Я побежал, да его как-то и выронил. Не видали?

Женька открыл рот, чтобы сказать, но Санька опередил его.

— Мы не видали,— с самым невозмутимым видом ответил он, собираясь пройти мимо.

— Отдай рубль,— неестественно тихо сказал вдруг Алёшка.

— Какой!— пытался спорить Санька, но, когда увидал побледневшее лицо товарища и сжатые кулаки, поспешно вытащил бумажку и подал Феде.

— Уж пошутить нельзя! Бери, растеря!..

— А по-моему, не Мишка украл наш змеёк. Он пионер ведь. Ну, раньше, когда не пионером был, тогда ещё, может быть,— рассуждал Женька.

— Пойдем-ка к Саньке. Наверное, он к нему убежал. Они после экзаменов опять дружить стали.

Однако Саньки дома не оказалось. Зашли к Ванюшке и в воротах встретились с его матерью, которая на вопрос, не у них ли Санька и Мишка, только руками развела:

— Не видала. Сказать — не знаю.

— Да! Штука!— озадаченно бормотал Алёшка.— Никого. Куда бы они могли деваться?

Некоторое время друзья шли молча.

— Стой! Погоди!— лицо Алёшки приняло напряжённо-припоминающее выражение.

— Чего?

— Я знаю, где они! Уж если не там, тогда совсем не знаю.

— Знаю — не знаю,— засмеялся Женька.

— А вот пойдём. Быстро.

Ребята вышли на зады деревни, к высокой изгороди колхозного сада. Место тут было пустынное. Огороды, трава, лопухи, козы бродят в бурьяне, пёстренькие щеглы перелетают по маковкам репейников. Через решётчатую изгородь виднеются белёные стволы яблонь.

— Вот они!— возбуждённым шёпотом сказал Алёшка, показывая глазами в дальний конец забора.

Из бурьяна торчал чёрный затылок Мишки и белёсая голова Саньки.

— Ложись,— тихо сказал Алёшка, пригибаясь к земле. Женька, как автомат, выполнил приказание.

— Поползли!

Бесшумно, раздвигая лебеду, начали подкрадываться к забору.

— Стой пока. Думаешь, что они делают?

— Не знаю.

— Яблоки из сада таскают.

— Врёшь?

— Правда. Сейчас поглядишь!

Мальчуганы приподнялись на корточках, так что головы их едва высунулись из густой лебеды.

Женька увидел, как Мишка, Санька и появившийся откуда-то Ванюшка, оглядываясь, пошли к забору. В руках у Мишки был шестик, на конце которого поблёскивала жестянка.

— Черпалку сделали,— прошептал Алёшка.

— Какую черпалку?

— Это штука такая. Яблоки таскать. Берут, значит, жердину и к ней банку консервную прибивают. А у банки на боку щель делают. Подведут такую черпалку к яблоку, чтобы стебелёк в прорезь попал. Дёрнут — яблоко «трынь» — в банке.

Тем временем Санька взобрался Мишке на плечи и начал подводить свой инструмент к ближайшей яблоне.

— Видишь! Готово,—сказал Алёшка.—Айда!

— Вы что тут делаете!— грубым голосом спросил он, когда подобрались к любителям яблок на близкое расстояние.

Черпалка вылетела из Санькиных рук. Он уцепился за забор. Мишка испуганно повернул голову, а Ванюшка даже не оглянулся. Он задал стрекача.

Увидев Алёшку и Женьку, Мишка быстро оправился от страха.

— Чего орёшь? Вот дурак!— рассердился он.— Я думал, Афанасий это. Слезай, Санька!

Санька спрыгнул, растерянный и красный.

— Опять, Мишка, за старое взялся,— с укором сказал Алёшка.

— Тебе-то что? Сторож какой! Сам будто в сад не лазил?

— Лазил. А помнишь, мы с тобой уговорились, когда в пионеры нас приняли...

— Да мы немного. По пять яблочков. Попробовать только,— смущённо пробормотал тот.

— Попробовать спросили бы.

— Нашёл дурака. Так тебе Афанасий и даст! Пожалуйста, мол, отведайте, Миша Глотов.

— Может, и дал бы...

— Ну, ясно! Приди к нему, он тебе сейчас: «Что угодно? Боровинки? Анисовки? Белый налив не желаете ли?» — откровенно издевался Мишка с хмурой улыбкой.— Идите сами, попросите.

— А вот и даст!— запальчиво сказал Алёшка.— Пойдём, Женька?

— Вот, вот. Шагайте. Он вам даст... Раз по лбу, два по шее... Поглядев им в спины, Мишка со вздохом опустился на траву.

— Посидим, посмотрим, чего Афанасий им отвесит,— сказал он Саньке.— А ты, размазня, черпалку уронил. Да ладно! Нюни не распускай. Достану.

— Мишка!— спросил вдруг товарищ.— На что мы их воровали? Они кислые-кислые! Репа и та лучше.

— Ну, попробовать. Больше не станем...— неопределённо ответил Мишка, нахмурился, чёрные глаза его стали задумчивы.

— Ванька, видать, далеко удрал. Теперь Алёшка раззвонит по всей бригаде, по школе, что мы яблоки воруем.

— Не раззвонит. Как бы Ванька вперёд не рассказал...

У ворот сада Алёшка и Женька остановились. Заробели. Они знали садовника Афанасия. Это был мужчина лет сорока пяти, огромного роста, краснолицый, усатый и немного хромой. Был он не здешний, в Ручьёвую приехал с Украины, когда кончилась Отечественная война. Замкнутый, молчаливый, нелюдимый. Афанасий Никифоро-

вич по месяцам не выходил из сада. В деревне его видели редко. Говорили, что на Украине у него была семья, была жена и дети, и все они погибли от рук фашистов. Постоянная молчаливость садовника отпугивала людей, и они сторонились этого странного человека.

Только один раз все были удивлены его поведением. Это было три года назад, когда в суровую зиму погибло около сотни яблонь. Садовник напился пьяным, ходил по деревне, что-то бормотал и плакал, слёзы текли с его вислых усов. Но через два дня он снова принялся за работу. За девять лет хозяйничанья Афанасия Никифоровича плохонький сад превратился в образцовый, вместо горьких китаек и анисовок, в нём теперь росли крупноплодные яблони, груши, сливы и вишни, о которых раньше никто и не мечтал. Алёшка рассказывал, что Афанасий Никифорович проводит какие-то таинственные опыты с виноградом, но какие, этого он объяснить не мог.

Мальчишки потоптались на месте, оглядывая друг друга.

— Да пойдём, была не была. Не съест же он нас? — решительно заявил Алёшка и отворил калитку. Они пошли по чистой дорожке, справа и слева от которой росли не очень высокие, но раскидистые яблони. Ветки некоторых деревьев лежали на подпорках, а иначе они сломались бы от тяжести жёлтых, белых, румяных, полосатых яблок, что выглядывали из тёмной листвы. Тихо. Журчит вода из водопроводной трубы. Чуть слышно шелестят листья.

— Эй! Кто там! — громким басом окликнул ребят садовник, выходя из боковой аллеи.

— Это мы, Афанасий Никифорыч.

— Кто же такие вы?— он подошёл к ребятам.

— Мы —это я, Алёшка, а это Женька. Мы сад пришли посмотреть.

Афанасий Никифорович сверху вниз смотрел на мальчишек, поглаживая усы, потом гулко откашлялся и сказал просто:

— Добре! Ходите, побачьте,— и, повернувшись к ним спиной, ушёл в аллею.

Мальчишки переглянулись.

— Не понимаю.

— Тут и понимать нечего. Он нас испытать хочет,— объяснил Алёшка.— Пойдём, поглядим.

Они обошли аллею, полюбовались на громадные яблоки-антоновки, каждое из которых весило, пожалуй, по полкилограмма, на мелкие яблочки золотой китайки.

— Это растёт шафран,— показывал Алёшка. на глянцевитые тёмно-красные плоды.— Это — ранетка, грушовка. А вот тут, полосатые, это бель... бельх... белф... бельфлёр,— с трудом выговорил он головоломное слово.

— Ты все сорта знаешь!

— Как же! Мы по ботанике учили...— хитро усмехнулся Алёшка.

—...с Мишкой! — добавил Женька.

— Ага! Пойдём, выбросим черпалку. — Они пробрались сквозь колючий крыжовник к изгороди.

— Мишка? Где ты? Бери свою чепаруху, — сказал Женька, просовывая воровское орудие между досками.

-- Пустил?— изумился Мишка.

— Конечно. Пионерам везде дорога.

— И яблоков дал?

— Нет ещё. Мешок побольше притащить велел.

Когда ребята выходили из сада, Афанасий Никифорович поманил их к себе.

— Вот, угощайтесь, — сказал он, подавая ребятам берестяное лукошко, полное крупных сочных яблок.

Алёшка и Женька взяли по штуке.

— Чего ж вы сробели? Все берите. Кладите по карманам. И тем хлопцам дайте, что с утра под забором прячутся. Думают, я уже совсем ослеп, — и тут он улыбнулся такой доброй улыбкой, так весело блеснули из-под усов его зубы, что последний ледок недоверия к этому человеку растаял в душе мальчишек.

— Ну? Как? — встретил их Мишка.— Дал он вам по яблочку? Выпросили! В ножки, поди, поклонились?

— Дурак ты! Нате!

Алёшка вытряхнул из-за пазухи десяток яблок.

— Женька, доставай!

— Украли!— догадался Мишка.— Эх, хорошие! Налив! Поспелые. Санька, брось кислятину сосать, раз такое угощение.

— Это тебе Афанасий Никифорыч передать просил,— сказал Алёшка.

— Ври больше!

— Правда,— подтвердил Женька.

— Так и сказал. И тех, говорит, угостите, которые с утра под забором прячутся. Мы у него не просили. Он сам целое лукошко вынес. Честное пионерское! Вот, чтоб мне провалиться, не вру!— побожился Алёшка.

Мишка ничего не ответил.

Он отвернулся и задумчиво дёргал из земли травинки.

Часа через три после этого случая Мишка заглянул к Алёшке и подал ему змеёк.

— Возьми,— смущённо сказал он.— Это ваш. Его Витька поймал с крыши. Ты, Алёшка, как-нибудь молчи про яблоки. Ну, понимаешь!..

АЛЁШКИНО ГОРЕ

Вечером Женька писал письмо.

«Здравствуй, дорогой папочка!— Он погрыз кончик ручки, провёл ею по носу и продолжал, сдвинув брови:— Я совсем-совсем поправился. В деревне очень хорошо, весело. Наша бригада работает здорово. Привези мне большого жука-усача, какого я видел на картинке в книге. Там написано, что они живут на Дальнем Востоке. Мама стала толстая. Мишка опять работает с нами. Он — хороший. А сегодня он лазил в колхозный сад за яблоками. Мы с Алёшкой его наругали. Он сказал, что это последний раз. Папа! Напиши, пожалуйста, чтоб мама меня везде отпускала и за меня не беспокоилась. Я стал уже большой, 141 сантиметр. Это мы с Нюткой недавно мерялись. Она 146 сантиметров, потому что у неё ботинки с каблуками, а у меня — сандалии. Дорогой папа! Очень хорошо бы всегда жить в деревне. Я маму просил об этом. Когда ты кончишь служить, поедем, пожалуйста, в Ручьёвую. Мы бы жили у Нютки».

Женька вздохнул и остановился: «Чего бы ещё написать?».

«Передай привет всем лётчикам и командиру от меня, от мамы, от Алёшки и от всех ре...»

Кто-то по-мышиному поскрёб в окно. Женька отложил ручку, прислушался. Шорох повторился.

— Опять там твоя бригада,— недовольно сказала Анна Александровна.— Сколько это будет продолжаться? Ни поесть, как следует, ни попить, ни спать лечь вовремя не можешь.

Сын исподлобья наблюдал за матерью. Он изучил каждое её движение и видел, что она не сердится, а ворчит так, для порядка.

Женька тихо вылез из-за стола, подошёл к окну. В синих сумерках разглядел голову Алёшки.

«Выходи, дело есть»,— помаячил тот. Женька побежал на крыльцо.

— В ночное поедем?— без предисловий встретил его Алёшка.

— Куда?

— В ночное. Коней ночью пасти.

— Здорово! Поед...— Женька осёкся, почесал затылок.— Я бы с удовольствием, хоть сейчас, да мама...

— А что?

— Ругается. Говорит, дома тебя не вижу, это меня, значит, ешь, говорит, не вовремя, ещё всякую всячину. Если бы ты попросил...

— Ой, нет! Сам иди!

— Да что ты её боишься?

Алёшка оправдывался:

— Я не боюсь, а всё-таки... Если бы она не учительница, а то — учительница. Иди-ка! Попробуй-ка!

Сколько товарищ ни доказывал, что опасаться Анны Александровны не следует, Алёшка упрямо стоял на своём.

— Эх, подожди,— с досадой сказал Женька и направился в тёмные сени. По пути он обдумы-

вал, как бы лучше подъехать к матери, ведь если сказать по совести, он и сам её побаивался.

С печальным видом, словно у него болели зубы, Женька появился в комнате. Тут он присел на диван и начал вздыхать так жалобно, что Анна Александровна встревожилась:

— Что случилось?

— Ох, ничего. Так...

— Уж не заболел ли ты?

— Нет.

— Не понимаю?!

— Меня в ночное зовут.

Мать на минуту задумалась.

— Далеко?

— Близко. На лугу.

— Поезжай.

— Мама!— завопил Женька.— Ты, ты — хорошая, ты золотая, ты сама не знаешь какая! И я, когда вырасту, тоже буду тебя везде отпускать.

Он повис у неё на шее и заболтал ногами.

— Отцепись, дуралей! Оденься теплее. Пальто возьми. Ночи холодные. С лошадьми будь осторожнее,— напутствовала Анна Александровна.

Когда топот ребят затих и хлопнули ворота, она подошла к столу. На нём лежало забытое письмо с огромной кляксой вместо подписи. Анна Александровна привычно подчеркнула грамматические ошибки, а потом села, взяла ручку и стала продолжать письмо сына, время от времени улыбаясь своим мыслям.

...У колхозной конюшни суетились Мишка, Ванюшка, Санька. Конюх выводил лошадей, передавал их ребятам.

— Алёш! Зорьку держи!— Мишка подвёл высокую гнедую лошадь, с белой лысинкой на лбу.

— Верхом поедем? — спросил Женька.
— Ясно, верхом.
— А как же я?
— Уедешь! — сказал Алёшка таким тоном, словно товарищ спрашивал о каком-нибудь пустяке. — Со мной сперва. Лезь! Она смирная.

Легко сказать «лезь», если рука не достаёт лошадиной холки. Женька цеплялся за гриву, карабкался, скользил, а Зорька переступала, фыркала и беспокойно вздрагивала, будто хотела сказать: «Скоро ли ты заберёшься? Какой неуклюжий!».

Видя бесплодные Женькины попытки, Алёшка отвёл лошадь к палисаднику, и уж оттуда товарищ взобрался на её широкую, надёжную спину.

— Держись! — Алёшка подпрыгнул, обнял Зорьку за шею и, едва не разбив Женьке нос каблуком, мигом очутился впереди.

— Трогай! — скомандовал Мишка. Он сидел на вороном, тонконогом жеребце, и даже в потёмках было видно, что Мишка горд и, наверное, воображает себя Чапаевым.

«Кавалерия» тронулась. Женька ухватился за Алёшкину куртку, закрыл глаза. Страшно в первый раз сидеть на качающейся гладкой спине лошади.

В пыли глухо топали копыта. Ржал злой жеребец Мишки, Зорька бежала тряской рысью. Понемногу Женька пришёл в себя. Открыл один глаз, но ничего не увидел, кроме Алёшкиной спины.

— Не бойся! Чего сжался? Смелее сиди! — подбодрил его друг.

Тогда Женька открыл и второй глаз. Темнота. Он повернул голову, увидел огоньки деревни,

широкий простор ночного поля в слабом свете бесчисленных звёзд.

Эх, до-ро-ги... —

неожиданно запел в темноте Мишка.

Пыль, да туман, —

подхватили Санька и Ванюшка.

Холода, тревоги
Да степной бурьян...

И вот уже в рокоте копыт звенят голоса Алёшки и Женьки. И сам Женька — не просто маленький слабый мальчишка — это кавалерист-разведчик, едущий навстречу врагу.

Край зна-ко-мый,
Солнце вста-а-ёт...—

льётся над полем тенор Мишки.

У крыльца род-но-го
Мать сыночка ждёт,—

вторят Алёшка и Женька тонкими голосами. Уходит назад дорога, мелькают облитые тенью кусты, храпят кони.

На знакомом лугу, где в июле сгребали сено, ребята спешились. Чтобы кони не разбежались, их передние ноги спутали верёвками, а вороному надели на шею железный колокольчик — ботало.

Гурьбой направились к речке, отыскали сломанную берёзу, стукаясь лбами, сбивая пальцы, надрали бересты. Мишка приволок откуда-то сухую ёлку. Ванюшка — охапку сучьев.

— Санька, спички давай,— попросил Мишка, обламывая ветки и складывая их кучкой.

— На. Ой!

— Что — «ой»?

— Коробка пустая.

— Эх ты-ы... Чем разжигать будем? Говорил. возьми!

— Я же взял! Не забыл,— оправдывался Санька.

— Пустую. Дурак долговязый! Огурец!— злился Мишка.— Как дам вот, чтоб искры посыпались.

— Не зажжёшь костра-то,— уныло сказал Ванюшка.

У мальчишек опустились руки. Угрюмыми, неприветливыми показались теперь луг, ночная тишина, сырая трава под ногами.

— Знал бы, так не поехал,— скулил Мишка и, поёживаясь, топтался на одном месте.

— Давайте, как дикари, палочку о палочку потрём. Может, загорится?!— предложил Женька.

— Верно, я тоже слыхал,— оживился Алёшка.

За дело принялись немедленно. Тёрли, тёрли, тёрли до пота, но то ли дерево попалось сырое, то ли дикари как-нибудь по-особенному умели тереть, а веточки лишь слабо нагрелись.

— Зря время теряем. Лучше я в деревню сгоняю,— сказал Алёшка и пошёл в темноту. Брякнуло ботало.

— Ждите, я мигом,— крикнул он, выезжая на дорогу, и словно растворился во мраке. Лишь донёсся удалявшийся топот лошади. Наконец, и он затих.

Ребята присели на траву. Молчали.

Ночь, непроглядная, августовская, опустилась над полями. Узкий белый рог месяца выглянул из-за леса, но его бледный, зеленоватый свет не

мог разогнать темноту, пересилить сияние звёзд.

Женька вертел головой, чутко слушал. Временами ему казалось, будто уши его начинают шевелиться, как у кошки.

Где-то треснула ветка, мышь пискнула, пробежала по траве, ветерок качнул кусты, и они залепетали таинственно, тихо. Время тянулось медленно, ползло черепахой.

Женька припомнил бессонные ночи в больнице, когда лежал, не смыкая глаз, считал тиканье ходиков в коридоре. Припомнил, как шёпотом рассказывал смешные сказки соседу по койке, как оба засыпали на рассвете коротким, тяжёлым сном.

— Пойдём, хоть сена натаскаем,— предложил Мишка.— Надоело так сидеть,— он поднялся.

За ним, стараясь не терять друг друга, потянулись остальные. Каждый захватил по охапке сухого ломкого сена. Сходили ещё и ещё.

— Эх, костёр бы,— вслух мечтал Ванюшка.— Что-то долго не едет Алёшка. Пора бы...

— Едет! Слушайте! Едет,— крикнул Санька, и ребята встрепенулись, заслышав приближающийся стук копыт.

— Едет!

— Гонит!

— Эй, живы?— из тьмы показался силуэт Алёшки.— Нате разжигайте. Я вороного поважу — здорово гнал.

Великое дело — огонь для человека. Едва затрещали пороховыми огоньками смолистые ветки и еловый дымок защекотал в носу, как стало хорошо, уютно. Ночь не казалось страшной, хотя мрак сильнее сгустился вокруг.

— Налаживай, ребята, перины,— распоря-

жался Мишка.— Да глядите, как бы не подгореть!

Все устроились лицом к огню, время от времени протягивая к костру руки, чтобы получше ощутить жар нагоревших углей. Говорили негромко. Кто о чём. Санька рассказывал, как в прошлом году на омуте в вершу попалась щука. Ванюшка и Мишка слушали. Алёшка был занят делом. Он достал из-за пазухи пригоршню мелких рыжиков, краюшку хлеба, сломал десяток тонких сучков и, насадив на них грибы, поставил к огню.

— Откуда ты грибы взял? Из дому?— спрашивали ребята.

— Как же! Из дому! Ничего не из дому. Тут нашёл.

— Где?

Алёшка ухмыльнулся, толкнул Саньку:

— Сам на грибах сидишь, а спрашиваешь.

— На каких?

— На рыжиках.

— Чего врёшь?

— А ты посмотри.

Санька встал на четвереньки и с любопытством принялся ворошить сено.

— Да не там, с другой стороны,— подсказывал Мишка и мигал Алёшке.

— Ничего нет!— Санька повернул недовольное лицо к костру.

Взрыв хохота был ему ответом.

— Ты в земле порой, носом, они глубоко,— хохотали ребята. Но Санька решил, что обижаться на них не стоит, и тоже засмеялся.

Рыжики в костре сморщились, потемнели.

— Хороши, должно быть!— Алёшка снял грибы с углей и раздал ребятам.

Печёный, текущий горячим соком рыжик оказался необыкновенно вкусным, и Женька пожалел, что товарищ не привёз грибов побольше.

Когда с едой было покончено, Мишка, Санька и Ванюшка легли спать.

— Мы до скорого. Как скорый поезд пройдёт, разбудите. Тогда вы спать, а мы караулить будем,— наказывал Мишка.

Они улеглись спинами к огню, долго возились, укладывали под головы кулаки и шапки и, наконец, затихли.

Стоя на коленях, Алёшка подбрасывал ветки в костёр. Свет и тени бегали по его лицу. Женька наблюдал, как уносятся ввысь, гаснут на лету стайки крохотных искр. Всё было ново для него: и звёздная ночь над лугами, и зелёный огонёк светляка в траве, и треск костра, и перекличка петухов в далёких спящих деревнях.

— Хорошо в ночном?— спросил товарищ, подсаживаясь ближе.— Я люблю... Только вот тоскливо что-то. Тятю начну вспоминать, маму тоже. Она у меня хорошая была. Шибко хорошая!

Алёшка вздохнул, приподнял брови, задумчиво уставился на огонь.

— Как же она, как же...— начал Женька и

не договорил. Трудно сказать тяжёлое слово «умерла».

— Так,— перебил его Алёшка,— так и померла.— Третий год пошёл. А была моя мама молодая, тоненькая, весёлая, как вот тётка Маша, моложе ещё. Тятю совсем не помню. Мама сказывала, как ушёл он на войну в сорок втором году, писал часто, а под самый конец что-то перестал. Ждала она, на станцию к почтовому поезду ходила. Нет писем. Война уже кончилась. Как-то вызвали её в сельсовет, бумагу принесли. А в ней написано было, что тятя мой, Иван Герасимович Голубев, геройски погиб в бою под Берлином... «Геройски погиб»,— вот как сказано.

Алёшка поворошил веточкой угли. Потом бросил её в костер и продолжал:

— Мама с того времени покою не знала, извелась вся, похудела как! А не верила той бумажке. И мне говорила, что, мол, ошибка там вышла, вернётся тятя. Я хоть и мал был ещё, а понял — нарочно она говорит. По-моему, зря так судят, что маленькие ничего не понимают. Они всё понимают, да помалкивают. Я, бывало, проснусь ночью, гляжу тихонько: не спит мама, пла-

чет. Жалко мне её было, ух, как жалко! Уж я ей и ягоды носил, и грибы, и в избе подмету. Охота обрадовать. Вижу, вроде бы полегчало ей.

Только один раз пришла она с поля. Жара тогда была, духотища. Ну, мама и напилась холодного квасу, с погребу. Напилась квасу-то и слегла к утру. Жар у неё сделался. Фельдшер пришёл — порошки выписал, в больницу хотел отправить. А она не хочет. Упрямая. Дома, говорит, отлежусь. Однако хуже ей стало. Я что, глупый был, кабы знал, сразу бы в больницу. Она по избе ещё ходит, посуду моет, сама с лица красным-краснёхонька. На пятый день почти силком повезли её в Сосновку тётка Маша, да дедушка, да фельдшер, да ещё люди. Поздно было... Не довезли... нет...

Алёшка резко отвернулся и затрясся, заплакал отчаянно и тихо. Обняв друга за дрожащие плечи, Женька тоже заплакал, зашептал что-то.

— Ну, будет,— вздохнул Алёшка, вытер глаза.— Женька, не реви, ничего,— сказал он, хотя губы у самого ещё кривились и в горле щипало.— Хороший ты парень. И не уезжал бы, а? Мы с тобой везде, всегда вместе...

— Думаешь, мне хочется? Я бы тоже никуда не поехал. Как мама...

— Слушай, скорый идёт!

Друзья замолчали, отвернулись от костра, прислушались.

Ночь дышала прохладой и сыростью. Звёзды мерцали серебряным светом, немые, спокойные, непонятные. Самая крупная белая звезда сияла совсем низко, там, где, предвещая рассвет, занималась ранняя голубая заря. Всё спало глубоким сном. Изредка в глухой тишине всхрапывали

кони, чуткий жеребец мотал мордой, брякал боталом.

Со стороны станции доносился невнятный гул поезда. Идёт! Гул и грохот нарастали. Блеснул за речкой луч прожектора. «Та-та-та, та-та-та»,— шумно дышит паровоз, рокочут колёса, мелькают освещённые окна вагонов. Пронёсся. Стихает грохот. Подхваченный эхом, замер гудок.

_ Пора смену будить.

Разоспавшегося Мишку пришлось тянуть за ноги, пока он понял, в чём дело, сел, заспанный и злой, неистово протирая глаза кулаками. В волосах Мишки торчало сено.

— Скорый прошёл?— зевая, осведомился он.

— Прошёл,— ответил Женька.

— Ладно. Валитесь спать. Ребят не буди. Я один всех буду караулить.

И хотя непонятно было, зачем Мишка хочет караулить один, они не стали спорить. Быстро улеглись на тёплое сено, укрылись с головой и, прижавшись друг к другу, мгновенно заснули...

...Когда золотой край холодного солнца выглянул из-за пашен и осветил побелевший росистый луг, на нём едва курился забытый костёр, дремали лошади, спали мальчишки, а поодаль бессовестно дрыхнул караульщик Мишка.

ПОДАРКИ

Перед отъездом Женька вспомнил про пасеку. Со всеми хлопотами, с делами бригады он давно не бывал у Матвеича и решил зайти, попрощаться. Сказано — сделано. И окрепшие, в пятнах загара и грязи ноги уже несут его по глинистому

просёлку и дальше, прямиком через канавы и бугры. Вот он — знакомый пригорок. Зелень лип. Тишина. Вон дедушка бродит по поляне около ульев. Первая пчела жужжит над ухом.

Отмахиваясь от гудящей злючки, Женька подбежал к избе, нырнул в сенки. В комнате старика всё было по-прежнему. Только птицы сейчас линяли, неподвижно сидели на жёрдочках. Пожилой, облысевший и бесхвостый дрозд равнодушно поглядел на Женьку, потянулся, распуская крыло по лапке, и снова задремал.

Женька разыскал сетку, торопливо напялил её на голову и выскочил на поляну.

— Старший помощник пришёл!— обрадовался старик.— Давненько не бывал, давненько. Не загордился ли? Ты, сказывают, двоих ребятишек у Аграфены Глотихи из воды выволок. Героем стал.

— Дедушка,— огорчённо сказал Женька,— дедушка, я не загордился, я прощаться пришёл. уезжаю... завтра.

— Плохо дело,— вздохнул Матвеич.— Тебе бы у нас жить да жить. Ребята в деревне хорошие, сам здоровее стал. На пасеке бы работали. Старый да малый. Чего лучше! Или не поглянулось?— участливо спросил он, увидев, как омрачилось Женькино лицо.

— Поглянулось. Я маму просил-просил. Вот бы, говорю, нам здесь насовсем остаться. А она говорит, что я глупый, что работать ей негде.

— Как негде?— удивился дед.— Можно в сельсовете, можно в клубе, в школе Сосновской. Тут рукой подать — версты три.

— Я и то говорил. Только она ничего не сказала.

Дед покачал головой, взял Женьку за руку, повёл в избу.

— Чайку попьём, поговорим,— бормотал он на ходу и всё качал лысой головой.

В избе Матвеич долго возился за печью, раздувал самовар, гремел жестяной трубой.

— Гляди-ка, что я тебе подарю,— сказал он, выходя из-за печи с зелёным резным садком.

— Ой, дедушка, мне не надо,— робко отнекивался Женька.

— Бери! Чего там! Для тебя делал. И птичку тебе дам. Дубровника. Лучше его никаких других не бывает. Будет он тебе в городе про весну, про луга, про деревню нашу петь. Послушаешь и вспомнишь.

— Спасибо,— почти прошептал Женька, и очень захотелось ему обнять этого доброго сгорбленного старика.

— Прибавилось у нас ульев,— рассказывал за чаем дед.— Я ещё четыре роя поймал. Хочу председателя просить, пускай помощника, какого ни на есть, даст. Стар я стал, управиться со всем хозяйством трудно. Скоро ульи утеплять надо. Холода пойдут, утренники. А там пчёл на зимовку перенести потребуется. В омшанник. Подкормку для них заготовить. Беда сколько дел. Один всех не переделаешь.

Он перевернул кружку донышком вверх, пожевал беззубым ртом и неожиданно предложил:

— Сходим-ка напоследок в лес. Я тебе рябчика на пищик подманю. Походим, воздухом подышим вольным, грибов наберём.

Тает безветренный августовский день. Молчит лес. Жёлтые пряди мелькают на берёзах. Ещё пригревает, но в огрубевшей зелени листьев, в

неярких венчиках поздних цветов чувствуется что-то усталое, сонное. Странно, удивлённо звучит в пустой тишине серебряный голос пеночки. Первый сухой листок бессильно кружится в прозрачном паутинном воздухе. Куда, куда уходишь от нас, тёплое лето?

Дед шаркал валенками, разгребал палкой траву, срывал какие-то былинки.

— К ненастью пенка кричит, не ко времени,— пробормотал он, поглядел в неподвижное небо между вершинами.

Женька шёл не спеша, приглядывался к цветам, копал моховые бугорки. В плетушке один за другим появлялись то сырые мохнатые грузди, то кучка ранних опят, то пёстренький рыжик.

На поваленной толстой осине зелёный жук-скрипун первым заметил мальчишку и, поджав лапки, хотел свалиться в траву, но Женька не оплошал и ухватил редкую добычу за усы. Маленькое чудовище сопротивлялось, скрипело жёсткой шейкой, пока не было посажено в спичечную коробку.

Много интересного попадалось в лесу. Вот на обгорелом пне сидит здоровенная муха-ктырь, высасывает пойманную бабочку. Волосатая, мрачно-чёрная, долгоносая, муха похожа на сказочную бабу-ягу. Через дорожку шелестит ящерица. Вонючий лесной клоп-солдатик бежит по рукаву. Траурницы и голубянки кучкой собрались у надломленной берёзы — пьют сок.

Дед и Женька вышли на берег Говорухи. Сжатая лесом с обеих сторон речка струилась среди сочных дудок болиголова и хвоща. Высокий берег оброс шиповником, тонкие рябинки поднимались над ним вперемешку с ёлками и осинами. Это был такой чистый, нетронутый уголок леса, что сло-

мать здесь ветку, бросить бумажку, сорвать кисть рябины казалось преступлением.

Матвеич опустился на траву, вытер платком лицо и лысину.

— Посидим...— старик с трудом переводил дыхание.— Задышался, стар стал. А много ли прошли?— тоскливо спросил он не то у Женьки, не то у ёлки, под которой сидел.

Женьке не терпелось увидеть рябчика. Дед достал костяную дудочку, поднёс к губам, и она засвистела тонко и чисто: «Ти-ти-чип-чири-чу-вич». Прислушались, затаив дыхание. Никого Только сердце глухо стучит в груди: тук-тук, тук-тук.

— Не откликается! Шалишь! Здесь ты. Ну-ка иначе попробуем.

Дудочка запела печально, призывно. И сразу же из глухого ельника послышался ответный свист:

— Ти-ти-чип-чири-чу-вич,— отозвалась невидимая птица, шумно порхнула.

— Прячься, летит,— прошептал старик.

Они укрылись за колючей зеленью ёлки. Тишина. Женька вытягивал шею, смотрел по вершинам. От напряжения рябило в глазах.

Вдруг трава раздвинулась, и на крошечную полянку выбежала, как показалось Женьке, маленькая пёстрая курочка. Приподняв хохолок, опустив крылья, она замерла. Постояв минуту неподвижно, она развернула хвост веером, покрутилась на месте и просвистела свою громкую песню. Но тут зоркий глаз птицы усмотрел за ёлкой что-то подозрительное. Мгновенно сложив хвост, рябчик юркнул в траву и скрылся так же внезапно, как появился.

— Углядел, шельмец,— посмеивался Матве-

ич.— Так часто бывает: ты его по макушкам смотришь, а он незаметно пешком пожалует, да ещё со спины зайдёт, высмотрит — и был таков. Таёжная птица, чуткая!

— Дедушка,— взмолился Женька,— научи меня их подманивать. Покажи, пожалуйста.

— Учись,— сказал дед.— Дудку я тебе отдам, у меня другие есть. Только не вдруг научишься.

Слова Матвеича сбылись. Всю обратную дорогу Женька свистел, пищал, цвиркал, но голос рябчика у него не получался.

— В лесу надо походить, послушать,— учил дед.— Приедешь на другое лето, и отправимся мы с тобой, коли дожить придётся.

В сумерках в большом колхозном клубе ярко горели огни. Народ толпился у входа. Взрослые курили, переговаривались, щёлкали семечки.

— Собрание будет,— объявила Аниска ребятам, которые вертелись тут же. Шустрая девчонка раньше всех узнавала и разносила деревенские новости.

Через полчаса Нюткина бригада чинно сидела в первом ряду. Слушали доклад председателя. Он говорил, что рожь убрали раньше срока, что урожай нынче куда больше прошлогоднего и что кукуруза созрела как нельзя лучше.

При этих словах Николая Александровича Алёшка засиял и, толкнув Нютку, прошипел:

— Говорил тебе, вырастет! Вот и выросла. Спора!

Много рассказывал председатель: и про пшеницу, и про лён, и про молочную ферму — всего Женька не запомнил. А после доклада Николай

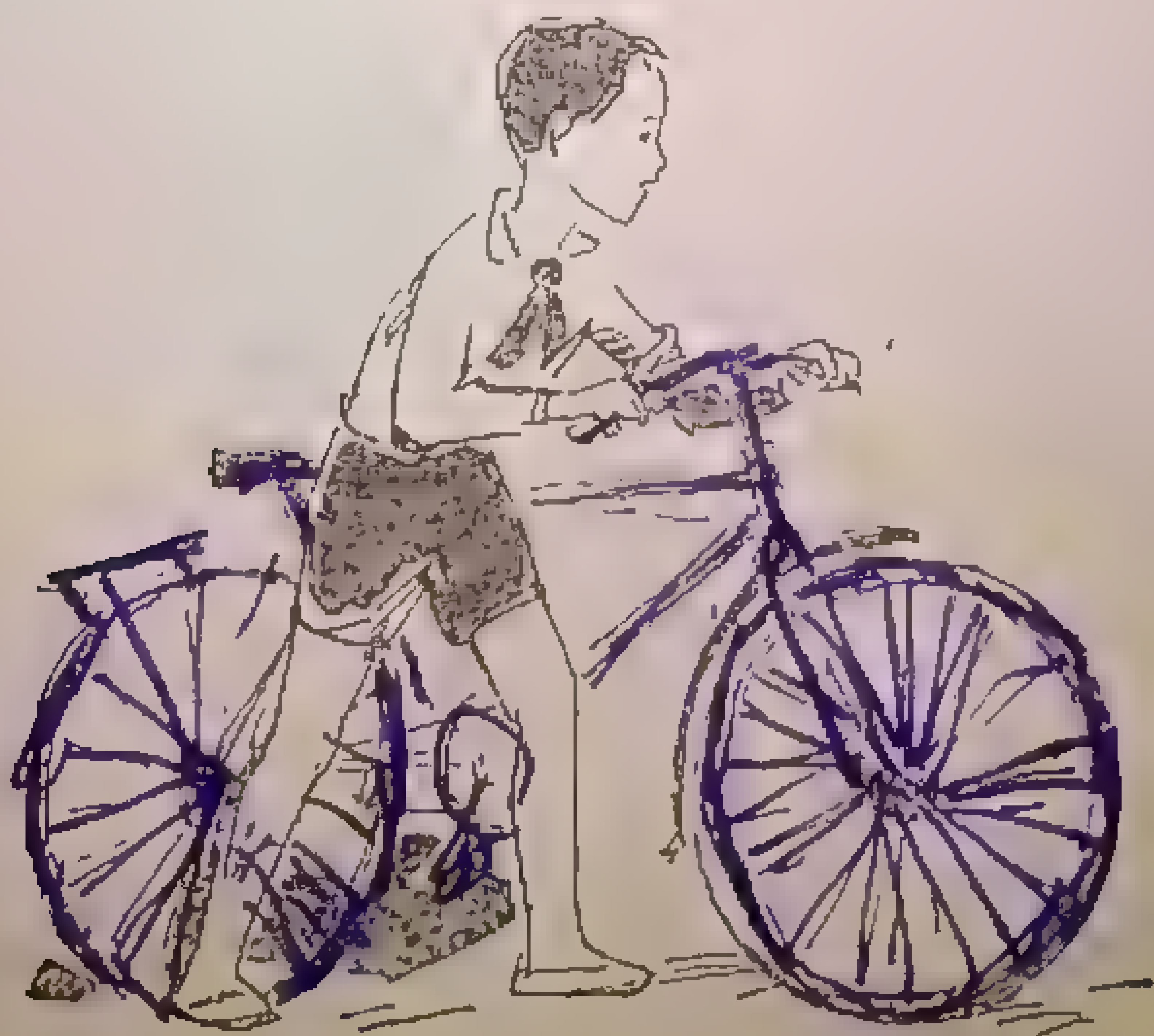
Александрович взял со стола бумажку и сказал, что от имени правления колхоза «Октябрь» за хорошую работу и помощь на уборке объявляется благодарность пионерской бригаде в составе: Анюты Черных (Женька покосился на Нютку), Алёши Голубева (Алёшка покраснел и сурово нахмурился), Жени Вострякова, Анисьи Чупиной...

«Неужели это меня?! — подумал Женька.— Ну, конечно, Вострякова,— значит, меня!» И на душе у него запело, а рот сам собой расплылся в улыбке.

Когда председатель дочитал список, весь зал дружно захлопал в ладоши. Ребята сидели красные, взволнованные, счастливые. Женька посмотрел на Нютку и увидел, что глаза их отчаянного бригадира блестят от хороших, радостных слёз.

Председатель поднял руку — шум в зале утих.

— За проявленную храбрость при спасении детей колхозницы Глотовой,— прочитал он (Женька замер с раскрытым ртом),— правление

премирует члена пионерской бригады Женю Вострякова ценным подарком и сообщает о его поступке в местную газету.

Снова зал грохнул аплодисментами.

— Просим Женю принять подарок,— сказал Николай Александрович.

Смущённый Женька, подталкиваемый в спину Алёшкой и Мишкой, поднялся на сцену, и председатель подвёл к нему новенький, блестящий эмалью и никелем подростковый велосипед.

Растерянный мальчик чуть слышно пробормотал «спасибо». Остановился, хотел что-то сказать, но люди так крепко хлопали в ладоши, что он только махнул рукой, и с помощью Алёшки спустил велосипед со сцены.

Собрание кончилось. Народ расходился. Ребята повскакивали с мест, рассматривали и обсуждали подарок. Женька стоял в стороне, оглядывался, не знал, что делать, что говорить, как сказать матери. Он был рад и не рад: «Ведь не один я вытащил Андрюшку, если бы не Алёшка, мне бы, наверное, плохо пришлось. Почему всё мне: и благодарность, и подарок, и в газету?»

Как же Алёшка?

Но Алёшка и не думал обижаться. Он стоял возле велосипеда, трогал его рубчатые покрышки, что-то оживлённо рассказывал Нютке.

РАССТАВАНИЕ

Дождевое небо висело над деревней. Прохладный ветер налетал порывами, скрипел растворенной калиткой, дугой сгибал вершину берёзы.

Хмурый Женька бесцельно бродил по двору. Мать укладывала вещи, готовилась к отъезду. Мальчишка обошёл двор, слазил на старую баню, потоптался за воротами.

Пусто. Нет никого. Алёшки нет. Наверное, рассердился, что не подарили ничего ему. Женька с какой-то ненавистью вспомнил про велосипед:

— Не надо мне его! Раз одному — значит, не надо!

А тут ещё уезжать сегодня приходится. Уезжать, хотя он так полюбил и этот низенький дом, и берёзу, на которой болтается склеенный Алёшкой змеёк, и завалинку, где они втроём сидели вечерами.

Женька посмотрел на покинутое гнездо ласточек, и припомнился ему грустный стишок, который учили давным-давно, во втором классе. Стишок про увядающий сад, про осень:

Взгляну ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном,
В нём ласточек речи не слышу,
Солома обветрилась в нём...

— Солома обветрилась в нём,— прошептал Женька и вдруг почувствовал, как слёзы подступают к горлу. Он не выдержал, хлопнул калиткой, побежал в огород, забился в высокую лебеду и горько, безутешно заплакал.

Как жить? Без Алёшки, без Нютки, без всех ребят. Очень это тяжело.

Проплакался. Стало легче. Вытер глаза рукавом и сидел в бурьяне, изредка всхлипывая, глядя на гнилую жердь изгороди, по которой неспешно ползла зелёная травяная букашка.

— Что тебе?— вслух сказал он.— Ползёшь, не знаешь куда. А тут вот ..

— Женька-аа!— услышал он Алёшкин голос и выглянул из своего убежища.

По борозде шёл улыбающийся Алёшка. Обеими руками он держал большой ящик.

— Куда залез?— удивился товарищ.— Я его ищу, ищу, а он вон где!

Женька сумрачно смотрел на Алёшку.

— Да ты не реветь ли собрался? Держи. На память тебе дарю.

Он протянул Женьке ящик.

В ящике оказалась вся коллекция яиц, за исключением одного куриного. Женька опешил. Потом молча взял ящик и поставил прямо на грядку с картошкой.

— Нет,— сказал он твёрдо.— Нет, мне не надо. Меня всего задарили. Клетку, благодарности, дубровника, велосипед! А ты ещё коллекцию отдаёшь. Нет.

— Зачем не берёшь?— нахмурился Алёшка.— Я тебе от себя, на память. Может, не увидимся больше...

Женька молчал.

— Хорошо!— вдруг сказал он.— Только я тоже тебе подарю. Велосипед ты возьмёшь! Пусть он тебе от меня на память будет.

— Велисапе-ед! Что ты! Велисапед деньги стоит — рублей триста, не меньше. А коллекцию я сам собрал, без копейки. Никак нельзя!

— Возьми!— горячо заговорил Женька.— Ну, пожалуйста. Не мне одному его подарили. Мы вместе тогда Андрюшку вытаскивали. Я маме вчера сказал, что всё равно один не возьму, не надо...

Алёшка смутился, копал босой ногой землю, отрицательно качая головой.

— Вот если бы мы вместе были,— начал он,—

тогда бы я взял. Велисапед наш был бы. Хочешь — ты на нём езди, хочу — я покатаюсь...

Женька хотел что-то сказать, но в огород вихрем влетела Нютка.

— Письмо! Письмо! Иди скорее,— закричала она.

— От папы?

— Ага!

Женька опрометью бросился к дому.

Анна Александровна, весёлая, помолодевшая, стояла у окна. На скатерти лежал разорванный конверт со штампом авиапочты. Женька узнал твёрдый почерк отца.

Письмо было короткое. Папа писал, что демобилизовался из армии и о приезде известит телеграммой. А ещё там было сказано, что если найдётся работа в МТС, то они переедут жить в деревню, к дяде Андрею.

Женька не поверил глазам, и снова и снова читал письмо.

Убедившись, что он не ошибся, мальчишка подпрыгнул и заорал на весь дом.

— Да, остаёмся! Слышишь, Алёшка! Остаёмся!! Папа пишет!

Он схватил товарища за руки, смеялся, прыгал по комнате, как маленький дурной козлёнок.

...Паровоз попыхивал дымом, разводил пары. Дзень — брякнул станционный колокол. Пора идти в вагон.

— Значит, приедешь?— наверное, в сотый раз спрашивал Алёшка Женьку.

— Обязательно. Только папа вернётся.

— Мы ждать будем, мы тебе место на парте

оставим,— говорила Нютка.— Ты нам письмо напишешь?

— Напишу. Я сразу...

Заглушая слова, басом заревел паровоз, загрохотали вагоны. Женька заскочил на подножку, махал рукой, что-то кричал. Алёшка и Нютка шли за вагоном.

— Прощай, Женька!

— До свиданья! Я скоро при-е-ду!

Поезд набирал ход. Но ещё долго видел Женька маленькие фигурки на пустом перроне. Алёшка и Нютка стояли там, и с ними словно остался навсегда кусочек Женькиного сердца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Николай Григорьевич Никонов

МАЛЬЧИШКИ

Редактор *Л. Чумакова*
Художественно-технический редактор *Ю. Сакнынь*
Корректоры *Н. Рабинович* и *А. Курленко*

*

Подписано к печати 18/XII 1961 г. Уч.-изд. л. 7,86.
Бумага $54 \times 84^1/_{16}$ = 6 бум.— 9,84 печ. л.
Тираж 50000. Заказ № 704. Цена 34 коп.

*

Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

34 коп.

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190